

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

**Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова**

АЛЬМАНАХ

**Славяно-греко-латинского кабинета
Приволжского федерального округа**

**Thesaurus scientiarum et virtutum.
Сокровищница знаний и добродетелей**

Выпуск 7

**Нижний Новгород
2023**

УДК 304.2+009
ББК 60,63,71+84(0)
А571

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова»
Издатель: Нижегородский государственный лингвистический университет

Главный редактор: Самойлова М. П. – канд. ист. наук, доцент, директор научно-образовательного центра «Славяно-греко-латинский кабинет Приволжского федерального округа»

Редакционная коллегия:

Никонова Ж. В., д-р филол. наук, профессор, ректор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

Жигалев Б. А., д-р пед. наук, профессор, президент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

Швецов М. Н., д-р экон. наук, канд. пед. наук, ректор Марийского государственного университета

Горохова А. М., канд. филол. наук, доцент, первый проректор – проректор по молодежной политике и международному сотрудничеству Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

Бараева О. Ю., канд. пед. наук, руководитель проектов и программ Благотворительного фонда преподобного Серафима Саровского, руководитель проекта «Ассоциация православных гимназий Приволжского федерального округа»

Устинкин С. В., д-р ист. наук, профессор, научный руководитель Высшей школы международных отношений и мировой политики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

Ващева И. Ю., д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Самойлова М. П., канд. ист. наук, доцент, директор научно-образовательного центра «Славяно-греко-латинский кабинет Приволжского федерального округа»

Мошкина Е. Н., канд. филол. наук, доцент, директор Вятской православной гимназии во имя преподобного Трифона Вятского города Кирова

А571 Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. Thesaurus scientiarum et virtutum. Сокровищница знаний и добродетелей. Вып. 7. – Н. Новгород: НГЛУ, 2023. – 151 с.

ISBN 978-5-85839-431-0

Альманах зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–81768 от 27.08.2021.

ISBN 978-5-85839-431-0

© Авторы, 2023
© НГЛУ, 2023

Содержание

Педагогические практики образования и воспитания..... 5

Аверкина С. Н., Трофимова Л. В. Опыт гуманистической педагогики в свете современных проблем образования..... 5

Вязовова А. Н. Проект Арзамасской православной гимназии «Православный Арзамас» как одно из направлений патриотического воспитания учащихся 11

Щелина Т. Т. Арзамасский краевой педагогический институт – Арзамасский государственный учительский институт – Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара – Арзамасский филиал нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского: на nive просвещения 20

История..... 32

Гвоздева И. А., Никишин В. О. Тема наставничества в творчестве Цицерона и система образования в древнем Риме 32

Ряполов В. Н. «Удалось сохранить в чистоте свое имя, свою репутацию...»: к портрету графа И. И. Толстого, организатора художественного образования в России, министра народного просвещения 60

Сенюткина О. Н. Панславизм и пантюркизм: исторические параллели..... 66

Сивкина Н. Ю., Гусева А. С. К вопросу о культурной интеграции (на примере архитектуры ранних Селевкидов)..... 71

Устинкин С. В. Отражение Гражданской войны в книге З. Прилепина «Шолохов. Незаконный» 78

Самойлова М. П. Римское наследие в политической и идеологической культуре Московского царства во второй половине XVII в. при царе Алексее Михайловиче 84

Воробьева А. И., Самойлова М. П. Собор святого благоверного князя Александра Невского в жизни Нижнего Новгорода..... 95

Философия 101

Багаева О. Н. Социально-философский аспект понятия «труд» в русской философии. 101

Лушин А. Н. Концепция «Москва – Третий Рим»: опыт современного осмысления 107

Паломническо-туристический кластер «Арзамас – Дивеево – Саров» 112

Ильченко Т. М. Арзамас. Возрождение 112

Полякова О. Ю. Театрализованный мультимедийный концерт как один из видов массовых представлений и праздников на примере гала-концерта фестиваля «Арзамасские купола 2023» 120

Творчество	126
<i>Борисевич И. Л.</i> Когда вернетесь вы с войны... Стихи	126
<i>Елисов А. В.</i> Евангельские места на Святой земле. Стихи	129
Персоналии	138
<i>Сенюткина О. Н.</i> Каспранский Равиль Рухулбаянович – основатель научной школы «Языковая норма. Варьирование языковых средств»	138
<i>Гурина Е. П.</i> Доброта: памяти Ирины Александровны Воцининой	141
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	149

Педагогические практики образования и воспитания

УДК 37.032.2
ГРНТИ 14.01.11

ОПЫТ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

С. Н. Аверкина

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород
E-mail: averkina.svetlanlunn@mail.ru

Л. В. Трофимова

Елабужский институт (филиал)
Казанского (Приволжского) федерального университета,
Елабуга
E-mail: LVTrofimova@kpfu.ru

Аннотация. Основная проблема, поставленная в статье, связана с кризисом, охватившим отечественное образование после присоединения России к Болонскому процессу, и усложнением документооборота в системе образования. Это привело к подмене понятий, противостоять которой можно, только вернувшись к традициям гуманистической педагогики, берущим начало еще со времен Платона. Отмечаются основные черты данной системы образования, предлагаются перспективы решения вопроса о необходимости воспитания ответственной и творческой личности, способной взаимодействовать в социальной среде.

Ключевые слова: гуманистическая педагогика, кризис образования, философия гуманизма, ответственность.

EXPERIENCE OF HUMANISTIC PEDAGOGY IN THE LIGHT OF MODERN PROBLEMS OF EDUCATION

Svetlana N. Averkina

Linguistics University of Nizhny Novgorod,

Nizhny Novgorod

E-mail: averkina.svetlanalunn@mail.ru

Liudmila V. Trofimova

Elabuga Institute of Kazan Federal University,

Elabuga

E-mail: LVTrofimova@kpfu.ru

Abstract. The main problem posed in the article is related to the crisis that gripped education after the introduction of the Bologna system and the complication of document flow in the education system. This led to a substitution of concepts, which can only be countered by a return to the traditions of humanistic. The main problem posed in the article is related to the crisis that gripped education after the introduction of the Bologna system and the complication of document flow in the education system. This led to a substitution of concepts, which can only be countered by a return to the traditions of humanistic

Keywords: humanistic pedagogy, humanism concept, бpersonal development, responsibility.

В последние годы несостоятельность реформ школьного, среднего и высшего образования, превращение школ и вузов в субъекты оказания образовательных услуг, «бумажный гнёт» и система ненужных рейтингов привели к неизбежному кризису, не только охватившему содержательную сторону процесса обучения, но и повлиявшему на взаимодействие всех его участников. Тестовые практики в значительной степени обезличили коммуникацию «учитель – ученик», сделали опосредованным момент передачи знаний, осложнили непосредственный контакт воспитателя и воспитуемых. Об этих проблемах заговорили давно. Одним из первых сигналов стал манифест «Гуманистическая педагогика: XXI век». Подписавшиеся под документом ученые сочли необходимым и своевременным привлечь внимание научно-педагогической элиты к тому, что «общество способно двигаться вперед, только опираясь на веру в человека, на культуру достоинства. Образование – великая сила. Оно способно сформировать новое поколение, которому не будет страшно настоящее и которое ответит на вызовы будущего. Основанное

на гуманизме, на пушкинском “самостоянье человека”, образование позволит ребенку состояться» [5].

Прецедентным моментом можно считать и встречу президента РФ с преподавателями русского языка и литературы, вскрывшую основные «перекося» Болонской системы в обучении будущих учителей средней и высшей школы. Это стало толчком для реформации министерства и началом поиска путей выхода из кризиса. Одним из поводов для написания данной статьи стало именно желание принять участие в поисках новых путей решения важнейших для общества будущего проблем.

Один из векторов развития в области образования – обращение к традициям гуманистической педагогики. При этом необходимо уточнить, что под гуманистической педагогией понимается не только идейная система, возникшая в эпоху Возрождения, и не свод морально-этических представлений, закреплённых в культуре [1]. В основу гуманистической педагогики положена идея участия в развитии личности ученика, раскрытия его творческого потенциала, воспитания способности к диалогу и рефлексии.

Гуманизм ставит во главу угла человеческие интересы и человеческую значимость. Отсюда и другая важная задача гуманистической педагогики – выдерживать вызовы окружающего мира. Соответственно, нельзя забывать и о физическом, наравне с нравственным, воспитании, – экологическом воспитании, формировании способности создавать информационные модели мира (познавать мир, внешнюю и внутреннюю среду обитания человека), формировать способность избегать неблагоприятных и выбирать благоприятные условия внешней среды (на основе информационного моделирования грядущих ситуаций) [11]. Иными словами, гуманистическая педагогика должна ставить задачей развитие гармоничной личности, способной адекватно воспринимать информацию, адаптироваться к среде, формулировать цели и задачи в процессе жизнедеятельности и приносить благо обществу [12].

История гуманистической педагогики достаточно хорошо изучена в связи с конкретными эпохами и именами. Необходимо учесть опыт великой Платоновской академии, вспомнить образовательные утопии Ф. Рабле, М. де Сервантеса, академическое новаторство Э. Роттердамского и Т. Мора, просветительские утопии энциклопедистов, философские основы педагогики от Вольтера, Г. Готхельфа до З. Фрейда, Л. Витгенштейна, В. Франкля, руссоистскую систему естественного воспитания, уроки И. Г. Песталоцци, терезианскую модель всеобщего начального образования, разработанную в Австрийской империи, народную «швейцарскую школу» и ее рецепцию в педагогической системе Л. Н. Толстого и К. Д. Ушинского; проекты немецких инженерных училищ – школа К. Мейя; демократическую модель

А. С. Макаренко, Л. С. Выготского. Можно долго продолжать этот ряд. Итогом должна стать хорошо взвешенная программа воспитания и интеллектуального развития школьников и студентов [2; 4; 7; 13].

Из последних работ, посвященных проблемам формирования системного образовательного плана, хотелось бы выделить коллективную монографию «Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)» под редакцией П. Сафронова, М. Майофиса, И. Кукулина [10]. В ней рассматривается прогрессивный опыт развития школьного образования после войны по обе стороны железного занавеса, то есть в период идеологического противостояния. Ответом на этот кризис стали бурный рост новых образовательных институтов и множество проектов и программ по реформированию образования, часто утопических. Авторы коллективной монографии рассматривают несколько важнейших идей, нашедших воплощение в государственных и локальных образовательных инициативах послевоенного периода: «новый коллективизм, индивидуальный подход к ребенку, политехнизация школы, сочетание планирования и творческого начала в организации образования» [9. С. 5]. Это решение, возможно, предстоит принять и на новом витке развития образовательной системы. Примечательны и главы, посвященные преемственности и разрывам с педагогикой предшествующих периодов (1900–1930-х), судьбе различных дисциплин школьного и вузовского курсов, а также изображению школы и университетов в литературе и кинематографе, в документальных кинолентах и в фотографиях. Использован опыт СССР, Венгрии, Югославии, Франции, Швеции и ФРГ. В рамках нового курса можно сделать проекты, посвященные разным периодам развития «позитивных образовательных матриц», например мастер-класс по проблеме «Образ идеального класса в фильмах “Гостя из будущего”, “Приключения Электроника”, “Вам и не снилось...”» и др. [3].

Для подготовки материалов по выбранной нами теме «История гуманистической педагогики» важным источником может послужить статья Н. В. Ломовой «Идеи К. Д. Ушинского о психологической подготовке учителя и понимании человеческой личности как ценности в современной образовательной ситуации России» [6].

Ученые одной из ведущих педагогических школ России справедливо замечают: «В основе гуманистической педагогики лежат принципы: гармонизации отношений личности и общества в целях эффективного взаимообусловленного развития, проектирования прогрессивных изменений в ребенке, синтеза гуманистических и директивных методов в воспитании, учета и предвидения влияния социума на развитие личности» [14. С. 116]. Однако

часто возникает такая проблема: общество хочет довлеть над личностью, сдерживать ее развитие, держать в узде. Об этом много писал философ и антрополог А. Швейцер: «С помощью всех своих институтов общество будет прилагать усилия к тому, чтобы держать человека в выгодном для себя состоянии безликости. Оно боится человеческой личности, ибо в ней обретают голос дух и правда, которым оно предпочло бы никогда не давать слова» [14. С. 116]. В некотором смысле это должно присутствовать: общество должно контролировать процессы ради безопасности, чтобы не появились новые Гитлеры и ему подобные. И сделать из каждого человека творца – опасная утопия. Гуманистическая педагогика не ставит такой задачи. Ее целью является воспитание личности, осознающей социальную ответственность. И в этом пункте возникает основной вопрос. Кто в диалоге учитель – ученик играет более важную роль? Задача педагога – нести ответственность и наблюдать за особенностями развития ребенка. Обучаемый же не должен чувствовать давления, но должен понимать, что речь идет не о вседозволенности, о чем писал в своем известном трактате «Государство» Платон.

Можно в некотором смысле даже поспорить с философом, крупнейшим мыслителем XX столетия А. Швейцером, который утверждал, что ценность гуманистической педагогики состоит не в привитии умения приспособляться к доминирующим идеям, а в овладении навыками им противостоять [14]. Функция социальной критики имплицитно присуща гуманистическому мировоззрению. Собственно, наличием социальной критики оно и отличается от политической конъюнктуры и апологетики. Но та же функция делает его крайне неудобным для власти, образно говоря, всегда опасаящейся, что «...польза философии не доказана, а вред от нее возможен» [8. С. 12].

Социальная критика нужна. Но она не должна переходить в бунт и произвол. Таким образом, можно сделать вывод, что идея гуманистической педагогики представляется максимально полезной, но во всех проявлениях творческого должно помнить о необходимости существования мудрого контроля. Хочется надеяться на то, что существование такого «мудрого контроля» возможно.

Литература:

1. Амонашвили Ш. А. Размышления о гуманной педагогике. М.: Изд. дом Шалвы Амонашвили, 1996.
2. Антропологические матрицы XX века. Л. С. Выготский – П. А. Флоренский: несостоявшийся диалог – приглашение к диалогу / под общ. ред. А. И. Олексенко. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 666 с.

3. Бенин В. Л. Гуманистическая педагогика и тренды современного российского социума // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 1. С. 131–138.
4. Богуславский М. В. Генезис гуманистической парадигмы образования в отечественной педагогике начала XX века // Педагогика. 2000. № 4. С. 63–70.
5. Гуманистическая педагогика: XXI век [Электронный ресурс]. URL: <http://s06004.edu35.ru/attachments/article/3401/Manifest> (дата обращения: 15.09.2023).
6. Ломова Н. В. Идеи К. Д. Ушинского о психологической подготовке учителя и понимании человеческой личности как ценности в современной образовательной ситуации России // Вестник МГУКИ. 2014. № 4 (60). С. 118–123.
7. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
8. Мамардашвили М. К. Записки инакомыслия. М.: Издательство РГГУ, 1992. 418 с.
9. Модзалевский Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. СПб.: Алетейя, 2000. 492 с.
10. Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) / Ред. и сост. И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 715 с.
11. Романюк Л. В. Гуманистическая педагогика // Знание, понимание, умение. 2012. № 2. С. 304–308.
12. Романюк Л. В. Динамика гуманистической традиции в научно-педагогическом наследии России второй половины XIX века. М.: Издательство МГУ, 2001. 118 с.
13. Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 2: Проблемы русской школы. М.: Педагогика, 1974. 439 с.
14. Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М.: Прометей, 1993.

**ПРОЕКТ АРЗАМАССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ГИМНАЗИИ
«ПРАВОСЛАВНЫЙ АРЗАМАС» КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ
ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ***

А. Н. Вязовова

Арзамасская православная гимназия,
Арзамас, Нижегородская область
E-mail: arzpg@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – проанализировать краеведческую работу с молодежью в рамках проекта «Православный Арзамас». Проект опирается на богатое историческое и культурное наследие Арзамаса, основан на использовании накопленного педагогического опыта по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию.

Ключевые слова: Арзамас, православие, краеведение, патриотическое воспитание, музейная экспозиция.

**THE PROJECT OF THE ARZAMAS ORTHODOX GYMNASIUM
“ORTHODOX ARZAMAS” AS ONE OF THE DIRECTIONS
OF PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENTS**

Alexandra N. Vyazovova

Arzamas Orthodox Gymnasium,
Arzamas
E-mail: arzpg@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze local history work with young people within the framework of the Orthodox Arzamas project. The project is based on the rich historical and cultural heritage of Arzamas, based on the use of accumulated pedagogical experience in spiritual, moral and patriotic education.

Keywords: Arzamas, Orthodoxy, local history, patriotic education, museum exposition.

*Реализован при поддержке Фонда президентских грантов в 2022–2023 году.

Патриотическое воспитание учащихся в Арзамасской православной гимназии включает в себя несколько направлений, особое место среди которых занимает краеведческая работа. Учащиеся должны знать историю своего города, интересоваться его жизнью, знать знаменитых земляков. У детей тяжело сразу сформировать любовь ко всей России. Это чувство слишком абстрактно и велико для еще не сформировавшейся души ребенка. А вот полюбить город, в котором он родился, где прошло его детство, город, который является частью огромной России, способен даже младший школьник, потому что легко полюбить знакомое, родное.

Арзамас – один из старейших городов Нижегородской области, в прошлом – перекресток крупных торговых путей, богатый купеческий город и религиозный центр, знаменитый своими многочисленными храмами столичного уровня. До 1918 г. в Арзамасе при населении в 10 тысяч человек на довольно небольшой территории было 36 храмов и 4 монастыря. Современник А. С. Пушкина князь Владимир Соллогуб, побывав здесь, говорил: «Много видел я в Москве церквей, а в Арзамасе, кроме церквей, ничего не видел» [1. С. 8]. Константин Паустовский, останавливавшийся здесь в 1916 г., вспоминал: «Куда ни взглянешь – всюду было такое обилие золоченых, похожих на яблоки куполов, что казалось, этот город был вышит в золотошвейной мастерской руками искусных женщин» [1. С. 7].

Арзамас – это настоящая жемчужина православной культуры, которая сегодня возрождается. О золотом веке Арзамаса (1775–1850) напоминают его величественные возрожденные храмы и монастыри, магистрат, гостиный ряд, а также многие другие сохранившиеся до наших дней здания. На Соборной площади Арзамаса находится Воскресенский собор, построенный в 1814–1842 гг. по проекту архитектора М. Коринфского [5], а на улице Ленина возвышается красивейший храм в честь Рождества Христова (архитектор К. А. Тон). Да, постепенно восстанавливается исторический облик города, многое сделано для возрождения утраченных культурных ценностей, Арзамас вошел в состав паломническо-туристического кластера «Арзамас – Дивеево – Саров».

Работая в 2016–2018 гг. над проектом «Исчезнувшие храмы г. Арзамаса», учащиеся православной гимназии под руководством педагогов обнаружили, что кроме действующих и восстанавливаемых храмов есть еще много архитектурных объектов, полностью стертых с лица арзамасской земли – 15 церквей, 3 часовни и около 25 колоколен; организовали анкетирование, по результатам которого выяснилось, что только треть жителей города (30 %) знает о существовании утраченных храмов, назвать же все полностью разрушенные храмы не сумел никто из опрошенных, зато все выразили желание

узнать об их истории, внешнем виде и месте расположения. Проведенная в 2018 г. в рамках проекта «Исчезнувшие храмы г. Арзамаса» городская акция и музейная экспозиция «Утраченные ценности» высветили реальную потребность жителей города побольше узнать о его культурном и историческом облике [4. С. 269].

Так родился наш новый проект «Православный Арзамас», с которым мы стали победителями конкурса проектов Фонда президентских грантов в 2022 г.

Целевая группа проекта – дети и молодежь в возрасте от 5 до 20 лет, а также педагогические работники, интересующиеся вопросами патриотического и духовно-нравственного воспитания.

Цель проекта – организация комплексной краеведческой работы по изучению культурного наследия родного города Арзамаса и возрождению его исторического образа путем создания передвижной музейной экспозиции.

Задачи проекта:

- 1) обобщить и распространить передовой педагогический опыт в области краеведческой работы с детьми и молодежью;
- 2) организовать и провести просветительскую работу в области православного краеведения среди детей, молодежи, жителей и гостей Арзамаса;
- 3) организовать исследовательскую деятельность детей и молодежи в области православного краеведения;
- 4) организовать профориентационную работу по таким профессиям, как экскурсовод, журналист, фотограф.

К основным мероприятиям проекта «Православный Арзамас» относятся традиционные мероприятия, такие как:

- 1) областная детская краеведческая конференция «Православные следопыты» (в 2022 г. она прошла в 15-й раз);
- 2) областная научно-практическая конференция «Православное образование: проблемы и перспективы» (в 2022 г. состоялась III Областная конференция);
- 3) издание сборника статей и методических материалов по итогам научно-практической конференции «Православное образование: проблемы и перспективы» (выпуск 3).

Однако есть и новые мероприятия, которые позволили расширить сферу воспитательного воздействия и подойти к решению проблем патриотического и духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения системно:

- 1) создание гимназического музея «Православный Арзамас» и организация передвижных выставок для разных возрастных и социальных групп: дошкольников, школьников, студентов, инвалидов, пенсионеров;

2) проведение обучающих занятий для учащихся 7–11-х классов «Я журналист»;

3) проведение обучающих занятий для учащихся 7–11-х классов «Юный экскурсовод»;

4) создание учащимися гимназии видеофильмов (виртуальных экскурсий) о храмах города Арзамаса;

5) исследовательская поездка педагогов и учащихся гимназии в Москву.

Все мероприятия, организованные в рамках проекта, являются взаимосвязанными. Так, например, результатом занятий «Я журналист» стали материалы, которые использовались в дальнейшем при создании видеофильмов (виртуальных экскурсий) о родном городе. А подготовленные в ходе занятий на курсе «Юный экскурсовод» материалы были использованы для проведения экскурсий по передвижной выставке макетов «Православный Арзамас», экскурсоводами по итоговой выставке проекта стали сами дети [2].

Ведущая цель проекта – создание передвижной музейной экспозиции «Православный Арзамас» – в 2022 г. была достигнута благодаря поддержке Фонда президентских грантов. Экспозицию составляют макеты всех храмовых комплексов Арзамаса, утраченных и существующих: 18 приходских комплексов (это более 50 церквей, колоколен и часовен) и общий макет исторической части Арзамаса, а также информационные стенды о данных храмах.

Созданию макетов храмов предшествовала огромная поисковая работа:

- определение точного размера утраченного храма;
- поиск его фотографии;
- поиск схемы, чертежа.

В основе работы лежат архивные сведения.

Реализация проекта «Православный Арзамас», который включает в себя и образовательную составляющую, способствует решению проблемы духовно-нравственного и патриотического воспитания детей и молодежи. В результате педагоги смогли обменяться опытом, дети пополнили свои знания в области краеведения, попробовали себя в роли журналистов и экскурсоводов, жители и гости Арзамаса смогли расширить представление об историческом облике города, воочию оценить его красоту.

Проект «Православные следопыты» перекликается с федеральным проектом паломническо-туристического кластера «Арзамас – Дивеево – Саров» и способен привлечь дополнительное внимание паломников.

Рассмотрим особенности организации и проведения ведущих мероприятий проекта.

Проведение обучающих занятий «Я журналист». Цель занятий – познакомить обучающихся с азами профессии журналиста, подготовить к выпуску серию видеофильмов (виртуальных экскурсий) о храмах Арзамаса.

Работа кружка имела не только культурологическую, но и профориентационную направленность. Занятия вела журналист, руководитель телестудии «Доброе ТВ» А. Болотина.

Ребята с огромным интересом включились в работу. Занятия носили как теоретический, так и практический характер. Практика проходила особенно успешно, так как была определена четкая цель – создание видеофильма (виртуальной экскурсии) о храмах Арзамаса.

Проведение обучающих занятий «Юный экскурсовод». Цель занятий – познакомить обучающихся с азами профессии экскурсовода, подготовить материал о 18 храмовых комплексах (по количеству макетов с храмами), собрать материал об особенностях золотого века градостроительства Арзамаса.

В ходе занятий ребята совместно с руководителем кружка подготовили материалы к обзорной экскурсии по выставке «Православный Арзамас», а также материалы по истории создания, особенностям отдельных церквей.

Занятия носили как теоретический, так и практический характер. Ребята изучали историческую литературу, выходили на местность, учились работать с использованием дополнительных средств: презентаций, фотоальбомов и т. д. Ученикам очень понравились такие занятия. Экскурсоводы активно включились в наставническую деятельность и охотно делились своими знаниями с теми учениками, которые не попали в школу экскурсоводов, но при подготовке к открытию выставки «Православный Арзамас» заинтересовались профессией экскурсовода и возможностью провести экскурсии по экспозиции.

Создание учащимися гимназии видеофильмов (виртуальных экскурсий) о храмах Арзамаса. В рамках проекта была создана серия фильмов о городских храмах и один общий видеофильм (виртуальная экскурсия). Работа над фильмом очень заинтересовала ребят. Юные журналисты учились составлять сценарий, брать интервью, озвучивать, подбирать сведения и писать тексты к видео. Отснятого материала получилось с запасом, поэтому режиссер фильма с ребятами решили выпустить не один большой фильм (виртуальную экскурсию), а подготовили дополнительно четыре выпуска об отдельных храмах города. Данные выпуски были выложены в группе Арзамасской православной гимназии в ВК.

Исследовательская поездка в Москву с заездом в главный храм Вооруженных сил России (Патриарший собор во имя Воскресения Христова, Кубинка, Одинцовский городской округ, Московская область) имела целью

собрать материал для видеофильмов (виртуальных экскурсий) о храмах Арзамаса в рамках установления культурных и исторических связей.

Воспитанники гимназии выяснили, как связаны церковь Рождества Христова в Арзамасе [3. С. 42] и храм Христа Спасителя в Москве, арзамасский храм Воскресения Христова [3. С. 58] и главный храм Вооруженных сил России, приобрели новые знания о культурном и историческом наследии родного города и страны.

Во время поездки в Москву дети познакомились с работами архитектора К. А. Тона, например с храмом Христа Спасителя. В Арзамасе тоже есть построенный по проекту Тона храм Рождества Христова. Экскурсия по главному храму Вооруженных сил России привела детей в полный восторг. И главная нагрузка здесь была смысловая: величие России в исторической ретроспективе, ее духовно-нравственный и научно-технический потенциал. В своем исследовании ребята подтвердили гипотезу, что наша малая родина – Арзамас – в культурно-историческом аспекте тесно связана со столицей нашей Родины, Москвой, с другими городами нашей огромной страны. Мы смогли раскрыть всю глубину культурного пространства родного города и родной страны, доказав известные строки В. Аполлонова «В этом городе жизнь моей родины отразилась, как в капле воды».

Областная детская научно-практическая краеведческая конференция «Православные следопыты» в 2022 г. прошла в 15-й раз и была посвящена 350-летию со дня основания Нижегородской епархии.

Цель конференции – интеллектуальное развитие и духовно-нравственное воспитание обучающихся в процессе исследовательской и творческой деятельности в области православного краеведения.

В 2022 г. на конференцию было представлено 146 работ от 150 участников. Это учащиеся более чем из 30 образовательных организаций Нижнего Новгорода, Дзержинска, Бора, Городца, Сарова, Дивеева, Арзамаса и Арзамасского района.

Областная очно-заочная научно-практическая конференция «Православное образование: проблемы и перспективы» проводится Арзамасской православной гимназией при поддержке отдела образования и катехизации Нижегородской епархии, благочиния г. Арзамаса, Арзамасского филиала ННГУ им. Н. И. Лобачевского (кафедра русского языка и литературы).

Цель конференции – обобщение и распространение передового опыта по проблемам православного, духовно-нравственного, патриотического воспитания подрастающего поколения.

Издание сборника научных и методических статей по итогам Областной очно-заочной научно-практической конференции. В 2022 г. вышел

третий выпуск сборника «Православное образование в светских и православно ориентированных образовательных организациях. Проблемы и перспективы» объемом в 298 страниц.

Сборник содержит два раздела: «Модели организации православного, духовно-нравственного и патриотического воспитания в образовательных организациях» и «Конструирование православно ориентированных уроков и воспитательных мероприятий». В нем опубликовано 180 статей, приняло участие 200 педагогических работников Арзамаса и области.

Анализ статистики выпускаемых в гимназии сборников свидетельствует о том, что интерес к публикациям не ослабевает, а это говорит о большой заинтересованности педагогических работников учреждений сферы светского и православного образования в решении вопросов православного и духовно-нравственного воспитания. Накоплен богатый опыт, людям есть чем поделиться – и это радует.

Создание передвижной выставки «Православный Арзамас». Организованы передвижные выставки школьного музея «Православный Арзамас» для разных возрастных и социальных групп: дошкольников, школьников, студентов, инвалидов, пенсионеров.

Выставки включают в себя макеты всех храмовых комплексов Арзамаса и большой макет его исторической части, информационные стенды с историей всех храмов города. Макеты отдельных храмовых комплексов выполнены в масштабе 1:200, макет исторической части города выполнен в масштабе: сетка города 1:900, храмы города 1:500.

Макеты тщательно детализированы, что подчеркивает уникальность каждого храма.

У посетителей выставки имеется возможность познакомиться с видеофильмами о каждом арзамасском храме, созданными силами учащихся в ходе исследовательской деятельности.

В ходе занятий в кружке «Юный экскурсовод» были подготовлены гимназисты, которые проводили экскурсии по передвижной выставке «Православный Арзамас».

Организована поисково-исследовательская деятельность учащихся и педагогов по поиску и систематизации материалов для изготовления макетов храмов, утраченных и существующих, для изготовления авторских информационно-содержательных стендов. Ребята под руководством педагогов провели огромную поисково-исследовательскую работу, которая вызвала высокий интерес жителей города.

Посетителям передвижной выставки «Православный Арзамас» были представлены 18 отдельных макетов храмовых комплексов города Арзамаса,

(это макеты всех храмовых комплексов города, утраченных и существующих, – более 50 церквей, колоколен и часовен), общий макет исторической части Арзамаса, информационные стенды о храмах, фотопанорамы с видами города XIX века.

Посетителей выставки удивило количество каменных церквей, которые были построены в Арзамасе к началу XIX века. Особенно поразили историко-культурные параллели с другими городами России, на этом историческом материале как раз и делался акцент во время проведения экскурсий.

Духовная связь поколений – следующий немаловажный аспект. На выставках часто присутствовали целыми семьями: дети, родители, бабушки, дедушки. И вот тогда начинался диалог поколений, воспоминания, активные обсуждения той информации, что звучала во время экскурсии, фотографий и макетов, а главное, многим захотелось пройтись по Арзамасу и уже на месте сопоставить увиденные макеты разрушенных и восстановленных храмов с действительностью.

После торжественного открытия передвижной экспозиции в гимназии выставки прошли в ГБУ «Коваксинский дом-интернат для престарелых и инвалидов», доме культуры, выставочном зале Арзамаса.

Подтверждением важности реализации проекта «Православный Арзамас» стало большое количество заявок на продолжение работы передвижной выставки. Сегодня также получены заявки на размещение выставки в домах культуры Арзамасского района (Выездновском, Абрамовском, Водоватовском).

На данный момент выставку посетили более 8000 жителей (в том числе воспитанники детских садов, учащиеся школ города, студенты) и гостей Арзамаса. Это расширяет представление об историческом облике Арзамаса и формирует любовь к родному городу.

В марте 2023 г. в рамках Межрегионального технологического IT-фестиваля «IT-пати», организованного на базе Центра цифрового образования детей «IT-куб Арзамас», к музейной экспозиции «Православный Арзамас» создан IT-продукт (мобильное приложение с ПО под ОС Windows 8–10), состоящий из четырех разделов:

- 1) электронная экскурсия (просмотр информации о храмах Арзамаса, об их истории и современном развитии; виртуальный осмотр 3D-макетов храмов);
- 2) фильмы о храмах нашего города (6 видео), выпуски передач об экспозиции (2 видео);
- 3) храмы Арзамаса на карте;
- 4) запись на экскурсию (через электронную почту и телефон).

Это служит дополнительным подтверждением актуальности и социальной значимости проекта.

Поисково-исследовательская деятельность нашла выражение не только в абстрактных понятиях, но и в конкретных формах: обмен опытом между педагогами, выпуск сборника статей в области патриотического воспитания, обмен опытом исследовательской деятельности среди детей и молодежи, передвижная выставка «Православный Арзамас» с воссозданными макетами утраченных и существующих храмов. Все это вызвало живой отклик и интерес к истории родного края у жителей города от мала до велика, от дошкольника до пенсионера.

Считаем, что деятельность гимназии по проекту «Православный Арзамас», реализованному при поддержке Фонда президентских грантов, внесла весомый вклад в сохранение исторической памяти подрастающего поколения, способствует развитию просветительской деятельности в образовательной среде, укреплению православного мировоззрения и является эффективным средством духовно-нравственного воспитания молодежи.

Литература:

1. Арзамас: иллюстрированный каталог памятников истории и культуры. Н. Новгород: Кварц, 2013. 528 с.
2. Арзамасский Воскресенский собор / текст Н. Бартельса, Б. Курякина. М.: Индрик, 2011. 144 с.
3. Родина Г. И. Арзамасоведение: монастыри и храмы (прошлое и настоящее): Уч. пос. Арзамас: АГПИ, 2013. 78 с.
4. Щегольков Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. С видами и портретами. [Репринтное воспроизведение с изд. 1911 г., типография Н. Доброхотова]. Ярославль: Периодика, 1992. 273 с.
5. Щегольков Н. М. Арзамасский Воскресенский Собор. История его и описание. В двух частях с видом Собора. [Репринтное воспроизведение с изд. 1909 г., типография Н. Доброхотова]. Арзамас: [б.и.], 2006. 173 с.

УДК 371.21
ГРНТИ 14.15.15

**АРЗАМАССКИЙ КРАЕВОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ –
АРЗАМАССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ –
АРЗАМАССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМ. А. П. ГАЙДАРА – АРЗАМАССКИЙ ФИЛИАЛ
НИЖЕГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО: НА НИВЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ**

Т. Т. Щелина

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского,
Арзамас
E-mail: arz65@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – проанализировать основные этапы развития Нижегородского педагогического института как важнейшего регионального вуза Российской Федерации.

Ключевые слова: учительский институт, советское образование, филиал ННГУ, Арзамас.

**ARZAMAS REGIONAL PEDAGOGICAL INSTITUTE –
ARZAMAS STATE TEACHERS’ INSTITUTE –
ARZAMAS STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY A. P. GAIDAR
INSTITUTE – ARZAMAS BRANCH OF NIZHNY NOVGOROD
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY: IN THE FIELD OF EDUCATION**

Tamara T. Shchelina

Arzamas Branch of
National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod,
Arzamas
E-mail: arz65@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the main stages of development of the Nizhny Novgorod Pedagogical Institute as the most important regional university of the Russian Federation

Keywords: Teachers’ Institute, Soviet education, branch of UNN, Arzamas.

1 октября 2024 г. исполнится 90 лет со дня открытия в Арзамасе педагогического института. Несмотря на смену названий и внутренней структуры, данное учебное заведение продолжало действовать все эти годы, включая период Великой Отечественной войны, и давно уже закрепило свой статус ведущего вуза, готовящего педагогические кадры – в первую очередь для юга Нижегородской области.

Разумеется, педагогический институт возник не на пустом месте и история педагогического образования в Арзамасе не ограничивается этим временным отрезком. Еще до революции здесь существовало духовное училище, на базе которого в 1919 г. были открыты трехгодичные «красные» учительские курсы для подготовки учителей начальных школ и пунктов ликбеза. Пять лет спустя курсы были реорганизованы в Арзамасский педагогический техникум (АПТ). Техникум готовил учителей начальной школы, причем в рамках создававшейся системы советского образования основной упор делался на политико-обществоведческие дисциплины, сельскохозяйственное и трудовое обучение, так что студентами АПТ была создана даже своя коммуна [15].

Довольно быстро в городе сложилась целая сеть образовательных учреждений: помимо педагогического техникума, были открыты совпартшкола, лесной и физкультурный техникумы, а также рабочий факультет Горьковского пединститута. Впрочем, именно АПТ воспринимался в те годы как ведущее образовательное учреждение Арзамаса, что было закреплено путем создания в 1931 г. Арзамасского педагогического комбината (АПК), в состав которого, помимо педтехникума, вошли несколько школ Арзамаса и района, региональные школы-филиалы, подшефные колхозы и пр. Задачи новой структуры были определены как улучшение подготовки педагогических кадров; создание научно-исследовательской педагогической работы; расширение и углубление педагогического влияния на работу учебных заведений в кругу влияния АПК; превращение в базу для поднятия классификации кадров народного образования. АПК внес весомый вклад в реализацию системы всеобщего семилетнего образования, переход на которую в Горьковском крае произошел в 1933 г. [17]. Именно педагогический техникум как ядро АПК заложил основы для создания института. Достаточно сказать, что костяк преподавателей первого состава педагогического института был представлен работниками техникума, да и первый директор института П. И. Смирнов сначала возглавлял техникум и комбинат.

Серьезные перемены в системе советского образования произошли в 1934 г., что и сделало возможным появление Арзамасского педагогического института. В январе этого года вышло Постановление СНК РСФСР «О повышении квалификации учительства» [13], а в мае появился еще более известный

и масштабный документ – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [14]. Этот акт, по сути, означал реабилитацию истории как учебной дисциплины и возвращение ее в образовательные программы. После Октябрьской революции 1917 г. исторические факультеты в России были ликвидированы и преподавание истории было заменено новым курсом – обществоведением, имевшим яркую идеологическую направленность. Однако в конечном итоге советское партийное руководство было вынуждено признать ценность истории как средства воспитания патриотизма. В постановлении говорилось о необходимости соблюдения «историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат» [14]. Восстановление исторического образования потребовало не только подготовки новых учебников по истории, но и возрождения исторических факультетов.

Соответствующие шаги были предприняты и Горьковским крайисполкомом: постановлением президиума было решено создать в крае четыре двухгодичных пединститута. Хотя Арзамас в этот список не вошел, позиция городской общественности сумела обеспечить положительное решение вопроса об открытии Арзамасского пединститута: ключевым стал результат прошедшего 16 июля совещания президиума Арзамасского райисполкома с участием представителей роно и педтехникума. Именно тогда было решено открыть с 1 октября 1934 г. педагогический институт с контингентом 120 человек. В следующие недели происходило формирование коллектива, и первым назначением стало определение директора – им стал Павел Иванович Смирнов [11. С. 5].

Набор студентов на создаваемые отделения, а их оказалось три – физико-математическое, историко-обществоведческое и географическое, – производился в течение августа–сентября 1934 г., причем предпочтение отдавалось учителям, а также выпускникам педтехникума и педрабфака. Срок обучения составлял два года, и педагогический институт должен был готовить учительские кадры для семилетней школы.

1 октября 1934 г. Арзамасский педагогический институт открыл свои двери для первых студентов. Поначалу он располагался совместно с АПТ в здании бывшего реального училища (ныне это здание городской администрации по адресу ул. Советская, 10), однако уже через год переехал на то место, где находится и сейчас – ул. К. Маркса, 36. Несмотря на то что серьезную кадровую поддержку институту оказал педтехникум, созданное учреждение испытывало нехватку во всем, в том числе в преподавателях, учебниках и оборудовании, помещениях для проведения занятий и проживания студентов и сотрудников [4].

Бесспорно, заслуга П. И. Смирнова в том, что в таких непростых условиях он сумел обеспечить открытие института и запустил учебный процесс. В научные центры страны рассылались списки вакантных должностей, и костяк штата преподавателей был сформирован осенью 1934 г. Среди откликнувшихся на призыв Арзамасского пединститута оказался даже один профессор – А. Н. Грен, видный историк, лингвист и этнограф; к сожалению, по идеологическим причинам его пребывание в Арзамасе было непродолжительным [12]. Преодолевались и другие трудности: оборудовались учебные кабинеты, открылись библиотека, столовая и общежития для студентов, был сформирован стипендиальный фонд.

Несмотря на материальные сложности и нехватку учебников, студенты старались учиться добросовестно, и среди них развернулась борьба за качество учебы с поощрениями для «ударников» и наказаниями для прогульщиков, которых называли дезертирами.

В апреле 1935 г. пединститут был переименован в Арзамасский государственный учительский институт (АГУИ), и вскоре произошла смена руководства – П. И. Смирнова на посту директора сменил А. А. Яковлев. Именно при нем 4 июля 1936 г. состоялся первый выпуск в количестве 71 человека. А. А. Яковлев проработал в должности три года, после него директором института в 1938–1942 гг. был Павел Федорович Смирнов [5].

В первые годы существования Арзамасского института его структура часто менялась и кадровый состав продолжал расширяться. Из отделений, ставших в 1938 г. факультетами, наиболее стабильным был физмат, который обычно лидировал и по числу студентов. Наряду с географическим появилось отделение естествознания, но раздельно они существовали недолго, и уже в 1939 г. начал действовать естественно-географический факультет. Что же касается историко-обществоведческого отделения, то в 1937 г. была предпринята попытка закрыть его путем прекращения набора студентов-историков, однако еще несколько лет подготовка историков продолжалась. Поначалу руководители отделений одновременно были заведующими аналогичными кафедрами, но постепенно, параллельно с созданием новых кафедр, оформлялся их самостоятельный статус, отличный от деканатов. В довоенный период число кафедр оставалось в пределах десяти, причем, помимо факультетских, существовали и общеинститутские кафедры – педагогики, а также военного дела и физкультуры. Наконец, в 1938 г. был сформирован ученый совет института, и тогда же начали функционировать подготовительные курсы для абитуриентов [11. С. 38].

Кадровый состав молодого института пополнялся довольно быстро, причем уровень квалификации рос и благодаря научной деятельности

преподавателей. Так, своеобразным прорывом стали кандидатские диссертации О. А. Гашковой (по биологическим наукам) и Ф. А. Атрощенко (по историческим наукам), защита которых состоялась в 1939 г.

Начиная с 1936 г. институт ежегодно выпускал несколько десятков учителей, которые пополняли не только местные школы, но трудились по всему Советскому Союзу – от Архангельска до Дальнего Востока. Очень быстро пединститут стал не только образовательным, но и культурно-просветительским центром: функционировало несколько творческих кружков, студенты и преподаватели организовывали выступления в духе художественной самодеятельности, проводились общественные лекции и даже был создан Районный родительский университет, в рамках которого шла пропаганда педагогических знаний.

Первым серьезным испытанием для АГУИ стало решение горсовета о его временном закрытии, что было связано с общей политикой экономии бюджетных средств в условиях осложнения международной обстановки в 1940 г. В занятиях был объявлен перерыв, и студенты отправились на длительную практику, которая продолжалась до января 1941 г., когда институт все же возобновил свою деятельность. Впрочем, возвращение к нормальной работе длилось полгода, поскольку все планы были нарушены начавшейся войной [2].

В годы войны в здании института были размещены педучилище, школа и курсы медсестер, так что помещения использовались в три смены. Многие преподаватели, выпускники и студенты отправились на фронт. Те же, кто остался, принимали участие в оборонительных работах, строительстве дорог, занимались разгрузкой и погрузкой железнодорожных составов, работали санитарями, собирали теплые вещи для фронтовиков. Несмотря ни на что, занятия в институте продолжались и ежегодно производился набор новых студентов и выпуск учителей. Школьные педагоги нужны и в военное время, поэтому на базе Арзамасского учительского института были открыты областные педкурсы, готовившие учителей истории и географии. В 1944 г. АГУИ отметил свой первый, пусть и скромный юбилей – 10-летие, причем в речи В. Г. Арсеньева, чье пребывание на посту директора охватывает большую часть военного времени, подчеркивалось, что институт с начала войны окончили 312 человек, в том числе 28 – с отличием.

Окончание Великой Отечественной войны позволило вернуться к учебе и мирному труду тем, кто воевал, но, к сожалению, возвратились не все – около 30 студентов и сотрудников Арзамасского учительского института навсегда остались на поле брани.

Первые послевоенные годы, с 1946 по 1952 г., Арзамасский учительский институт вновь возглавлял П. И. Смирнов [3]. Во многом институт продолжал

линию своего развития, намеченную еще в довоенное время, хотя без реорганизаций не обошлось. Костяк структуры АГУИ по-прежнему составляли три отделения / факультета, но так сложилось, что в 1952 г. два из них прекратили свое существование – к счастью, временно. Историческое отделение, дополненное филологами, представляло то единым историко-филологическим целым, то делилось на отделения истории и русского языка и литературы, пока не было принято решение о прекращении набора на специальность «учитель истории». Аналогичным образом было сокращено естественно-географическое отделение.

После войны возобновилась деятельность многих кружков, заметно улучшилась материальная база института, в том числе был введен в строй дом для преподавателей. Сам преподавательский состав заметно окреп, и наличие ученой степени перестало быть такой редкостью, как ранее. Многие педагоги начали заниматься серьезной научной деятельностью, готовиться к защите диссертации.

Переломным для развития Арзамасского пединститута оказался 1952 г. С одной стороны, как уже было сказано, он ознаменовался структурными потерями; с другой же – были и приобретения, а самое главное, изменился статус учреждения. В апреле 1952 г. учительский институт был преобразован в Арзамасский государственный педагогический институт [16]. Несмотря на кажущееся сходство понятий и единое направление деятельности, учительские и педагогические вузы в то время имели серьезные отличия. Если первые готовили учителей для школ-семилеток и достаточный срок подготовки для этого составлял два года, то выпускники педагогических институтов могли преподавать и в старших классах, поэтому и учились они дольше – четыре – пять лет. Данное преобразование связано с общей эволюцией советской системы школьного образования: после достижения цели, установленной как всеобщее семилетнее образование, следующей задачей стал переход на полное среднее образование. Одним из приоритетов стала подготовка учителей физики и математики, чем продолжил заниматься физико-математический факультет. Другим ведущим направлением деятельности Арзамасского пединститута стало обучение будущих учителей русского языка и литературы, и одноименный факультет был образован в том же 1952 г.

Преобразованием АГПИ, сопровождавшимся укреплением кадрового состава и материально-технической базы, занимался И. Н. Фешин, бывший директором с 1952 по 1959 г. Во многом именно благодаря его усилиям в пединституте появился еще один факультет, готовивший учителей начальных классов, – педагогический; он распахнул свои двери для студентов в сентябре 1959 г. [19]. Однако финансовая проверка выявила перерасход

государственных средств, как раз таки связанный с учреждением нового факультета, что тяжело отразилось на личной судьбе И. Н. Фешина – он получил выговор, а затем был снят с должности директора. АГПИ оказался в сложном положении: несколько месяцев им фактически руководил заведующий учебной и научной работой И. Н. Тюрин, однако выход из кризиса и целая эпоха в истории института связаны с деятельностью на посту директора / ректора Евгения Васильевича Воробьева, который бессменно возглавлял вуз почти 30 лет – с 1959 до 1987 г. [6]

За время ректорства Е. В. Воробьева АГПИ радикально изменился: новым руководителем был намечен план преобразований по укреплению материальной базы института, расширению специальностей, увеличению контингента студентов и штата преподавателей. Так, в 1962 г. было отпраздновано сразу несколько новоселий: были открыты студенческое общежитие и здание педфака на ул. Калинина. Список факультетов пополнился биолого-химическим, начавшим свою деятельность в том же году. Позднее к основному корпусу были сделаны пристройки, в которых разместились большой актовый зал, спортивный зал, столовая и учебные аудитории биохимфака и физмата. У института появилось и «загородное» хозяйство в виде спортивно-оздоровительного лагеря на Пустынских озерах.

Одним из важнейших направлений деятельности стало повышение уровня научно-педагогических кадров. При Е. В. Воробьеве сложилась практика устройства начинающих преподавателей АГПИ в аспирантуры ведущих вузов страны. Особенно тесные связи установились с Московским педагогическим институтом им. В. И. Ленина, но контакты поддерживались и с другими учреждениями Москвы, Ленинграда, Горького.

Спектр научных интересов преподавателей АГПИ расширялся, но главной темой, которую арзамасцы «застолбили» за собой, стало изучение жизни и творчества Аркадия Петровича Гайдара. Превращение АГПИ в центр гайдароведения логичным образом было подтверждено путем присвоения институту имени А. П. Гайдара, что произошло в 1966 г. [9]

Основная задача Арзамасского пединститута оставалась прежней – подготовка высококвалифицированных учителей, в первую очередь для сельских школ. Не будет преувеличением сказать, что практически все учебные заведения юга Горьковской / Нижегородской области получали и продолжают получать кадровую подпитку в лице выпускников АГПИ – Арзамасского филиала ННГУ.

Кроме организации учебного процесса Е. В. Воробьев большое значение придавал развитию внеаудиторной работы со студентами, для чего в 1965 г. был создан факультет общественных профессий (ФОП). Здесь студенты получили возможность выбрать соответствующее их интересам отделение или

секцию: от подготовки школьных тренеров по различным видам спорта до лекторов-гайдароведов [10]. Несмотря на то что ФОП во многом действовал на общественных началах и за счет внутренних финансовых резервов, по итогам обучения слушатели проходили аттестацию и получали официальный документ, подтверждавший их квалификацию. Разумеется, концерты, смотры художественной деятельности и другие подобные мероприятия воспринимались как возможность проявить свои таланты и вызывали большой интерес со стороны как участников, так и зрителей.

В 1986 г. у АГПИ появились новые ориентиры. Во-первых, был произведен набор на новую специальность «Дошкольная педагогика и психология», так что педагогический факультет расширился. Во-вторых же, за Арзамасским пединститутом была закреплена комплексная тема исследования «Подготовка студентов к работе в сельской малокомплектной школе». Огромный вклад в разработку этой темы внес М. И. Зайкин, прошедший путь от студента до доктора наук, декана физико-математического факультета. Он создал научную лабораторию дидактики сельской школы и «Школу математического развития» и на протяжении многих лет занимался изучением проблем малокомплектной школы, что стало прорывом в отечественной педагогике: его заслуги были отмечены присвоением почетного звания «Основатель научной школы», а из числа его учеников более 50 стали докторами и кандидатами наук [8].

АГПИ пришлось столкнуться с новыми вызовами в условиях политического и социально-экономического кризиса, начавшегося в конце 1980-х и продолжавшегося в 1990-х. Ни много ни мало над институтом нависла угроза закрытия или превращения в филиал Нижегородского государственного педуниверситета. Однако в период ректорства Г. В. Борисова (1987–1996) АГПИ не только сохранился, но и продолжал развиваться. В 1988 г. дошкольное отделение педфака доросло до уровня факультета – дошкольной педагогики и психологии. Вскоре была начата работа по возрождению исторического образования в АГПИ после 40-летнего перерыва. К началу 1990-х гг. стала очевидна нехватка квалифицированных учителей истории, особенно в сельских районах области, и с сентября 1993 г. в пединституте началась подготовка студентов по специальности «История». Факультет русского языка и литературы расширился до историко-филологического, а затем на нем стали обучать и будущих учителей иностранных языков. Укреплялись и научные позиции вуза: так, в юбилейном для института 1994 г. состоялась защита 12 кандидатских диссертаций, появилась своя аспирантура, впервые преподавателям АГПИ было присвоено ученое звание профессора (первыми его получили А. Г. Сидорский и Л. А. Климкова).

В 1996 г. в АГПИ прошли первые выборы ректора, что было связано со смертью Г. В. Борисова. Победу одержал Евгений Павлович Титков, оставшийся руководителем вуза вплоть до окончания «эпохи пединститута» [18]. Ему удалось спасти институт от модной тогда приватизации, сохранить профессорско-преподавательский коллектив и создать определенный «островок стабильности». Шагая в ногу со временем, АГПИ внедрял новые образовательные дисциплины и стандарты, открывал новые профили.

Институт преобразился во второй половине 1990-х – начале 2000-х, когда сложилась новая структура факультетов. Физико-математический сохранил свое прежнее название, педагогический превратился в факультет дошкольного и начального образования, историко-филологический разделился на два отдельных факультета, а в 2001 г. появился психолого-педагогический факультет, где стали проходить обучение будущие психологи, социальные педагоги и специалисты по социальной работе с населением.

Арзамасский педагогический институт нашел свою нишу в системе высшего образования, обеспечивая квалифицированными кадрами образовательные учреждения различного уровня. Выпускники успешно проявляют себе на ниве образования во многих уголках России – от Калининграда до Чукотки, и даже за пределами нашей страны они находят применение полученным за время обучения знаниям и навыкам. Для большинства завучей, директоров школ, руководителей отделов народного образования юга Нижегородской области дорогу в профессию открыл именно Арзамасский педагогический институт. Выпускницей АГПИ является Л. Н. Глебова, в 2008–2012 гг. возглавлявшая Федеральную службу по надзору в сфере образования и науки, а сейчас – член Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

В своих начинаниях арзамасцы могли рассчитывать на поддержку дружественного вуза, каковым всегда являлся Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. За время существования Арзамасского учительского (педагогического) института его связи с Горьковским (Нижегородским) государственным университетом только крепли и приумножались. Прежде всего, выпускники университета пополняли ряды преподавателей института. Например, два ректора АГПИ – Г. В. Борисов и Е. П. Титков – в свое время окончили историко-филологический факультет ГГУ. Кроме того, многие молодые преподаватели Арзамасского пединститута проходили обучение в аспирантуре нижегородских вузов, и здесь вклад ННГУ в повышение уровня квалификации арзамасских педагогов неоценим. Интенсивное сотрудничество охватывало и научную сферу – ни одно значимое мероприятие, организуемое в стенах АГПИ, не обходилось без участия представителей Нижегородского государственного университета.

Со своей стороны университет также проявлял интерес к Арзамасу, создав здесь образовательную площадку, масштабы которой увеличивались стремительными темпами, открыв двери для будущих юристов и экономистов. В 2011 г. частью филиала стал Арзамасский политехнический колледж им. В. А. Новикова. Наконец, в феврале 2012 г. был издан Приказ Министерства образования и науки РФ, предписывавший реорганизацию Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара в форме его присоединения к Нижегородскому государственному университету им. Н. И. Лобачевского [1].

Задача «встраивания» Арзамасского филиала в университетскую структуру была возложена на Александра Игоревича Малышева, назначенного директором филиала, и ему это в полной мере удалось. Арзамасские педагоги легко влились в университетское сообщество, а сам Арзамасский филиал занял особое место в составе университета: в отличие от других филиалов, он закрепил за собой педагогическую составляющую в рамках ННГУ. При этом филиал стал расширять спектр предлагаемых абитуриентам образовательных программ, которые не ограничиваются собственно педагогическим направлением.

Предыдущий юбилей, который был обозначен как 85-летие высшего педагогического образования в Арзамасе (2019 г.) [7], позволил подвести определенные итоги. На тот момент филиал насчитывал 6 факультетов, Политехнический колледж и 14 кафедр, а штат сотрудников и преподавателей, возглавляемый директором филиала Сергеем Николаевичем Пяткиным, составлял почти 400 человек, причем 80 % представителей профессорско-преподавательского состава имеют ученую степень. Число реализуемых программ высшего образования различного уровня (бакалавриат, специалитет, магистратура) достигло нескольких десятков. Заметным событием стало открытие в филиале Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников.

Жизнь не стоит на месте, и арзамасским педагогам приходится отвечать на ее вызовы. Сокращение числа бюджетных мест, обострившаяся конкуренция вузов в борьбе за своего абитуриента – все это потребовало выработки новой стратегии развития. С одной стороны, в последние годы была оптимизирована структура филиала, чтобы она отвечала реалиям времени, и на данный момент в составе Арзамасского филиала ННГУ существуют три факультета (историко-филологический, психолого-педагогический и факультет естественных и математических наук) и два отделения (среднего профессионального образования, а также дополнительного образования и профессионального обучения). С другой же, в современных условиях необходимо

чутко реагировать на запросы рынка труда, привлекать абитуриентов на новые программы и «взрачивать» своего студента, занимаясь профориентационной работой со школьниками и учащимися колледжей.

Своеобразным флагманом в этом направлении сразу стал психолого-педагогический факультет филиала, освоивший самые разнообразные направления подготовки бакалавров и специалистов, включая специальное (дефектологическое образование), сервис, социальную работу и туризм. Интенсивный рост факультета обеспечила Тамара Тимофеевна Щелина, руководившая им 20 лет, – ныне же она в качестве директора является подлинным драйвером развития всего филиала.

На сегодняшний день Арзамасский филиал ННГУ – это динамично развивающаяся образовательная структура, играющая важную роль в развитии высококвалифицированной научно-образовательной среды Нижегородской области.

Литература:

1. АГПИ входит в состав научно-исследовательского университета имени Лобачевского // Арзамасцы.РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newarzamas.ru/news/agpi-vhodit-v-sostav-nauchno-isledovatel'skogo-universiteta-imeni-lobachevskogo.html> (дата обращения: 25.10.2023).
2. Азина А. Вопреки всем трудностям: история АГПИ в 30-е гг. и в годы Великой Отечественной войны // Арзамасские новости. 2015. 24 января. С. 5.
3. Аникина М. В. Арзамасский учительский институт // У истоков духовного наследия: документы и материалы / Авт.-сост. М. В. Аникина, Е. П. Титков. Арзамас: АГПИ, 2009. С. 223–342.
4. Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара // Родина. 2006. № 4. С. 97.
5. Арзамасский государственный педагогический институт // Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. С. 469.
6. Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара // Арзамас. Приглашение к сотрудничеству / Ред.-сост. В. В. Князев. Н. Новгород: Парсек-НН, 2001. С. 172.
7. Арзамасский педагогический институт отпраздновал свое 85-летие // 83147RU [Электронный ресурс]. URL: <https://www.83147.ru/news/6787> (дата обращения: 25.10.2023).
8. Зайкин Михаил Иванович // Тенденции и перспективы развития математического образования: Материалы XXXIII Международного научного семинара преподавателей математики и информатики университетов

и педагогических вузов, посвященного 100-летию ВятГГУ. Киров: ВятГГУ; ООО «Радуга-Пресс», 2014. С. 384–385.

9. Имени А. П. Гайдара: о присвоении АГПИ имени А. П. Гайдара // Арзамасская правда. 1966. 4 сентября. С. 1.

10. Муравьёва Л., Рудишина Т. На уроках арзамасоведения читают Гайдара // Библиотека в школе. 2003. № 23 (156) [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.1sept.ru/article.php?ID=200302307> (дата обращения: 15.10.2023).

11. На ниве российского просвещения. АГПИ им. А. П. Гайдара – 60 лет / Авт.-сост. Н. И. Рыбаков. Арзамас: АГПИ, 1994. 48 с.

12. Панов А. Р. Алексей Николаевич Грен – профессор Арзамасского педагогического института // Карповские чтения: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Арзамас, 20–21 октября 2016 года. 2016. Вып. 6. Арзамас: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал. С. 53–59.

13. Постановление СНК РСФСР «О повышении квалификации учительства» // Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/377807-о-povyshenii-kvalifikatsii-uchitelstva-post-snk-29-yanvaryu-1934-g> (дата обращения: 25.10.2023).

14. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [Электронный ресурс]. URL: <https://diletant.media/articles/35644018/> (дата обращения: 25.10.2023).

15. Саечников В. Из истории педагогического образования в Арзамасе // Арзамасская сторона. 2002. № 1. С. 8–9.

16. Сажин Д. П. Система подготовки учительских кадров (Нижегородская область, 1950–60-е гг.) // Высшее образование в России. 2014. № 1. С. 152–155.

17. Титков Е. П. «Как оно всё начиналось и как продолжалось...» // Арзамасская сторона: [ежегодный] альманах / ГОУ ВПО «Арзамасский гос. пед. ин-т им. А. П. Гайдара»; [редсовет: Евгений Павлович Титков (гл. ред.) и др.]. Арзамас: АГПИ, 2009. С. 7–15.

18. Титков Евгений Павлович [Электронный ресурс]. URL: <https://www.names52.ru/t/post/95g889je21-titkov-evgenii-pavlovich> (дата обращения: 25.10.2023).

19. Фешин Иван Николаевич [Электронный ресурс]. URL: <https://www.names52.ru/f/t/post/z7j69mutg1-feshin-ivan-nikolaevich> (дата обращения: 25.10.2023).

УДК 930
ГРНТИ 03.09.23

**ТЕМА НАСТАВНИЧЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ ЦИЦЕРОНА
И СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В ДРЕВНЕМ РИМЕ**

И. А. Гвоздева

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва
E-mail: innagvozdeva@mail.ru

В. О. Никишин

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва
E-mail: cicero74@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена месту и роли Марка Туллия Цицерона и его литературного наследия в системе образования древнего Рима. В центре внимания авторов – проблема отношения Цицерона к греческой культуре и своим наставникам-грекам. Парадокс заключается в том, что образование в древнем Риме во времена Цицерона было немислимо без знания греческого языка и богатейшей литературной традиции, созданной греками на протяжении многих веков, однако в то же время, чтобы отстоять идентичность собственной культуры, римским интеллектуалам приходилось всячески дистанцироваться от культуры эллинистической. Ситуация осложнялась тем, что многие представители римской интеллектуальной элиты слепо преклонялись перед всем эллинским, порой не считая нужным это скрывать, тогда как плебейская масса в Риме откровенно презирала и самих «гречишек», и их культуру. В тисках этих неизбежных противоречий формировалась гуманитарная концепция Цицерона, убежденного филэллина и вместе с тем сознательного патриота-традиционалиста, стремившегося на основе заимствованных у греков

элементов эллинистической культуры выстроить свою, римскую, систему «изящных искусств».

Ключевые слова: Цицерон, Аттик, Катон Старший, римляне, греки, цивилизация, варварство, эллинизация, филэллизм, антиэллизм.

THE THEME OF MENTORING IN THE WORKS OF CICERO AND THE EDUCATION SYSTEM IN ANCIENT ROME

Inna A. Gvozdeva

Moscow State University named after M. V. Lomonosov (MSU)

Moscow

E-mail: innagvozdeva@mail.ru

Vladimir O. Nikishin

Moscow State University named after M. V. Lomonosov (MSU)

Moscow

E-mail: cicero74@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the place and role of Marcus Tullius Cicero and his literary heritage in the education system of ancient Rome. The authors focus on the problem of Cicero's attitude towards Greek culture and his Greek mentors. The paradox is that education in ancient Rome during the time of Cicero was unthinkable without knowledge of the Greek language and the rich literary tradition created by the Greeks over many centuries, however, at the same time, in order to defend the identity of their own culture, Roman intellectuals had to distance themselves in every possible way from Hellenistic culture. The situation was complicated by the fact that many representatives of the Roman intellectual elite blindly worshiped everything Hellenic, sometimes not considering it necessary to hide it, while the plebeian masses in Rome openly despised both the "Graeculi" themselves and their culture. In the grip of these inevitable contradictions, the humanitarian concept of Cicero was formed, a convinced philhellene and at the same time a conscious patriot-traditionalist, who sought to build his own, Roman, system of "fine arts" on the basis of elements of Hellenistic culture borrowed from the Greeks.

Keywords: Cicero, Atticus, Cato the Elder, Romans, Greeks, civilization, barbarism, Hellenization, philhellenism, anti-Hellenism.

Фигура Марка Туллия Цицерона – политика и адвоката, филолога и философа, прозаика и поэта – занимает в истории политики и культуры древнего Рима не просто выдающееся, а поистине уникальное место. Во-первых,

речь идет об огромном и чрезвычайно информативном корпусе его произведений, включающем, помимо более или менее крупных фрагментов, 58 речей, 19 трактатов и свыше 800 писем (как собственных посланий Цицерона, так и его корреспондентов), и нет такой сферы древнеримской жизни, от повседневного быта и частных культов до текущей политики и права, которая так или иначе не затрагивалась бы в этом исключительном по объему и качеству литературном наследии. Во-вторых, Цицерон – не только современник и свидетель, но и деятельный участник исключительно богатой на события политической истории I в. до н. э., когда Римская сенатская республика, сотрясаемая гражданскими смутами, кризисами и мятежами, доживала срок, отпущенный ей провидением, а на смену этому отжившему строю, неспособному дать адекватный ответ на суровые вызовы переломного времени, неотвратимо шел принципат. Это обстоятельство делает произведения Цицерона для нас, людей XXI века, поистине бесценным историческим источником.

Безусловно, Марк Туллий, получивший блестящее по тем временам образование, обучавшийся как у римских (прославленные ораторы Марк Антоний, дед триумвира, и Луций Лициний Красс, выдающийся юрист Публий Муций Сцевола), так и у греческих наставников (стоики Диодот и Посидоний, платоники Филон из Лариссы и Антиох Аскалонский, риторы Аполлоний Молон с Родоса, Деметрий Сир, Дионисий Магнет, Эсхил Книдский, Ксенокл Адрамиттийский), был человеком высшей, элитарной культуры, которая к моменту его появления на свет давно уже носила «интернациональный», средиземноморский характер. С одной стороны, Цицерон, этот «римлянин из муниципия» (его малой родиной, как известно, был муниципий Арпин, расположенный примерно в 120 км к юго-востоку от Рима), являлся носителем латинской культуры, включая риторику, право и религию, с другой – он усвоил великие культурные достижения эллинизма, изысканный и изящный язык, устный и письменный, утонченный эстетический вкус, литературу (преимущественно греческую) с ее обилием старых и новых жанров, риторику, филологию, философию и право (преимущественно римское). Пожалуй, эллинистический компонент этой «интернациональной» культуры все же преобладал над «национальным» с присущими ему суровостью и минимализмом строгих и аскетичных «обычаев предков» (*mores maiorum*). Уточним: преобладал в количественном и качественном отношении, тогда как значение «национального» компонента Цицерон время от времени публично подчеркивал, как бы официально расписываясь в своей непоколебимой верности «национальным» римским ценностям, таким как *virtus*, *fides* и *pietas*.

В ту пору, когда молодой Цицерон получал свое гуманитарное образование, в греко-римском Средиземноморье дело с «изящными искусствами»

(*artes liberales*) обстояло ровно так, как несколько десятилетий спустя об этом напишет великий Гораций: *Graecia capta ferum victorem cepit* («плененная Греция пленила дикого победителя») (Ер. II. 1. 156. Пер. В. О. Никишина). Гораций знал, о чем писал, ибо черпал из того же «культурного» источника. То была долгая история: влияние эллинистической культуры на все стороны жизни римской *civitas* началось еще в первой половине III в. до н. э., во времена конфликта римлян с Тарентом и Пирровой войны [30. Р. 250–272], а в дальнейшем оно с каждым годом только усиливалось, так что известный советский антиковед профессор А. Г. Бокщанин даже охарактеризовал Римскую республику на позднем этапе ее существования как «типичное эллинизованное государственное образование» [2. С. 210]. Важнейшим фактором приобщения римской элиты к эллинской культуре стало преподавание в Риме греческого языка. Начало ему положили Ливий Андроник и Квинт Энний (Suet. Gramm. 1). Процесс эллинизации римской жизни, для которого было характерно, в частности, распространение в Риме и Италии греческого языка, атлетических состязаний и гимнасиев, растянулся на несколько столетий [29. Р. 696 ff.]. В итоге римская цивилизация стала частью эллинистического культурного пространства [47. S. 22]. Результатом этой «интеллектуальной революции» [44. Р. 19] явилось активное вовлечение римских интеллектуалов в сферу греческого культурного влияния (Hogart. Ер. II. 1. 156; Liv. XXXIV. 4. 3; Vell. II. 34. 3).

Процесс культурного взаимодействия греков и римлян в гуманитарной сфере, традиционно трактуемый в историографии как «конфликт между теоретиками-греками и практиками-римлянами» [22. Р. 261; 30. Р. 260–266], осложнялся тем обстоятельством, что для подавляющего большинства носителей эллинской культурной идентичности (за исключением крайне немногочисленных романофилов вроде Полибия, Дионисия Галикарнасского или Николая Дамасского), будь то греки или македоняне, римляне всегда оставались «варварами» (Polyb. V. 104. 1; IX. 37. 6; XI. 5. 6; XVIII. 22. 8; Liv. XXXI. 29. 15). Как известно, в античной традиции издавна существовало деление человечества на греков и варваров, которое ко времени Цицерона, по выражению Д. Балсдона, стало уже «инстинктивным» [17. Р. 31]. Вместе с тем еще в IV в. до н. э., вероятно, с Аристотеля и Гераклида Понтийского берет начало греческая традиция, согласно которой Рим возник как греческая колония, а римляне, таким образом, являлись потомками греческих переселенцев и, следовательно, не могли считаться варварами. Одним из видных представителей этой традиции на рубеже новой эры был Дионисий Галикарнасский, который задался целью доказать тезис о том, что Рим был основан греками (Ant. Rom. I. 5. 1; 89. 1–90. 2; VII. 70. 1–5). Стоит подчеркнуть, что сам по себе

этот тезис являлся, как точно подметил Э. Грюэн, «обычной формой эллинского интеллектуального империализма» [31. Р. 12]. Особое место в этом идеологическом пространстве занимает такой признанный романофил, как Полибий. В посвященной ему работе К. Чемпион отмечает, что отношение греческих писателей к римлянам, как правило, зависело от политической конъюнктуры: когда римляне действовали в интересах греческих общин, они рассматривались как «почетные греки»; когда же греки претерпевали какие-то неудобства в результате великодержавной политики римлян, последние трактовались как «варвары» [20. Р. 427]. Как бы то ни было, разумеется, в действительности греки не имели и не могли иметь равным счетом никакого отношения к основанию Рима.

Что же остается, так сказать, в сухом остатке, в реальной жизни, о которой мы имеем определенное представление благодаря многолетним археологическим изысканиям на территории Апеннинского полуострова? Остается процесс культурного взаимодействия, который, безусловно, был обоюдным, и греки порой подвергались романизации (например, в Южной Италии, которую в древности, как известно, называли Великой Грецией, *Magna Graecia*: Strabo. VI. 1. 2) точно так же, как римляне – эллинизации. В статье, посвященной «варваризации» греков на юге Италии в период Поздней республики, Г. У. Бауэрсок убедительно показал, как на рубеже новой эры процесс романизации органично сочетался с «новым эллинизмом» [19. Р. 3 ff.].

Сами римляне – разумеется, здесь мы имеем в виду мыслящих людей, интеллектуалов, образованных представителей римской правящей элиты, – узнали о своем «варварском» статусе в эллинской картине мира лишь в III в. до н. э., когда они только еще начали знакомиться с богатейшей греческой литературной традицией [11. С. 47 сл.]. До поры до времени они, по-видимому, довольно спокойно реагировали на то, как, к примеру, Тит Макций Плавт в своих комедиях недвусмысленно намекал на «варварское» происхождение римлян (Trin. 19; Mil. glor. 211). Видимо, поначалу такая ситуация воспринималась как данность или констатация факта. Однако долго так продолжаться не могло, и вот уже Катон Старший не на шутку оскорбляется по этому поводу (Plin. Nat. Hist. XXIX. 14; Plut. Cato Mai. 23) [54. Р. 36, n. 121], а Луцилий называет «варварами» врагов римлян (Sat. 615). Спустя несколько десятилетий такой прилежный ученик греков, как Цицерон, выработал свое собственное отношение к этой проблеме, подойдя к делу, как всегда, серьезно и основательно. В его представлении род людской (*societas hominum*) делится на несколько иерархических ступеней (*gradus*) (Off. I. 53); двумя полярными *gradus* являются варварство (*barbaria, immanitas*) и цивилизация (*humanitas*), причем последнюю Цицерон локализует на территории Греции и Италии (Fin. II. 49).

Великий оратор, политик и общественный деятель, в полной мере осознавая всю важность утверждения «национальной» культурной идентичности в умах своих соотечественников, особенно молодежи, только-только вступающей в жизнь, разумеется, категорически не принимал биполярную парадигму «эллины – варвары» и, соответственно, стремился опровергнуть традиционную для греческих авторов версию о «варварстве» римлян. При этом он отдавал себе отчет в том, что если во главу угла поставить этническо-лингвистический критерий, то римляне и в самом деле «окажутся» варварами. Так, в диалоге «О государстве» на вопрос Сципиона Эмилиана «Был ли Ромул царем варваров?» Гай Лелий отвечает: «Если, как утверждают греки, все люди – либо греки, либо варвары, то он, пожалуй, был царем варваров» (*si, ut Graeci dicunt omnis aut Graios esse aut barbaros, vereor, ne barbarorum rex fuerit*) (Rep. I. 58. Здесь и далее в пер. В. О. Горенштейна). Однако за этим допущением немедленно следует его опровержение: «Если же такое имя следует давать на основании нравов, а не на основании языка, то я не думаю, чтобы греки были варварами в меньшей степени, чем римляне» (*sin id nomen moribus dandum est, non linguis, non Graecos minus barbaros quam Romanos puto*) (loc. cit.). Поскольку природные качества людей (*ingenia*) не зависят от их этнического происхождения (*gens*), римляне, будучи «разумными людьми» (*prudentes homines*), «не лишенными образования и не дикими» (*neque inhumanis ac feris*), варварами, по мнению Цицерона, считаться не могут (loc. cit.). Таким образом, в интерпретации оратора, пересмотревшего созданную эллинами дихотомию «греки – варвары», римляне, не будучи ни греками, ни варварами, стали третьим компонентом традиционной парадигмы. При этом Цицерон признавал, что в незапамятные времена римляне и впрямь были «дикими» (*agrestes*) (Rep. II. 24; 27; Leg. II. 36), однако греческое культурное влияние способствовало их приобщению к цивилизованной жизни (*humanitas*) (Rep. II. 34; Leg. II. 36; Arch. 5).

Непростые отношения с греками [37. P. 381–405] и нараставший конфликт между греческим культурным влиянием и римскими «национальными» ценностями привели к тому, что в III в. до н. э. в Риме среди представителей элиты появились с одной стороны филэллины, приверженные к греческой культуре и с симпатией относившиеся к ее носителям, а с другой – «патриоты», враждебно настроенные по отношению к грекам, их культуре и стремившиеся любыми путями утвердить то, что в наше время называют «национальной идентичностью» (*national identity*). Процесс эллинизации римской жизни ускорился во II в. до н. э., когда в результате двух Македонских войн в Италию попало множество грекоязычных пленников. Ярким представителем римского филэллинства того времени можно считать Луция Эмилия

Павла (отец Сципиона Эмилиана), который привез в Рим библиотеку царя Персея (Plut. Aem. Paul. 28). Царская библиотека, доставшаяся сыновьям Эмилия Павла, стала первым крупным частным собранием книг в Риме. В 169 г. до н. э. в Рим прибыл грамматик Кратес из Мала, который «стал устраивать беседы, без устали рассуждая, и этим подал образец для подражания» (Suet. Gramm. 2. Пер. М. Л. Гаспарова). Затем формируется знаменитый кружок Сципиона Эмилиана, в который, помимо самого Сципиона, вошли Гай Лелий, Луций Фурий Фил, Спурий Муммий (брат разрушителя Коринфа Луция Муммия), Теренций Афр, Гай Луцилий, Полибий и Панэций. Роль этого кружка в эллинизации римской жизни трудно переоценить. В I в. до н. э. существовал поэтический кружок Катулла, членом которого был грек Парфений Никейский, обучавший Вергилия греческому языку. Возможно, именно благодаря Парфению римские поэты познакомились с поэтической традицией Каллимаха из Кирены и Эвфориона Халкидского.

Филэллизм, существовавший в двух ипостасях – политической и литературной – был вполне искренним, нередко восторженным, зачастую глубоко осознанным и довольно последовательным. По мнению Т. Дж. Хаархоффа, римские филэллы испытывали своего рода «сентиментальную привязанность» к греческой литературе [34. P. 191]. В одном из писем к брату Квинту Цицерон высоко оценивает роль греческого образования в формировании личности и указывает своему адресату на то, сколь многим они оба обязаны греческой культуре: «Поистине, мне уже не будет совестно признать, особенно при такой жизни и деятельности, когда никто не может заподозрить меня в бездеятельности или легкомыслии, что то, чего мы достигли, мы получили благодаря тем наукам и искусствам (*his studiis et artibus*), которые переданы нам в памятниках и учениях Греции. Поэтому, помимо доверия вообще, с которым мы должны относиться ко всем, кроме того, мы, как мне кажется, особенно обязаны этому роду людей (*isti hominum generi*), так как по отношению к тем самым людям, на учениях которых мы воспитались, мы стремимся выказать то, чему научились у них» (Qu. fr. I. 1. 28. Пер. В. О. Горенштейна с изменениями). Эти откровенные слова в письме к брату, на наш взгляд, красноречивее любых других свидетельств говорят о роли греческой культуры в жизни Цицерона [45. P. 29 ff.], равно как и о его отношении к своим наставникам-грекам.

В целом отношение римских филэллинов к грекам было очень неравным. Например, известный полководец, политический деятель и библиофил Луций Лициний Лукулл радушно приветчал всех приезжавших в Рим образованных греков; как пишет Плутарх, «без всякого ограничения открыл он доступ грекам в примыкавшие к книгохранилищам помещения для занятий

и портики для прогулок, и, разделавшись с другими делами, они с радостью хаживали туда, словно в некую обитель Муз, и проводили время в совместных беседах. Часто Лукулл сам заходил в портики и беседовал с любителями учености, а тем, кто занимался общественными делами, помогал в соответствии с их нуждами, – коротко говоря, для всех греков, приезжающих в Рим, его дом был родным очагом и эллинским пританеем» (Luc. 42. Пер. С. С. Аверинцева). Всем преподавателям и врачам из числа греков Цезарь, став диктатором, даровал римское гражданство (Suet. Iul. 42. 1). При этом ни Цезарь, ни Август не сажали греков за свой стол (Suet. Iul. 48; Aug. 74). Напротив, Цицерон в бытность свою наместником Киликии радушно делил с ними трапезу (Plut. Cic. 36).

Антиэллинизм, хотя и казался непримиримо враждебным всему греческому, в действительности далеко не всегда являлся таковым в полной мере. Яркий тому пример – антиэллинизм Катона Старшего. С одной стороны, Катон во многом заслуженно снискал себе славу убежденного и ярого противника любых проявлений греческого культурного влияния на италийской почве, пользовался репутацией ревностного блюстителя «обычаев предков» (*mores maiorum*), а также был известен своим крайне негативным мнением о греках вообще. С другой – образ старого политика, ветерана Ганнибаловой войны, в тиши домашнего кабинета усердно штудирующего ту самую греческую литературу (*litterae Graecae*) (Cic. Senect. 26), которую на публике он так рьяно порицал и клеймил, вызывает у непредубежденного читателя некоторое недоумение. В чем же заключалась причина подобной непоследовательности? Ответ напрашивается сам собой: «странный» антиэллинизм Катона питало римское «национальное» чувство, инстинктивно отвергавшее чересчур сильное чужеземное влияние.

По выражению Э. Грюэна, «Цензор взял на себя задачу не уничтожения эллинизма, а утверждения его второсортности по отношению к национальным ценностям». Иными словами, «Катон Цензор относился к греческой культуре не как враг Эллады, а как сторонник Рима» [31. Р. 74, 80]. Надо сказать, старик Катон беспокоился не зря: еще на памяти его деда царь Пирр и Киней общались с Гаем Фабрицием и другими сенаторами без переводчика, причем говорили они, ясное дело, не на латыни (Plut. Pyrrh. 18; 20). Когда же в 155 г. до н. э. в Рим прибыло знаменитое афинское посольство в составе академика Карнеада, перипатетика Критолая и стойка Диогена Вавилонского, «сразу же к ним потянулись самые образованные молодые люди, которые с восхищением внимали каждому их слову» (Plut. Cato Mai. 22. Здесь и далее в пер. С. П. Маркиша) [22. Р. 271]. Греческие философы, разумеется, обращались к своей латиноязычной аудитории исключительно по-гречески, однако

слушатели в переводчике вовсе не нуждались; Гай Ацилий сделал письменный перевод речей афинских послов для сенаторов, очевидно, лишь для соблюдения приличий (loc. cit.). Показательна реакция Катона: он выступил в сенате с предложением изгнать греческих философов из Рима. «И сделал он это не из ненависти к Карнеаду, как полагают иные, но в поношение философии вообще, желая, из какого-то чувства ревности, смешать с грязью всю греческую науку и образованность. Ведь он и о Сократе говорил, что-де этот пустомеля и властолюбец пытался любыми средствами захватить тираническую власть над отечеством, что он растлевал нравы и настойчиво внушал согражданам суждения, противные законам. Насмехаясь над школой Исократы, он уверял, будто ученики оставались в ней до седых волос, словно собираясь блеснуть приобретенными знаниями в Аиде и вести тяжбы перед Миносом. Он хотел опорочить Грецию в глазах своего сына и, злоупотребляя правами старости, дерзко возвещал и предсказывал, что римляне, заразившись греческой ученостью, погубят свое могущество» (ibid. 23). Вдохновляемый Катон антиэллинизм время от времени переходил в решительное контрнаступление: так, в 173 г. до н. э. из Рима были изгнаны эпикурейцы, а в 161 г. до н. э. – все греческие риторы и философы. Эти факты свидетельствуют о том, что Катон был далеко не единственным, хотя и, пожалуй, самым инициативным «греконенавистником» в римском сенате. Впоследствии по стопам Катона Старшего в известном смысле пошел и Цицерон, парадоксальным образом сочетавший филэллинство, пронизавшее всю его жизнь и деятельность, с «патриотичным» антиэллинизмом (правда, без крайностей и фанатизма, свойственных Катону).

В свете всего вышесказанного нет ничего удивительного в том, что отношение Цицерона к грекам и их культуре было двойственным и противоречивым, по принципу *odi et amo*, то есть «ненавижу и люблю» [56. Р. 363–366]. В одном из писем к своему ближайшему другу, страстному поклоннику всего греческого Титу Помпонию Аттику (Att. I. 15. 1) Цицерон по праву назвал его и себя филэллинами. Из контекста следует, что этот ярлык, во-первых, вполне согласуется с самооценкой автора письма и, во-вторых, ярко характеризует его «одиозную», с точки зрения римских консерваторов, репутацию. В свое время Г. Гуайт убедительно показал, что понятие «филэллин» означало для Цицерона прежде всего расположение и дружескую приязнь к современникам-грекам, а уже потом приверженность к греческой культуре. В этом смысле слово *philellen* применительно к самому себе, Аттику или брату Квинту звучит в устах оратора как эвфемизм взамен одиозного *Graecus* или *Graeculus* [33. Р. 143–144]. Плутарх сообщает о том, что римские плебеи дали молодому Цицерону презрительные прозвища «грек» (*Graicos*) и «ученый»

(*scholasticos*) (Plut. Cic. 5). Сам Цицерон, словно подтверждая свою репутацию филэллина, уже на склоне лет написал в трактате «Об обязанностях», что «интерес ко всему латинскому всегда сочетал в себе с интересом ко всему греческому» (*semper cum Graecis Latina coniunxi*) (Off. I. 1. Пер. В. О. Горенштейна). Характерно, что его соотечественники, которые, подобно ему, получили греческое образование и посвятили свой досуг (*otium*) ученым занятиям, достаиваются от него унижительной клички «греки» (*Graeci*) или «гречишки» (*Graeculi*) (De orat. I. 221; Fin. I. 8–9). Среди таких «гречишек» он упоминает развратника и расточителя Луция Геллия Попликолу, свидетеля на процессе Публия Сестия (Sest. 110), а также филэллина и эпикурейца Тита Альбуция, позволявшего себе игнорировать римские традиции (Prov. cons. 15; Brut. 131; Tusc. V. 108).

Иногда Цицерон притворно намекал на свою мнимую неосведомленность в области греческой литературы (Rosc. Am. 46; Fam. XV. 6. 1), и всякий раз это делалось с определенным расчетом. Оратор пытался совместить *otium* (культурный досуг) и *negotium* (общественную деятельность) без ущерба для «достоинства» (*dignitas*) политического деятеля и римского патриота, перенося, по его словам, «ту истинную и древнюю философию, которая кажется кое-кому делом отдохновения и праздности, на форум и в жизнь государства и чуть ли не на поле битвы» (Fam. XV. 4. 16. Пер. В. О. Горенштейна). Со временем Цицерон настолько свыкся со своей репутацией «грека», приверженного эллинской культуре, что считал возможным, ничуть не умаляя собственной *dignitas*, демонстрировать свое пристрастие к греческой литературе на народной сходке (Att. XV. 15. 2). В речах и диалогах, адресованных более или менее широкому кругу слушателей и читателей, Цицерон нередко всячески принижал значение достижений греческой культуры, пренебрежительно отзывался о ней, поносил тех самых греков, которых признавал «в высшей степени образованным народом» (*eruditissima illa Graecorum natio*) (De orat. II. 18. Пер. В. О. Никишина), и все это ради того, чтобы путем унижения греков и их богатейшей культуры свести на нет преклонение перед нею римских филэллинов, тем самым стимулировав их гордость за римскую культуру [57. P. 92 ff.]. Задачей Цицерона было, говоря словами Э. Грюэна, «подчинение эллинизма национальным идеям» [31. P. 270]. По нашему мнению, сам Цицерон ощущал свою принадлежность в равной мере к обоим «лагерям», как к «национальному», так и к «эллинскому», и в этом заключалась драматическая раздвоенность его личности и мировоззрения.

Таким образом, движимые «национальным» чувством римские интеллектуалы, такие как Катон Старший и Цицерон, осознанно противопоставляли заимствованному извне «эллинизму» свой «романизм» (*Romanitas*,

Latinitas), то есть ту традиционную систему ценностей, которая сформировалась на италийской почве в результате многовекового процесса развития римской *civitas*. Отстаивать «романизм» было нелегко, ибо в III–I вв. до н. э. медицина, образование, науки и искусства практически всецело относились к сфере деятельности греков: сами римляне, видимо, считали ниже своего достоинства профессионально заниматься всем этим. У «народа, одетого в тогу» (*gens togata*) была иная историческая миссия: «Римлянин! Ты научись народами править державно – / В этом искусство твое! – налагать условия мира, / Милость покорным являть и смирять войною надменных!» (Verg. Aen. VI. 851–853. Пер. С. А. Ошерова). Вместе с тем римские власти активно использовали достижения эллинистической культуры в целях пропаганды – в частности, это относится к греческому изобразительному искусству.

Обычно римляне с готовностью воспринимали ту или иную греческую традицию и усваивали ее, творчески переработав и тем самым сделав своей. Со временем складывалась парадоксальная ситуация, когда римским интеллектуалам-традиционалистам казалось, что «современная греческая практика угрожает испортить романизованную греческую практику» [22. Р. 281]. Такое положение дел было закономерным следствием сугубо прагматичного подхода римлян к эллинистической культуре, включая образование: заимствованные элементы этой культуры со временем идентифицировались римлянами с их «национальной» традицией; так «греческое» становилось «римским». Даже созданные греческими писателями произведения латинской литературы служили целям римской аристократической идеологии [35. Р. 36].

Итак, с одной стороны, образованные представители римской элиты охотно пользовались плодами греческой культуры, учились у греков и нередко бывали более или менее тесно связаны (в том числе и дружескими узами) с некоторыми из них; с другой – в большинстве своем римляне презирали греков за их «заносчивость» (*insolentia*), «легкомыслие» (*levitas*) и «болтливость» (*loquacitas*), критиковали произведения греческих писателей за их «научнообразную заумь» (*erudita vanitas*) и порицали всех греков вообще за их «распущенность» (*luxuria*), которая, по мнению таких римских моралистов, как Саллюстий или Катон Младший, во многом способствовала упадку нравов в Риме. Вместе с тем плохо скрытые обида и досада из-за невежества своих соотечественников наряду с завистью и ревностью по отношению к образованным чужакам-грекам отчетливо просматриваются в словах Цицерона, высказанных устами прославленного оратора Марка Антония в диалоге «Об ораторе»: «Разве кто-нибудь из греков поверит, будто наш брат и сам способен что-то понять? Впрочем, мне-то, пожалуй, не в тягость, я их всех довольно легко и терплю, и переносу: ведь иной раз их послушаешь – и услышишь

что-нибудь занятное, а иной раз послушаешь – и перестанешь жалеть о собственном невежестве» (De orat. II. 77. Здесь и далее в пер. Ф. А. Петровского). Более того, по его словам, вся «наука» (*doctrina*) греков просто смешна (*perridicula*) (loc. cit.). Презрение к грекам выражалось, в частности, в том, что римские интеллектуалы (например, тот же Цицерон) в обиходе употребляли уничижительное словцо *Graeculi* («гречишки») совершенно естественно и непринужденно, по-видимому, ничуть не заботясь о его крайне обидном и оскорбительном для греков смысле. Следует отметить, что расхожее словечко *Graeculi* встречается не только в сохранившихся речах Цицерона, изначально адресованных самой широкой и отнюдь не самой образованной аудитории, но даже в диалогах и один раз в переписке (Sest. 110; 126; Scaur. 4; Flac. 23; Verr. II. 4. 127; Mil. 55; Pis. 70; Red. in sen. 14; Phil. V. 14; XIII. 33; Tusc. I. 86; De orat. I. 47; 102; 221; Fam. VII. 18. 1), что, на наш взгляд, свидетельствует о его неподдельном энтузиазме в деле целенаправленного опорочения греков [17. P. 38; 57. P. 62–63].

Характерно, что на бытовом уровне у Цицерона со многими из его современников-греков сложились довольно неплохие отношения. Среди этих греков были его наставники (*magistri, praeceptores, educatores*), гостеприимцы (*hospites*) и друзья (*familiares*): Диодот, Патрон, Федр, Филон, Посидоний, Фиилл и др. (Nat. deor. I. 6; Brut. 309; Fam. XIII. 1. 2; Att. I. 9. 2; 12. 2; 16. 15). В окружении оратора всегда было немало ученых греков (Plut. Cic. 8). Одно из них, поэт Архия, Цицерон в 62 г. до н. э. даже защищал в суде. Грамматик Тираннион приводил в порядок его библиотеку (Att. IV. 4a. 1). Весьма любопытны отзывы Цицерона о некоторых из тех греков, кого он знал лично и с кем был более или менее тесно связан. Так, превознося в рекомендательном письме достоинства своего друга, Демокрита из Сикиона, оратор называет его «первым» (*princeps*) среди всех греков, так как «в нём есть необыкновенная честность, необыкновенная добродетель, необыкновенная щедрость и почтительность к тем, с кем его связывают узы гостеприимства» (*est enim in eo summa probitas, summa virtus, summa in hospites liberalitas et observantia*) (Fam. XIII. 78. 1. Пер. В. О. Никишина). Другого своего протеже, Лисона, Цицерон характеризует как «лучшего и благодарнейшего человека» (*virum optimum gratissimumque*) (Fam. XIII. 19. 3. Пер. В. О. Никишина). Среди положительных качеств вольноотпущенника Аполлония оратор наряду с ученостью называет благоразумие, верность и преданность (Fam. XIII. 16. 1–4). Какое-то время к нему был близок некий Дионисий, бывший раб Аттика и вольноотпущенник самого оратора, – как оказалось впоследствии, недостойный человек, которым поначалу Цицерон не уставал восхищаться, расточая ему безмерные похвалы (Att. IV. 11. 2; 14. 2; 15. 10; 18. 5; 19. 2; V. 3. 3; 9. 3;

VI. 1. 12; VII. 4. 1; 7. 1). Наконец, вовсе исключительный характер носили необычайно теплые отношения оратора и его секретаря Тирона, со временем ставшего для своего патрона не только незаменимым помощником, которому доверялись самые деликатные поручения, но и преданным другом (Att. VI. 7. 2; VII. 2. 3; Fam. XVI. 1. 2; 3. 2; 4. 3; 7; 15. 1; 16. 1–2). Как справедливо полагает М. А. Труар, эти отношения являют собой, пожалуй, единственный пример настоящей привязанности Цицерона к греку [57. Р. 20]. По поводу того факта, что оратор в одном из писем к Тирону (Fam. XVI. 4. 2) критически отзывается о греках, М. А. Труар, на наш взгляд, вполне обоснованно полагает, что, поскольку Тирон в то время (50 г. до н. э.) уже был вольноотпущенником, «скорее всего, Цицерон не думал всерьез о Тироне как о греке» [57. Р. 21].

Столь многим обязанный грекам и эллинистической культуре, Цицерон резко критиковал недостатки греческого воспитания и образования (Rep. IV. 3–4; Off. I. 130; De orat. II. 21; Tusc. I. 4; IV. 70). На словах он невысоко ценил греков, «жадных более до препирательств, чем до истины» (*Graeculos homines contentionis cupidiores quam veritatis*) (De orat. I. 47). Пытаясь затушевать свое увлечение всем греческим, оратор демонстративно отстаивал традиционные римские ценности: «Но что это я все о греках? Не знаю почему, но мне все же больше нравится наше, римское» (*sed quid ego Graecorum? Nescio quo modo me magis nostra delectant*) (Div. I. 55. Пер. М. И. Рижского). В свою очередь греки, как правило, платили римлянам той же монетой, презирая в них «варваров» и ненавидя их как своих поработителей. Напряженность в отношениях между греками и римлянами достигла своего апогея в I в. до н. э., яркий тому пример – печально знаменитая Эфесская резня 88 г. до н. э. [см.: 1; 5].

Чем же была культура в представлении Цицерона, этой выдающейся личности ренессансного масштаба? В своих произведениях он нередко употребляет понятие *humanitas* [см.: 15; 16. Р. 195; 32; 43; 48; 50; 51. Р. 80–94; 58. Р. 342 ff.]. В словоупотреблении оратора оно многозначно и означает не только человечность, или человеколюбие (Rep. II. 27; Verr. II. 1. 65; 2. 86; 118; 4. 120–121; 5. 111; 187; Phil. V. 40; Mil. 33; Deiot. 32), но и утонченность, учтивость, изысканность, образованность, то есть в целом «вежество» и духовную культуру (Leg. II. 36; Verr. II. 4. 98; Quinct. 11; Flac. 24; Sest. 92; Scaur. 44; Rosc. Am. 121; Qu. fr. I. 1. 27; Fam. XI. 27. 6), в противоположность *cultus* как материальной культуре. В «Тускуланских беседах» Цицерон уподобляет возделыванию поля занятия философией, которые он расценивает как «возделывание души» (*cultura autem animi philosophia est*) (Tusc. II. 13). В этом случае использованное Цицероном слово *cultura* по своему значению аналогично понятию *humanitas*.

Последнее носит универсальный характер и по сути своей наиболее близко современному понятию «цивилизация». В одном ряду с *humanitas* стоят *urbanitas* (это слово можно перевести как «этикет», «изысканность», «светскость») (De orat. I. 159; Rosc. Am. 120; Fam. XVI. 21. 7) и *litterae* («образованность») (Rosc. Am. 120–121; Fam. XI. 27. 6). Само слово *urbanitas* свидетельствует о том, что речь идет о городской культуре: Цицерон считал, что города (*urbes*) сыграли важнейшую роль в становлении культурной жизни (Sest. 91). Цивилизованной жизни в городе (*urbanitas*) со всеми ее пороками оратор противопоставляет далекую от цивилизации, простую и суровую сельскую жизнь (*vita rustica*) (Rosc. Am. 75; Fam. XVI. 21. 7). По мнению Г. С. Кнабе, «отсутствие городов – отличительный признак варварства» [7. С. 172], и с этим вряд ли кто поспорит. Что же касается образованности (*litterae*), то реальным наполнением этого понятия для самого оратора и его соотечественников являлось, прежде всего, знание греческой литературы (*litterae Graecae*) (Senect. 26). Впрочем, само по себе знание литературы еще не свидетельствует о высоком уровне культуры и профессионализма; здесь имеет значение и наличие у конкретного человека природных дарований и то, где именно он учился: по мнению Цицерона, греческую риторику следует изучать в Афинах, а не в Лилибее, тогда как латинскую – в Риме, а не на Сицилии (Div. in Caec. 39). В словоупотреблении Цицерона *litterae* и *humanitas* зачастую являются синонимами (строго говоря, вся разница в том, что *humanitas* по значению несколько шире *litterae*, и в каждом конкретном случае нужно иметь в виду контекст).

В глазах Цицерона образованность была важнейшим атрибутом культурной жизни; так, в речи «В защиту Сестия» он противопоставляет жизни «дикой» (*immanis*), лишенной духовной культуры, другую жизнь, «облагороженную образованностью» (*vitam perpolitam humanitate*) (Sest. 92). Культурный человек (*mansuetus, humanus*) (Rep. II. 27; Div. I. 2; Pis. 68; Arch. 19; Phil. III. 23; Deiot. 25) непременно должен быть образованным (*eruditus, doctus, politus*) (Rep. I. 18; De orat. I. 102; Div. I. 2; Pis. 68; Mil. 30; Fam. VII. 1. 3; 5; XI. 27. 6; 8; XIII. 16. 4). Природные дарования и хорошая память в совокупности с самым широким кругом знаний из разных областей, по мысли Цицерона, формируют всесторонне образованную личность (De orat. I. 17–18; 48; II. 5). Образование, в понимании Цицерона, включает и греческую теорию, и римскую практику [29. Р. 692]. Оно отличает культурного человека от варвара, ибо «в образованном уме нет ничего грубого, ничего бесчеловечного» (*exculto enim animo nihil agreste, nihil inhumanum est*) (Att. XII. 46. Пер. В. О. Горенштейна с изменением). В процессе образования формируется рациональное начало (*ratio*) (Fam. VII. 1. 5), лежащее в основе поведения

культурных людей – поведения, которое коренным образом отличается от иррационального и неуравновешенного поведения варваров (Tusc. II. 65; Mil. 30).

Во времена Цицерона в Римской республике отсутствовала государственная система образования; соответственно, образование не было стандартизировано (Rep. IV. 3). Оно включало изучение девяти дисциплин: грамматики, риторики, диалектики, арифметики, геометрии, астрономии, музыки, медицины и архитектуры [29. P. 705]. Реально образование представляло собой «гибрид римских институциональных мифов и греческих педагогических систем» [22. P. 262]. Цель, стоявшая перед римским образованием, была вполне прагматична: воспитание достойной молодежи для активного участия в жизни гражданской общины [22. P. 282]. Цицерон считал, что идеальный гражданин – это человек, чьи природные способности облагорожены хорошим, в том числе греческим, образованием (Rep. I. 30; Lig. 10; Arch. 15).

Риторику в Риме вплоть до 90-х гг. до н. э. преподавали исключительно греки [29. P. 691]. По-видимому, первые латинские риторические школы в Риме появились в 93 г. до н. э., о чем упоминает Цицерон (De orat. III. 93). Первым преподавать на латыни в Вечном городе стал ритор Луций Плотий Галл (Suet. Gram. 26; Quint. II. 4. 42). В этот период в Риме насчитывалось свыше двадцати известных грамматических школ (Suet. Gram. 3). В 92 г. до н. э. цензоры Гней Домиций Агенобарб и Луций Лициний Красс приняли решение о закрытии в городе на семи холмах латинских риторских школ (Suet. Gram. 25; Gell. XV. 11. 1–2). Чем это было вызвано? Ведь еще в 161 г. до н. э. сенат запретил преподавание в Вечном городе греческим философам и риторам (loc. cit.). По-видимому, у этой акции была не столько педагогическая, сколько социально-политическая подоплека. Дело в том, что получить образование на греческом языке могли позволить себе лишь представители правящей элиты, то есть сенаторы и всадники, которых, как правило, с детства учили на дому греческие учителя [29. P. 690], тогда как образование на латыни было вполне доступно гражданам со средним достатком. Преподаванием в латинских риторских школах профессионально занимались римские граждане, а не бесправные греки, всецело зависевшие от своих римских патронов. Делая выбор в пользу греческой риторики, цензоры способствовали сохранению в общественной жизни доминирующих позиций элиты [22. P. 283]. Таким образом, латинских раторов властям было труднее контролировать, чем преподавателей-греков [22. P. 272–273]. Эти последние являлись, как правило, вольноотпущенниками, чей социальный статус был крайне низок (Sen. Contr. II, praef. 5; Cic. Off. I. 151) [22. P. 268 ff.].

Помимо образованности, в числе компонентов культурного *modus vivendi*, каким он виделся Цицерону, следует назвать эстетический (Orat. 25; 161),

лингвистический (Brut. 258; 286; Orat. 160) и правовой (Sest. 92). В 55 г. до н. э. Цицерон писал Марку Марию о том, что вести жизнь, полную досуга (*otium*), для него значит «жить по-человечески» (*humaniter vivere*) (Fam. VII. I. 5). Понятие «досуг» (*otium*) в представлении современников Цицерона означало погружение в мир изящной словесности и благородных искусств. Это был мир греческой литературы, которую Цицерон знал и любил. К книгам он всегда питал особое пристрастие, полагая, что чтение книг необходимо в образовательном процессе (Arch. 14–16). По мнению Г. Буассье, «Цицерон ничего не любил так, как книги» [З. С. 118]. И это было действительно так. Аттик регулярно снабжал друга сочинениями греческих авторов. Огромное влияние на Цицерона как мыслителя и писателя оказали Платон, Аристотель, Феофраст, Феопомп, Дикеарх, Эратосфен, Клитомах, Карнеад, Панэций, Посидоний и др. [З. С. 173; 12. С. 72 слл.; 57. Р. 12 ff.]. Какое-то время оратор мечтал о приобретении богатейшей библиотеки самого Аттика, однако ввиду нехватки наличных средств долго откладывал осуществление своей мечты (Att. I. 4. 3; 10. 4; 11. 3). В 56 г. до н. э. Цицерон писал Аттику об устройстве своей личной библиотеки: «После того как Тираннион привел мои книги в порядок, мне кажется, что мое жилище получило разум» (Att. IV. 8. 2. Пер. В. О. Горенштейна).

Кроме книг Цицерон собирал произведения искусства, в частности скульптуру. В 67 г. до н. э. он писал Аттику: «Я заплатил Луцию Цинцию 20 400 сестерциев за мегарские статуи, как ты мне и написал. Твои пентеликонские гермы с бронзовыми головами, о которых ты мне сообщил, уже сейчас чрезвычайно меня восхищают. Поэтому я хотел бы, чтобы ты прислал мне в возможно большем числе и возможно скорее и их, и статуи, и прочее, что покажется тебе достойным и того места, и моего рвения, и твоего тонкого вкуса, в особенности же то, что ты сочтешь подходящим для гимнасия и ксистеры. Ведь я настолько захвачен этой страстью, что ты должен помогать мне, другие же, пожалуй, должны меня порицать» (Att. I. 8. 2. Здесь и далее в пер. В. О. Никишина). Цицерон не давал Аттику забыть о своей страсти к украшению интерьеров: «С нетерпением жду мегарских статуй и герм, о которых ты мне написал. Что бы ты ни достал в этом роде, все, что покажется тебе достойным Академии, не колеблясь, присылай мне и доверяй моему сундуку. Вещи этого рода доставляют мне удовольствие (*genus hoc est voluptatis meae*). Я ищу то, что особенно подходит для гимнасия» (Att. I. 9. 2). Из тускульской усадьбы оратор просил Аттика: «Я хотел бы, чтобы ты погрузил как можно более удобным способом мои статуи и гермераклы, о которых ты пишешь, а также прочее, что ты сочтешь достойным того места, которое ты знаешь, в особенности же то, что покажется тебе подходящим для палестры и гимнасия.

Ведь я писал это тебе, сидя там, так что само место меня вдохновляло. Кроме того, поручаю тебе приобрести изображения, которые я мог бы вставить в штукатурку стен малого атрия, и две мраморные ограды с фигурами для колодцев» (Att. I. 10. 3).

Безусловно, Цицерон был в известной степени ценителем, но отнюдь не глубоким знатоком живописи и скульптуры, являя собой пример весьма посредственного собирателя, покупавшего произведения искусства по принципу «числом поболее, ценою подешевле». Так, в 67 г. до н. э. Аттик закупил для Цицерона статуи, которыми тот намеревался украсить свою усадьбу в Формиях. Еще не видевший самих статуй Цицерон пишет Аттику: «Весьма признателен тебе за то, что они были приобретены тобою осмотрительно и по дешевой цене» (Att. I. 3. 2). Отношение Цицерона к греческому искусству было в основе своей чисто утилитаристским; оратор не столько восхищался эллинским гением, сколько отдавал дань моде того времени, при этом всячески стараясь сэкономить, о чем красноречиво свидетельствует фрагмент его письма к Фадию Галлу: «...Ты же, не зная о моем правиле, взял четыре или пять статуй за столько, во сколько я вообще не ценю все существующие статуи. Этих вакханок ты сравниваешь с музами Метелла. Что похожего? Прежде всего, я никогда не оценил бы этих самых муз так высоко и сделал бы это с одобрения всех муз. Впрочем, они подошли бы для библиотеки и соответствовали бы моим занятиям. Однако где у меня место для вакханок? “Но они премиленькие”. Знаю прекрасно и часто их видел; я поручил бы тебе приобрести именно эти известные мне статуи, если бы они мне нравились. Ведь я имею обыкновение покупать те статуи, которые украшают у меня участок на палестре ради сходства с гимнасиями. А зачем мне, поборнику мира, статуя Марса? Радуюсь, что не было статуи Сатурна; ведь я считал бы, что две эти статуи принесли мне долги. Я предпочел бы, чтобы было какое-нибудь изображение Меркурия... Касательно столоносца, которого ты предназначил для себя: если он тебя восхищает, возьми его; если же ты изменил намерение, то я, разумеется, возьму. Право же, за эту сумму я гораздо охотнее купил бы постоянный двор в Таррацине... В галерейке тускульской усадьбы мною выстроены новые небольшие экседры; их я хотел украсить картинами. В самом деле, если что-нибудь в этом роде меня и восхищает, то восхищает живопись» (Fam. VII. 23. 2–3. Пер. В. О. Никишина).

Безусловно, Цицерона никак нельзя назвать «крупным коллекционером», как это сделал У. Кнохе [39. S. 61]. По-видимому, его интерес к антиквариату был поверхностным, а познания в этой области – неглубокими [53. P. 306 ff.; 57. P. 7]. Характерно, что в одной из веррин оратор пренебрежительно отзывается о греческом искусстве, демонстрируя свое – скорее мнимое,

чем подлинное – невежество в этой области (Verr. II. 4. 4–5; 13; 33; 132–135). Словно забыв о собственном собирательстве греческих книг и предметов искусства (Att. I. 1. 5; 3. 2; 4. 3; 5. 7; 6. 2; 7; 8. 2; 9. 2; 10. 3; 11. 3; Qu. fr. III. 4. 5; Brut. 70; De orat. III. 26–28), Цицерон, подобно Катону Старшему, осуждает тех представителей римской элиты, которые привыкли восхищаться вещами такого рода (Par. 36–38. Ср.: Leg. Man. 40). По его словам, такой человек является «рабом всевозможных предрассудков» (*ineptiarum*) (Par. 37. Ср.: Verr. II. 4. 124). Утверждая в одной из веррин, что «знать толк в этих вещах – дело пустое» (Verr. II. 5. 33. Пер. В. О. Горенштейна), Цицерон вместе с тем со знанием дела описывает мраморного Купидона работы Праксителя (*ibid.* 4), бронзового Геркулеса, изваянного Мироном (*ibid.* 5), великолепные фалеры царя Гиерона (*ibid.* 29), серебряные кубки (*ibid.* 32), роскошный стол из африканской туи (*ibid.* 37) и пр.

Цицерон прекрасно знал и любил греческий язык, которым владел так же хорошо, как и латынью (*doctus sermonis utriusque linguae*) (Brut. 310. Ср.: Suet. Gram. 25); в этом нас убеждает уже та легкость, с которой он переходил с одного языка на другой (*tum Graece, tum Latine*) (Att. IX. 4. 3) [8. С. 409–410]. Очевидно, именно в этой связи за ним и закрепились презрительные прозвища *Graicos* («грек») и *scholasticos* («ученый»), которыми его наградило римское простонародье и о которых упоминает Плутарх (Cic. 5). Знатков греческого языка в Риме именовали «гречишками» (*Graeculi*), о таких дед Цицерона говаривал: «Кто лучше всех знает по-гречески, тот и есть самый никчемный человек» (*ut quisque optime Graece sciret, ita esse nequissimum*) (De orat. II. 265. Пер. В. О. Никишина). Это обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, как непросто было Цицерону совмещать свою приверженность интеллектуальной досугу (*otium*) и всем известную репутацию филэллина с активной общественной и политической позицией (*negotium*).

По-видимому, он неплохо писал по-гречески, причем сам был весьма высокого мнения о своих творениях, и вместе с тем очень хотел, чтобы написанное им, в сущности, для греков было по достоинству ими оценено. Это желание мотивировалось в основном тщеславием оратора, прекрасно отдававшего себе отчет в том, что «произведения на греческом языке читаются почти во всех странах, тогда как труды на латыни ограничены своими, очень тесными, пределами» (*Graeca leguntur in omnibus fere gentibus, Latina suis finibus, exiguis sane continentur*) (Arch. 23. Пер. В. О. Никишина). Как здравомыслящий человек, Цицерон понимал, что «жалкие латинские переписчики» (*librarioli Latini*) не могут быть достойными соперниками по перу огромного множества греческих писателей с их «ученым изобилием» (*erudita Graecorum copia*) (Leg. I. 7. Ср.: Tusc. II. 6). Отставание римлян от греков в гуманитарной

области оратор был склонен объяснять тем, что Греция намного «старше» Рима, поэтому греки гораздо раньше римлян стали развивать у себя «благородные искусства» (Rep. I. 58; II. 18–19; Brut. 39–41; 49; Orat. 171) [57. P. 43 ff.].

В марте 60 г. до н. э. Цицерон писал Аттику: «Посылаю тебе записки о моем консульстве, написанные по-гречески. Если в них найдется что-нибудь такое, что покажется человеку из Аттики недостаточно греческим и ученым, то я не скажу того, что, как мне кажется, Лукулл сказал тебе в Панорме о своей “Истории”: чтобы тем легче доказать, что она написана римлянином, он с этой целью рассыпал кое-какие варваризмы и солецизмы; если у меня найдется что-нибудь в этом роде, то это будет вследствие моей оплошности и против моей воли. Если напишу их на латыни, пришлю тебе. В-третьих, жди поэму, чтобы и этот жанр не был упущен самим же мною для моего прославления» (Att. I. 19. 10. Пер. В. О. Горенштейна с изменениями). Сам Цицерон очень высоко ставил упомянутые записки: «Я полагаю, ты наслаждаешься моими латинскими сочинениями, этому же греческому грек завидует» (Att. I. 20. 6). Суежная жажда славы обуревала Цицерона, когда он писал Аттику: «Чего еще желать? Я привел в замешательство греческий народ... Ты же, если книга тебе понравится, позаботься о том, чтобы она оказалась и в Афинах, и в других городах Греции; ведь она, как мне кажется, может придать моим деяниям некоторый блеск» (Att. II. 1. 2). Наконец, о своем сочинении «Академики» в четырех книгах он пишет Аттику летом 45 г. до н. э.: «Книги, право же, вышли так (если меня случайно не обманывает присущее всем самолюбие), что в этом роде нет ничего подобного даже у греков» (Att. XIII. 13. 1). Таким образом, Цицерон не только являлся ценителем и глубоким знатоком греческой литературы (чего нельзя сказать, к примеру, о скульптуре и живописи), но также был самым непосредственным образом к ней причастен, ибо сам писал по-гречески и поддерживал тесные контакты с целым рядом греческих интеллектуалов того времени.

Характеризуя уровень владения римлянами родным языком приблизительно за сто лет до современной ему эпохи, Цицерон отмечает, что «тогда почти все, кто не жил вне этого города (*Рима*. – *В. Н.*) и чье произношение не испортила какая-нибудь местная варварская речь (*aliqua barbaries domestica*), говорили правильно» (*recte loquebantur*) (Brut. 258. Пер. В. О. Никишина). Правильное произношение не приходилось игнорировать, поскольку устная культура в Риме играла чрезвычайно важную роль [29. P. 689]. Речь идет об оро-акустической направленности античной культуры, под чем обычно подразумевается «ориентация античной культуры на устное, живое, звучащее слово и на его слуховое восприятие» [14. С. 8]. Противопоставив латынь варварским наречиям, оратор возвел ее на ту же высоту, на которой до тех пор

находился лишь греческий язык. Многие образованные люди греко-римского мира даже во времена империи считали латынь «варварским» языком. Поэтому, в частности, Марк Аврелий и Клавдий Элиан писали по-гречески [40. S. 9]. Вместе с тем в эпоху Цицерона некоторые образованные римляне, свободно изъяснявшиеся на обоих языках, в том числе и сам Цицерон, стремились к тому, чтобы свести на нет монопольное право греческого языка служить языком науки, культуры и международного общения, поставить на одну доску с ним родную латынь и тем самым добиться полного «равноправия» латинского языка и римской культуры с языком и культурой греков [см.: 18; 24; 25; 26; 27]. Самому оратору пришлось однажды оправдываться в том, что на Сицилии он, выступая перед местными сенаторами, говорил по-гречески, что считалось недостойным (*indignum facinus*) римского промагистрата (Verr. II. 4. 147). При том что греческий язык оставался языком культуры, которым владели все образованные римляне [40. S. 5], проявления римского «национализма» на лингвистической почве порой доходили до курьезов, о чем свидетельствуют примеры Лукулла (Cic. Att. I. 19. 10) и Авла Постумия Альбина (Polyb. XXXIX. 12; Gell. XI. 8. 4) [см. также: 26; 38]. Как бы то ни было, греки неохотно учили латынь. Даже такой романофил, как Плутарх, едва дал себе труд овладеть языком римлян, да и то ближе к концу жизни (Dem. 2).

Десятилетиями Цицерон-патриот боролся с Цицероном-филэллином. Цицерон-патриот утверждал, что не уступит грекам «даже в изобилии слов» (*ut a Graecis ne verborum quidem copia vinceremur*) (Nat. deor. I. 8), хотя сам же призывал стремиться к «полноте мысли при наименьшем количестве слов» (*plena consiliorum, inania verborum*) (De orat. I. 37). Более того, он пытался доказать, что латинский язык своим лексическим богатством превосходит греческий (Fin. I. 10; III. 5. Ср.: Tusc. III. 10; IV. 36; Div. I. 1; De orat. II. 18; Orat. 164; Senect. 45; Fam. IX. 24. 3). Явно увлекшись собственным антигреческим пафосом, Цицерон однажды заявил, что римлянин должен знать родной язык, тогда как греческий ему знать вовсе не обязательно (Off. I. 111). В то же время Цицерон-филэллин констатировал: «Римляне почти не знают по-гречески, а греки – по-латыни. Поэтому они глухи к речи друг друга. Так и все мы совершенно глухи к тем бесчисленным языкам, которых не понимаем» (Tusc. V. 116. Пер. В. О. Никишина). В подтексте этой фразы читается подлинно гуманистический призыв к двум народам расширять общее культурное пространство посредством изучения языка друг друга в рамках развития диалога эллинистической и римской культур.

Даже отдавая грекам безусловный приоритет в области наук (*studia, disciplinae*) и искусств (*artes*) (Tusc. I. 3; Nar. resp. 19), Цицерон-патриот оставлял за соотечественниками почетное первенство в отношении благочестия

и гражданских добродетелей (De orat. III. 137; Har. resp. 19). Решающую роль в процессе перехода от дикости к цивилизации он отводил красноречию (Invent. I. 2), о котором писал: «Оно есть главное орудие в общественных и частных делах, ибо одно лишь делает жизнь нашу безопасной, честной и славной, в нем обретаем мы радость и утеху» (ibid. 4. Пер. Г. С. Кнабе). Признавая в качестве недостижимого идеала ораторское мастерство Демосфена (De orat. I. 260; Brut. 35–36), Цицерон ставил современное ему латинское красноречие гораздо выше греческого (De orat. III. 69). В последнем он видел лишь пустое теоретизирование, совершенно оторванное от практики и реальной жизни (De orat. I. 37; 47; II. 75–76; III. 57–58; Rep. I. 36; Cael. 40; Scaur. 3). Во второй книге трактата «Об ораторе» Цицерон весьма пренебрежительно высказался о преподавателях-греках: «Они учат других тому, чего не испытывали сами» (De orat. II. 76. Пер. Ф. А. Петровского). К этому стоит добавить напыщенное пустословие и страсть к украшательству, когда «в иных мыслях благозвучия и сладости больше, чем пользы или необходимости» (*magis venustae dulcesque sententiae quam aut necessariae aut interdum utiles*) (Brut. 326. Пер. В. О. Никишина). Напротив, по мнению Цицерона, римское ораторское искусство характеризуется именно своим прагматизмом и связью с повседневными реалиями (De orat. I. 15; 253; II. 78–84; III. 69; Brut. 118; 254; 289; Off. II. 66). В конечном счете для Цицерона ораторское мастерство складывается из греческой теории и римской практики (De orat. I. 14).

Важнейшими критериями уровня ораторского мастерства для Цицерона являлись общая культура и образованность оратора, его «познания в философии, гражданском праве и истории» (Brut. 161. Пер. И. П. Стрельниковой. Ср.: De orat. I. 5). Идеальный оратор не должен замыкаться в узких рамках своей профессиональной, адвокатской или политической, деятельности; ему необходимо постоянно пополнять свой запас знаний, «ведь все науки, воспитывающие просвещенного человека, как бы сцеплены между собой общими звеньями и в какой-то мере родственны одна другой» (Arch. 2. Пер. В. О. Горенштейна). Именно всестороннее гуманитарное образование, широкий кругозор и эрудиция отличают «красноречивого» (*eloquens*) человека от «речистого» (*disertus*) (De orat. I. 95. Ср.: Brut. 176). Только истинно красноречивый, «настоящий и совершенный оратор решительно обо всяком предмете сумеет говорить содержательно и разнообразно» (De orat. I. 59. Здесь и далее в пер. Ф. А. Петровского). Он «должен исследовать, переслушать, перечитать, обсудить, разобрать, испробовать все, что встречается человеку в жизни, так как в ней вращается оратор и она служит ему материалом» (De orat. III. 54). В свете всего вышесказанного весьма характерно декларированное Цицероном отношение таких «настоящих» ораторов, как

Луций Лициний Красс и Марк Антоний, к греческой науке: «Красс не скрывал, что он учился, но старался показать, что учением этим он не дорожит и что здравый смысл соотечественников во всем ставит выше учености греков; а Антоний полагал, что у такой публики, как наша, его речь встретит больше доверия, если будут думать, что он вовсе никогда не учился» (De orat. II. 4). Еще один отголосок давнего конфликта между греческой теорией и римской практикой...

Как известно, греческий идеал калокагатии предполагал гармоничное развитие нравственных и физических качеств человека, поэтому греки веками культивировали атлетизм. Гимнастика и агон являлись неотъемлемыми компонентами греческой полисной культуры; недаром у римских интеллектуалов палестра и гимнасий ассоциировались с греками и их «ученостью» (De orat. II. 20). В отличие от греков римляне специально спортом не занимались, полагая, что необходимую физическую подготовку можно получить во время тренировок на Марсовом поле (Plut. Mar. 34; Cic. Off. I. 104; Horat. Carm. I. 8. 3; III. 7. 25; 24. 56; Epist. I. 18. 54; Sat. II. 1. 8; 2. 9) [22. P. 278 ff.] или в ходе военной кампании (Plut. Mar. 13. Ср.: Cic. Off. II. 45). В результате греческая атлетика на италийской почве изначально приняла характер популярного зрелища, участниками которого были, как правило, греческие атлеты, а зрителями – римские граждане [46. P. 26]. Исключение составляли кулачные бои. Сами римляне поначалу воздерживались от выступлений в качестве кулачных бойцов (Tac. Ann. XIV. 20), поэтому устроители игр приглашали атлетов-иностранцев (Liv. I. 35. 9). Предпочитая – в соответствии с вековыми традициями – заниматься военной подготовкой и презирая давно уже ставшую профессиональной греческую атлетику [см.: 4. Ср.: Plut. Philop. 3; Alex. 4], римляне видели в последней занятие для бездельников, недостойное римского гражданина и воина [6. С. 95]. При этом традиционное римское воспитание обязательно включало в себя гимнастику, которой, как выясняется, было присуще немало характерных черт греческого атлетизма [46. P. 41]. Так, известный своим консерватизмом Катон Старший, лично занимавшийся воспитанием сына, «обучил мальчика и грамоте, и законам, и гимнастическим упражнениям, обучил его не только метать копье, сражаться в тяжелых доспехах и скакать на коне, но и биться на кулаках, терпеть зной и стужу и вплавь перебираться через реку, изобилующую водоворотами и стремнинами» (Plut. Cat. Mai. 20). Однако в повседневной жизни более или менее состоятельных римских граждан гимнастика имела второстепенное значение по сравнению, например, с баней (*balnea*).

Тем не менее, следуя определенной «моде», владельцы рабовладельческих вилл устраивали у себя частные гимнасии и палестры, чье убранство зависело

от вкуса и финансовых возможностей хозяина. Яркий пример такого хозяина – Цицерон, к концу жизни ставший обладателем полутора-двух десятков поместий [9. С. 32]. Самые любимые из них всем известный филэллин и эстет со вкусом благоустраивал и украшал, сооружая и отделывая гимнасии и палестры, ксисы и экседры, атрии и портики. Так, в своем тускуланском имении (*Tusculanum, suburbanus fundus*) Цицерон обустроил два гимнасия и один из них назвал «Лицеем» (Div. I. 8) [см.: 13]. Впрочем, все это делалось им privately и исключительно для собственного удовольствия. Иное дело – публичные занятия гимнастикой. То обстоятельство, что в гимнасиях в силу давней традиции юноши занимались спортом обнаженными, не могло не раздражать такого консерватора, каким был Цицерон, поскольку нагота в Риме считалась безнравственной (Plut. Cat. 20; Cic. Tusc. IV. 33). Цицерон критически высказывался по поводу развязного поведения молодежи в гимнасиях (Rep. IV. 4; Off. I. 130) и, в частности, порицал процветавший там гомосексуализм (Tusc. IV. 70). И в I в. до н. э., и позже консервативно настроенные греко-римские авторы считали времяпрепровождение в гимнасиях свидетельством изнеженности, распущенности и безнравственного поведения (Liv. XXIX. 19.11; Lucan. VII. 270–272; Tac. Ann. XIV. 20; Plut. Mor. 274 d–e). Нежелание уподобляться «распутным» и «безнравственным» грекам привело к тому, что в Риме атлеты, вопреки греческой традиции полностью обнажать тело, носили набедренные повязки (Dionys. Ant. Rom. VII. 72. 2–4) [см.: 55. P. 27, 239].

Особое место в системе ценностей Цицерона занимает философия, «мать» (*parens*) всех наук (De orat. I. 9). В области философии Цицерон, безусловно, был «энциклопедистом» [29. P. 719. См. также: 23; 28; 42; 49; 52]. Обычно его называют «эклектиком», но греческая философия той эпохи сама по себе была эклектичной [29. P. 721]. И здесь, как и в других областях культуры, науки и образования, Цицерон бросил грекам вызов. Признавая за ними бесспорный приоритет в этом деле (De orat. III. 69), он вместе с тем всячески ратовал за то, чтобы римляне всерьез занялись философией, дабы составить грекам конкуренцию: «Если бы эти занятия были перенесены к нам, сразу бы явились у нас и книжные собрания, как у греков, – ведь у греков потому так много книг, что у них великое множество писателей; многие говорят одно и то же, оттого все и набито у них книгами. Будь у нас интерес к таким занятиям, то же самое было бы и у нас. Вот я и стараюсь возбудить таких мужей, у которых общее образование и изящество речи сочетались бы с умением философствовать разумно и последовательно» (Tusc. II. 6. Пер. М. Л. Гаспарова).

Особый пиетет оратор питал к Сократу, Платону и Аристотелю [57. P. 3–16]. Что же касается Платона, то он являлся для Цицерона олицетворением и воплощением греческой культуры, идеальным представителем «древней и неиспорченной» Греции, *Graecia vetus* [39. S. 63]. Принято считать, что Цицерон играл роль «философского посредника»; как мыслитель он был эклектиком и собственной оригинальной философии не выработал [см.: 41. P. 243]. Впрочем, на этот счет существует и другое мнение, в соответствии с которым Цицерон не только был переводчиком, механическим посредником в процессе ознакомления римлян с греческой философией, но играл в этом процессе активную, творческую роль [см.: 10. С. 16–17; 12. С. 101; 21; 36. P. 189; 39. S. 58 ff.; 52. P. 115 ff.; 57. P. 95–96]. Свою задачу Цицерон видел в создании учебных пособий по философии на латинском языке, чтобы римские интеллектуалы более не нуждались в аналогичных книгах, написанных греками (Div. II. 4–5; Tusc. I. 1–4; II. 5–6; 26; IV. 1–6). Речь шла о том, чтобы изложить на латыни начала философии (Nat. deor. I. 7; Fin. III. 5), познакомить с ними римского читателя (Off. I. 1; II. 5) и побудить любознательных соотечественников углубиться в философские штудии (Div. II. 1). По своему обыкновению Цицерон-патриот заставил замолчать Цицерона-филэллина и подверг резкой критике современную ему греческую философию (De orat. II. 61; Cacl. 40–41; Att. V. 10. 5). Пытаясь примирить между собой «обычай предков» и «философские учения», Цицерон тем не менее подчеркивал безусловный приоритет гражданского долга перед «благородными науками и искусствами» (Rep. III. 5–6).

Интенсивное и эффективное развитие национальной культуры возможно лишь при условии известной открытости общества по отношению к другим культурам наряду с готовностью к диалогу, взаимодействию и плодотворным заимствованиям. Цицерон не мог этого не понимать. Однако усвоенное им с некоторых пор ампула консерватора и строгого блюстителя *mores maiorum* побудило оратора поставить «порчу и изменение нравов» (*quaedam corruptela ac demutatio morum*) в зависимость от «соприкосновения с чужим языком и чужими порядками» (*admiscentur enim novis sermonibus ac disciplinis*) (Rep. II. 7). В тисках этих неизбежных противоречий формировалась гуманитарная концепция Цицерона, убежденного филэллина и вместе с тем сознательного патриота-традиционалиста, стремившегося на основе заимствованных у греков элементов эллинистической культуры выстроить свою, римскую, систему «изящных искусств» (*artes liberales*).

Литература:

1. Беликов А. П. К вопросу об этнической принадлежности жертв «эфесской резни» 88 г. до н. э. // Ставропольский альманах общества интеллектуальной истории. Вып. 1. Ставрополь: Центр информационных технологий Пятигорского гос. лингвистического ун-та, 2001. С. 17–28.
2. Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. Ч. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 251 с.
3. Буассье Г. Цицерон и его друзья. Очерк о римском обществе времен Цезаря / Буассье Г. Собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Издательство Иванов и Лещинский, 1993. 445 с.
4. Гвоздева Т. Б. Атлетизм в Древней Греции: любители и профессионалы // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 161–164.
5. Гуленков К. Л. «Эфесская вечерня» // *Studia historica*. Вып. II. М.: Московский гор. пед. ун-т, Каф. истории мировых цивилизаций, 2002. С. 107–113.
6. Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 208 с.
7. Кнабе Г. С. Исторические предпосылки и главные черты античного типа культуры // Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М.: Индрик, 1994. С. 171–180.
8. Кнабе Г. С. Цицерон. Эстетика идеала и высокой нормы // Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М.: Изд.: Индрик, 1994. С. 409–422.
9. Кузищин В. И. Земельные владения Цицерона // Исследования в области экономической истории античности. СПб.: Алетейя, 2011. С. 30–44.
10. Майоров Г. Г. Цицерон как философ // Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 5–59.
11. Мосолкин А. В. Понятие *barbarus* у ранних римских писателей (анализ источников) // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. С. 47–51.
12. Нахов И. М. Цицерон и греческая культура // Цицерон. 2000 лет со времени смерти. М.: Изд-во Московского ун-та, 1959. С. 72–104.
13. Никишин В. О. Цицерон и античная спортивная культура // Олимпийские игры: история и современность. Сборник статей участников ежегодной межвузовской научной конференции «Восток и Запад: приоритеты эпох». М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2012. С. 170–183.
14. Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима (III–I вв. до н. э.). М., 1977. 256 с.

15. Arnaldi F. *Humanitas // Romana*. 1941. № 5. P. 169–188.
16. Baldry H. C. *The Idea of the Unity of Mankind // Grecs et barbares. Six exposés et discussions par H. Schwabl, H. Diller, O. Reverdin, W. Peremans, H. C. Baldry, A. Dihle / Entretiens sur l'antiquité classique. 8. Vandoeuvres-Genève*, 1962. P. 167–204.
17. Balsdon J. P. V. D. *Romans and Aliens*. L.: University of North Carolina Press, 1979. 310 p.
18. Bonner R. J. *The Conflict of Languages in the Roman World // The Classical Journal*. 1929–1930. Vol. 25. P. 579–592.
19. Bowersock G. W. *The Barbarism of the Greeks // Harvard Studies of Classical Philology*. 1995. Vol. 97. P. 3–14.
20. Champion C. B. *Romans as Barbaroi: Three Polybian Speeches and the Politics of Cultural Indeterminacy // Classical Philology*. 2000. Vol. 95. P. 425–444.
21. Conway R. S. *The Originality of Cicero // Bull. J. Rylands Libr*. 1930. Vol. 14. № 2. P. 361–385.
22. Corbeill A. *Education in the Roman Republic: Creating Traditions // Education in Greek and Roman Antiquity / Ed. Yun Lee Too*. Leiden: Brill, 2001. P. 261–287.
23. Douglas A. E. *Cicero the Philosopher // Cicero / Ed. T. A. Dorey*. L.: Clarendon press, 1965. P. 135–170.
24. Dubuisson M. *Utraque lingua // L'Antiquité Classique*. 1981. Vol. 50. P. 274–286.
25. Dubuisson M. *Grecs et Romains: le conflit linguistique // L'Histoire*. 1982. Vol. 50. P. 21–29.
26. Dubuisson M. *Some Aspects of Graeco-Roman Relations: The Attitude of Roman Administration towards Language Use. Xenophobia and Disparaging Words in Greek and Latin // Prudentia*. 1983. Vol. 15. P. 35–47.
27. Dubuisson M. *Le latin est-il une langue barbare? // Ktèma*. 1984. № 9. P. 55–68.
28. Glucker J. *Cicero's Philosophical Affiliations // The Question of "Eclecticism": Studies in Later Greek Philosophy / Eds. J. M. Dillon, A. A. Long*. Berkeley: University of California Press, 1988. P. 34–69.
29. Griffin M. *The Intellectual Developments of the Ciceronian Age // The Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. IX. The Last Age of the Roman Republic, 146–43 B. C. / Eds. J. A. Crook, A. Lintott, E. Rawson*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 689–728.
30. Gruen E. S. *The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. 1*. Berkeley: University of California Press, 1984. 356 p.

31. Gruen E. S. *Culture and National Identity in Republican Rome*. N. Y.: Cornell University Press, 1992. 347 p.
32. Guillemain A. M. *Cicero entre le génie grec et le "mos maiorum"* // *Revue des Études Latines*. 1955. Rel. 33 P. 209–230.
33. Guite H. *Cicero's Attitude to the Greeks* // *Greece & Rome*. 1962. Vol. 9. № 2. P. 142–159.
34. Haarhoff Th. J. *The Stranger at the Gate. Aspects of Exclusiveness and Cooperation in Ancient Greece and Rome, with Some Reference to Modern Times*. Oxford, 1948. 354 p.
35. Habinek Th.N. *The Politics of Latin Literature. Writing, Identity, and Empire in Ancient Rome*. Princeton: Longmans, Green and Co, 1998. 234 p.
36. Hunt H. A. K. *The Humanism of Cicero*. Melbourne, 1954. 221 p.
37. Isaac B. H. *The Invention of Racism in Classical Antiquity*. Princeton: Princeton univ. press, 2004. 563 p.
38. Kaimio J. *The Romans and the Greek Language / Commentationes Humanarum Litterarum*. Helsinki: Soc. scientiarum fennica, 1979. 379 p.
39. Knoche U. *Cicero: ein Mittler griechischer Geisteskultur* // *Hermes*. 1959. Vol. 87. S. 57–74.
40. Kroll W. *Studien zum Verständnis der Römischen Literatur*. Stuttgart: J. B. Metzler, 1924. 390 S.
41. Lovejoy A., Boas G. *Primitivism and Related Ideas in Antiquity*. Baltimore: Octagon Books, 1935. 482 p.
42. MacKendrick P. *The Philosophical Works of Cicero*. N. Y.: Springer, 1989. 247 p.
43. Mayer J. *Humanitas bei Cicero*. Diss. Freiburg, 1950.
44. Momigliano A. *Alien Wisdom. The Limits of Hellenization*. Cambridge, 1975. 174 p.
45. Nairn J. A. *Cicero and his Greek Originals* // *Proceedings of the Classical Association*. 1932. Vol. 29. P. 29–33.
46. Newby Z. *Greek Athletics in the Roman World. Victory and Virtue*. N. Y.: Oxford University Press, 2005. 329 p.
47. Norden E. *Die römische Literatur. Mit Anhang: Die lateinische Literatur im Übergang vom Altertum zum Mittelalter*. Leipzig, 1954. 212 S.
48. Nybakken O. E. *Humanitas Romana* // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1939. Vol. 70. P. 396–413.
49. Powell J. G. F. *Introduction: Cicero's Philosophical Works and their background* // *Cicero the Philosopher: Twelve Papers* / Ed. J. G. F. Powell. Oxford: Clarendon press, 1995. P. 1–36.

50. Ruch M. Nationalisme culturel et culture internationale dans la pensée de Ciceron // *Revue des Études Latines*. 1958. P. 193–204.
51. Ruch M. *Études ciceroniennes*. Paris: Brill, 1970. 109 p.
52. Schmidt P.L. Cicero's Place in Roman Philosophy: A Study of his Prefaces // *The Classical Journal*. 1979. Vol. 74. P. 115–127.
53. Showerman G. Cicero's Appreciation of Greek Art // *American Journal of Philology*. 1904. Vol. 25. P. 306–314.
54. Smith R. R. R. Greeks, Foreigners and Roman Republican Portraits // *The Journal of Roman Studies*. 1981. Vol. 71. P. 24–38.
55. Stewart A.F. *Art, Desire and the Body in Ancient Greece*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 272 p.
56. Syed Y. Romans and Others // *A Companion to Latin Literature* / Ed. S. Harrison. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 360–371.
57. Trouard M. A. Cicero's Attitude towards the Greeks. Diss. Chicago, 1942.
58. Veyne P. *Humanitas: Romans and Non-Romans* // *The Romans* / Ed. A. Giardina. Chicago: Editori Laterza, 1993. P. 342–369.

«УДАЛОСЬ СОХРАНИТЬ В ЧИСТОТЕ СВОЕ ИМЯ, СВОЮ РЕПУТАЦИЮ...»: К ПОРТРЕТУ ГРАФА И. И. ТОЛСТОГО, ОРГАНИЗАТОРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ, МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В. Н. Ряполов

Воронежский государственный университет,

Воронеж

E-mail: ryapoloff.v@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается жизнь и государственная деятельность графа Ивана Ивановича Толстого. Граф провел реформу художественного образования в России, создав Устав Академии художеств, а также способствовал возникновению и развитию художественных учебных заведений во многих губернских городах империи. Будучи министром народного просвещения, пытался провести демократические реформы в высшей школе и всячески оградить среднюю школу от политического влияния.

Ключевые слова: академия, образование, художественное творчество, министерство, отставка, глава города.

**“I MANAGED TO KEEP MY NAME, MY REPUTATION CLEAN...”:
TO THE PORTRAIT OF COUNT I. I. TOLSTOY, ORGANIZER OF ART
EDUCATION IN RUSSIA, MINISTER OF PUBLIC EDUCATION.**

Vladimir N. Ryapolov

Voronezh State University,

Voronezh

E-mail: ryapoloff.v@yandex.ru

Abstract. The article examines the life and state activity of Count Ivan Ivanovich Tolstoy. The Count carried out the reform of art education in Russia, creating the Charter of the Academy of Arts, and also contributed to the emergence and development of art educational institutions in many provincial cities of the empire. As Minister of Public Education, he tried to carry out democratic reforms in higher education and in every possible way to protect secondary school from political influence on it.

Keyword: academy, education, artistic creativity, ministry, resignation, head of the city.

В 2023 г. исполняется 165 лет со дня рождения графа Ивана Ивановича Толстого – министра народного просвещения, организатора художественного образования в России. Правнук фельдмаршала М. И. Кутузова родился 18 мая 1858 г. в Петербурге в семье министра почты и телеграфа Ивана Матвеевича Толстого и воронежской помещицы Елизаветы Васильевны Тулиновой. В приданое Елизавете Васильевне досталось имение в селе Чертовицкое Воронежского уезда – двухэтажный каменный дом и около тысячи десятин земли [1. С. 30], которыми впоследствии владели до конца своей жизни Иван Иванович Толстой и его брат Дмитрий Иванович, ставший последним досоветским и первым советским директором Эрмитажа. Их отец, Иван Матвеевич, с детства был дружен с будущим императором Александром II, и когда тот вззошел на престол, то приблизил к себе друга детства. Толстой получил графское достоинство, часто приглашался с семьей в Зимний дворец, где юные Толстые, Иван и Дмитрий, играли с царскими детьми – Сергеем и Павлом, а с их старшим братом Владимиром Александровичем Иван сохранил искреннюю дружбу до последних дней жизни великого князя. После смерти Ивана Матвеевича в 1867 г. Александр II всячески поддерживал семью своего друга, навещал вдову. Елизавета Васильевна не смогла пережить смерть мужа и ушла из жизни спустя три года. Потеряв родителей, Иван Иванович вступил в наследство, в числе которого было и имение матери в Чертовицком [5. С. 43], куда он по возможности приезжал каждое лето. Вопреки желаниям опекунов, Иван Иванович отказался от образования в Пажеском корпусе и поступил в 3-ю Петербургскую гимназию, которую окончил с серебряной медалью, а затем, в 1880-м, окончил и юридический факультет Петербургского университета [4. С. 363]. После Толстой некоторое время работал в Министерстве иностранных дел, затем – в Министерстве внутренних дел, где занимался переселенческими вопросами. В течение всей жизни увлекаясь нумизматикой, Иван Иванович собрал коллекцию древнерусских и византийских монет мирового уровня. После Октября 1917 г. она была передана его сыном академиком И. И. Толстым в Эрмитаж, где хранится и составляет отдельный фонд. Иван Иванович не просто занимался собирательством, но и исследовал монеты. Его перу принадлежат глубокие научные работы по нумизматике Византии и России допетровского периода, так, в 24 года он получил Уваровскую премию второй степени за работу о монетах Великого княжества Киевского. Благодаря этому в 1882 г. граф был избран действительным членом Русского археологического общества. В 1886 г. переведен на службу в Археологическую комиссию, а спустя два года назначен ее секретарем. Здесь Толстой сблизился с известным археологом Н. П. Кондаковым. Результатом их совместной деятельности стал выпуск

шеститомного издания «Русские древности в памятниках искусства», выходявшего с перерывами с 1889 по 1898 г. и имевшего огромный успех в научном мире. Из научных трудов Толстого наиболее известными стали: «Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского», «Русская допетровская нумизматика», «Монеты Великого Новгорода», «Монеты Пскова», «Новая книга о Китае и китайцах», «О древнейших русских монетах X и XI вв.» и ряд других [2].

В 1889 г. Толстому пришлось сложить с себя обязанности секретаря Русского археологического общества в связи с назначением конференц-секретарем, а с 1893 г. вице-президентом Академии художеств [4. С. 163], возглавляемой близким товарищем графа еще с детских лет, великим князем Владимиром Александровичем. В течение 12 лет (1893–1905) Иван Иванович был, по сути, главой высшей художественной школы России. Назначение Толстого было связано с возбуждением уголовного дела о растрате казенных денег его предшественником, конференц-секретарем Исаевым. Это дело затрагивало репутацию президента Академии художеств великого князя Владимира Александровича, вскрывало системный кризис высшей художественной школы и инициировало проведение реформ. Посещая академическую выставку 27 февраля 1890 г., император Александр III сказал И. И. Толстому: «Вам предстоит трудная задача поднять Академию...», а также заявил, что не может выносить раскола между академистами и передвижниками, и просил графа «уничтожить его» [6]. В итоге перед И. И. Толстым встала задача кардинальных реформ академии, создания сети провинциальных художественных школ в целях возрождения русского искусства. Первой задачей было подготовить новый Устав Академии художеств, для чего указом императора создавалась особая комиссия, в которую Толстой привлек известных скульпторов, архитекторов, меценатов, искусствоведов, художников, в том числе и передвижников В. Д. Поленова, А. П. Боголюбова, И. Е. Репина. Немалую роль в изменении устава сыграл и выдающийся художник И. Н. Крамской, обращавший внимание на внедрение в систему преподавания реалистического метода [7. С. 186]. Однако главная, координирующая роль все-таки принадлежала, конечно же, графу Толстому.

В течение трех лет, с 1890 по 1893 г., был подготовлен новый устав, изменивший характер и строй академии, теперь она стала обязана поддерживать, развивать и распространять искусство в России, пополнилась новыми преподавательскими кадрами из числа выдающихся художников и знатоков живописи. Ее реформа способствовала возникновению и развитию художественных учебных заведений во многих губернских городах России, в том числе и в Воронеже. К 1905 г. половина поступающих в Высшее художественное

училище при академии, были выходцами из провинциальных городов. В 1897 г. при непосредственном участии графа был учрежден Русский музей императора Александра III. В это же время, как результат реформы, начали создаваться провинциальные художественные музеи, среди них в 1908 г. и в городе Острогжске, на родине И. Н. Крамского. Во многом это были заслуги графа, хотя сам он оценивал их намного скромнее, удовлетворяясь тем, что «удалось сохранить в чистоте свое имя, свою репутацию».

События 1905 г. изменили привычный ритм жизни графа Толстого – 31 октября он был назначен министром народного просвещения и находился на этом посту до 24 октября 1906 г. На момент формирования кабинета министров премьером С. Ю. Витте эта должность была свободной, и великий князь Владимир Александрович рекомендовал императору на нее Ивана Ивановича. Николай II лично встретился с графом и после непродолжительной беседы сказал: «Я все-таки прошу Вас принять место» [8. С. 45]. Растерянность правительства перед революционными событиями 1905 г. породила Манифест 17 октября, провозглашавший различные гражданские права и свободы. Под влияние этих свобод и попал вновь назначенный министр. В течение шести месяцев он выдвинул проекты реформ, по которым все граждане империи имели равные права на получение всех видов образования независимо от пола и национальной принадлежности. Толстой провел съезд ректоров и представителей университетов, где рассматривался вопрос об автономии высшей школы и был выработан проект устава императорских российских университетов. Было предложено совместное обучение юношей и девушек как в средних, так и высших учебных заведениях, однако понимания эта идея графа в высших кругах не нашла [8. С. 89, 100].

В целях упорядочения школьной жизни 26 ноября 1905 г. граф издал циркулярное предложение, по которому широкие полномочия предоставлялись советам средних учебных заведений, а право присутствия на этих советах с решающим голосом – уездному предводителю дворянства, городскому голове или их заместителям [8. С. 123]. В продолжение этого 9 января 1906 г. вышло еще одно циркулярное предложение – «О мерах, могущих обеспечить правильный ход занятий в средних учебных заведениях», которым предусматривалось право педагогических советов принимать все меры для устранения ненормальных явлений в жизни школы. В вопросах среднего образования граф придерживался идеи, что политике нет места в школе, ее необходимо вернуть к прямым задачам просвещения – учению и воспитанию, а дисциплина в школе необходима, пусть даже очень строгая, лишь бы она имела в виду педагогические цели, а не политические [8. С. 130–131]. Что касается реформы высшего образования, то она не нашла поддержки

в высших кругах и была признана слишком либеральной, подорвав репутацию графа в глазах правящей элиты. Великий князь Николай Михайлович, симпатизирующий Толстому, писал ему: «Вы благодаря Вашей деятельности в качестве министра окончательно погубили Вашу служебную карьеру: Вас даже в члены Государственного совета никогда не назначат, тогда как назначают туда всяких идиотов и рамоликов. Я возмущаюсь, но этот факт непреодолимый» [11. С. 48]. Спустя некоторое время Толстой записал в своем дневнике: «Меня при дворе считают революционером». 24 октября 1906 г. последовали роспуск кабинета министров С. Ю. Витте, чего хотел государь Николай II [9. С. 109], и отставка графа. Если все члены отставного кабинета получили награды, то о себе Иван Иванович записал: «Что касается меня, то хотя я и остался номинально на службе в качестве придворного чина (гофмейстера), но в сущности был совершенно устранен от каких бы то ни было дел, с лишением звания и без всякой пенсии. Было ли этим подчеркнуто неудовольствие моею деятельностью, или Государь вспомнил мою просьбу ничем не награждать меня – не знаю; а может быть, просто знали, что я ни в чем не нуждаюсь, что лишняя звезда на груди не доставила бы мне никакого удовольствия, а между тем я ни о чем не хлопотал» [8. С. 279].

Оказавшись вне политики и государственных дел, Толстой участвовал в работе просветительских и научных организаций. Им были написаны мемуары, охватывающие полугодовой период пребывания его в должности министра просвещения. Он познакомил общество с «Заметками о народном образовании в России», вышедшими в 1907 г., многие идеи которых нашли воплощение в последующих реформах, опубликовал «Письма русского из Рима», касающиеся национального вопроса в России, а также занимался научной работой в области археологии и нумизматики.

В мае 1913 г. граф был избран с.-петербургским городским головою [4. С. 363]. По этому поводу известный историк античности, близкий друг Толстого С. А. Жебелев, вспоминая Ивана Ивановича, писал: «“Случайность жизни” сделала графа, в последние два года его жизни, петроградским городским головою... И уже не “случайность жизни”, а какое-то сверхчеловеческое исполнение ответственного долга, возложенного на графа в тяжелое время, переживаемое нашей родиной (*Первая мировая война. – Прим. авт.*), надорвало его силы и свело его в преждевременную могилу» [3. С. 404]. Сам граф записал: «Советуют покой, угрожая в противном случае разными ужасами. Легко сказать – покой, когда меня дергают весь день и каждый день, кто по поводу недостачи дров, кто – муки, кто – помещений для расквартирования войск, военных лазаретов. И при этом никто помочь не хочет – ни министерства, враждебно относящиеся к самоуправлению и желающие

их провала, ни военные власти, предъявляющие только требования и не ударяющие палец о палец там, где нужно поддержать» [11. С. 807]. В результате в январе 1916 г. по состоянию здоровья граф Толстой подал в отставку, выехал для отдыха в имение графини Паниной Гаспру Ялтинского уезда Таврической губернии, где и ушел из жизни 20 мая 1916 г. Так не стало археолога и археографа, нумизмата и искусствоведа, активного участника научных обществ, организатора художественного образования в России, министра народного просвещения и последнего владельца усадьбы в селе Чертовицкое графа Ивана Ивановича Толстого. Похоронен он на кладбище Александроневской лавры в Петрограде. Что касается графской усадьбы в селе Чертовицкое, то в 20-е гг. XX века в ней был открыт пансионат им. Дзержинского, действующий в качестве санатория и в настоящее время [10. С. 342].

Литература:

1. Акиньшин А. Н., Ласунский О. Г. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 1994. 192 с.
2. Гайдуков П. Г. К 150-летию со дня рождения Ивана Ивановича Толстого // Российская археология. 2008. № 4. С. 159–166.
3. Жебелев С. А. Граф Иван Иванович Толстой // Мемуары графа И. И. Толстого. М.: Индрик, 2002. С. 388–404.
4. Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). Т. 2 / Под ред. графини П. С. Уваровой и И. П. Бороздина. М., 1915, XXII, 448. 257 с.
5. Кригер Л. В. Рамонский край. Жемчужина туризма. Воронеж: Творческое объединение «Альбом», 2008. 104 с.
6. Кудрина Ю. Передвижники и императорская власть // Русская стратегия [Электронный ресурс]. URL: <http://rys-strategia.ru/publ/1-1-0-5117?ysclid=li4gvrecg2891933066> (дата обращения: 26.05.2023).
7. Курочкина Т. И. Иван Николаевич Крамской. М.: Изобразительное искусство, 1980. 208 с.
8. Мемуары графа И. И. Толстого. М.: Индрик, 2002. 463 с.
9. Мэсси К. Р. Николай и Александра. М.: Захаров, 1992. 512 с.
10. Прохоров В. А. Вся Воронежская земля. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1973. 369 с.
11. Толстой И. И. Дневник: в 2 т. Т. II. 1910–1916. СПб.: Лики России, 2010. 944 с.

ПАНСЛАВИЗМ И ПАНТЮРКИЗМ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

О. Н. Сеньюткина

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород
E-mail: senutkina@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – исследовать связь / отсутствие связи между двумя понятиями, панславизм и пантюркизм, а также историческими явлениями с теми же названиями. Причем эта проблематика изучается в тесной связи с еще одним явлением под названием национализм. Из многих теорий национализма автор статьи выбрал за основу идеи Бенедикта Андерсона, и не только выбрал, но и обосновал свой выбор. По сути, панславизм и пантюркизм рассматриваются в большей степени как идеи, затухающие и вспыхивающие в зависимости от меняющейся действительности.

Ключевые слова: панславизм, пантюркизм, компаративистика, историческое явление.

PAN-SLAVISM AND PAN-TURKISM: HISTORICAL PARALLELS

Olga N. Senyutkina

Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod
E-mail: senutkina@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to investigate the connection/lack of connection between two concepts: Pan-Slavism and Pan-Turkism, as well as historical phenomena with the same names. Moreover, this problem is studied in close connection with another phenomenon called nationalism. From many theories of nationalism, the author of the article chose Benedict Anderson as the basis for the idea and not only chose, but also substantiated his choice. In essence, pan-Slavism and pan-Turkism are viewed, ultimately, more as ideas that fade and flare up depending on the changing reality.

Keywords: pan-Slavism, pan-Turkism, comparative studies, historical phenomenon.

Ни панславизм, ни пантюркизм нельзя рассматривать без связи с пониманием национализма, так как каждое из этих исторических явлений (как идейное течение и проявление реальности) связано с этнопроцессами и в сфере сознания, и на практике – в объективной действительности. Несмотря на то что дискуссии о национализме не утихают и теоретическая основа национализма имеет гетерогенный характер, одним из элементов этой основы для проведения сравнительного анализа указанных явлений может служить оригинальная концепция национализма, изложенная в свое время Бенедиктом Андерсоном (1936–2015), английским ученым ирландского происхождения [1. С. 143].

Какие идеи ученого дают толчок к размышлению на избранную нами тему?

1. Этнические процессы, называемые им однозначно национальными, не прекращают существование, несмотря на глобализацию. Еще в начале 1980-х гг. своим трудом под названием «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» Андерсон обратил внимание на этот момент.

2. Его сочинение показывает, как интересно выявлять конкретные социальные механизмы и изучать их действия при рассмотрении этнических процессов, подтверждая и / или опровергая тем самым те или иные теоретические постулаты. Будучи специалистом по Юго-Восточной Азии, Андерсон шел от конкретики бытия этого региона к обобщениям культурологического характера.

Труд Андерсона уже стал признанным «образцовым социологическим сочинением новейшего времени» [2. С. 26–27].

Оттолкнувшись от этих идей, можно сказать, что изучение панславизма и пантюркизма не теряет актуальности, хотя ряд исследователей считает (скажем, забегая вперед), что панславизм не проявляется сегодня, оставшись только в нашей памяти, а пантюркизм умирает, концентрируясь разве что в некоторых политических проектах.

Актуализация темы подтверждается, кроме продолжающего существовать интереса к истории славян и тюрков, данными современной демографии. Общее количество славян¹ в мире, согласно последним оценкам [4], составляет около 300 млн человек. Это примерно 4 % от общей численности населения Земли. Преимущественно они проживают в северной части нашей планеты.

¹Среди славян выделяются западные славяне (поляки, силезцы, словинцы, чехи, словаки, кашубы, моравы и лужичане), восточные славяне (русские, белорусы, украинцы, русины) и южные славяне (болгары, сербы, хорваты, босняки, македонцы, словенцы, черногорцы).

Тюрки² (более 240 млн [7]) сосредоточены по коридору Великой Степи. Тюрков в мире становится все больше.

Если обратиться к терминологии, то, безусловно, в содержании дефиниций мы обнаружим много общего. И то и другое содержание отмечает стремление к этническому единству и к установлению союза либо славянских, либо тюркских общностей. Еще один общий момент панславизма и пантюркизма – высшие формы религиозности: для славян – православие, для тюрков – ислам.

Различие панславизма и пантюркизма особенно ярко заметно при рассмотрении исторических обстоятельств зарождения и развития этих измов. Их начальные точки можно отнести к времени формирования этноязыковых общностей славян и тюрков. Тогда гипотетически истоки уходят глубоко в период древности или Средневековья. Например, лингвистика или археология дают тому подтверждение. Или средневековый памятник «Повесть временных лет» отражает идею славянского единства.

Но есть и иные показатели отражения процессов: они в идеях мыслителей, рассуждающих по поводу тех или иных измов. Это аргументация панславизма и пантюркизма. Считается, что панславизм как движение за единство славянских народов находит яркое выражение в трудах хорватского философа и богослова Юрия Крижанича (1618–1683). Он замечает, что славянские народы (русских, поляков, чехов, болгар, сербов и хорватов) в Западной Европе «ругают, порочат и ненавидят... называют нас варварами, и считают нас скорее скотами, нежели людьми» [5. С. 166]. Во многом поэтому Крижанич создает «всеславянский язык» и «всеславянскую историю». Но он никогда не мыслил о русификации, не высказывал тех идей, которые будут развиваться рядом представителей элит в XIX столетии. Согласимся с исследователем Л. Н. Пушкаревым, что Крижанич «не был и не мог быть предтечей, “отцом” или “инспиратором” панславизма», при том предрекая обрусение всех славян [6. С. 175].

В русском сознании наиболее значимой работой по панславизму признается сочинение Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Несмотря на то что сегодня славянский мир повернут в сторону Запада, а развитие славянского культурно-исторического типа в духе Н. Я. Данилевского перечеркивает современная политическая ситуация в мире, целый ряд идей неославянофила не потерял актуальности. И даже напротив, идеи Николая Яковлевича

²К тюркам относятся 30 народов: азербайджанцы, алтайцы, балкарцы, башкиры, гагаузы, долганы, каджары, казахи, караимы, каракалпаки, карачаевцы, кашкайцы, киргизы, крымские татары, крымчаки, кумыки, ногайцы, салары, татары, тофалары, тувинцы, турки, туркмены, узбеки, уйгуры, хакасы, чувашаи, чулымцы, шорцы, якуты.

обрели новое сильное звучание. Через весь труд проходила идея враждебности Европы к России и Славянству [3. С. 32], в правоте которой мы убеждаемся все больше и больше, хотя в 1990-е мечтали стать частью так называемого Европейского Дома. Не потеряла своей актуальности и оценка Польши: «Польша была более других западных славянских стран свободна от непосредственного внешнего политического давления Германо-Романского мира, зато она более всех подчинилась нравственному культурному господству Запада путем латинства и феодального соблазна, действовавшего на ее высшие сословия; и, таким образом, сохранив до поры до времени свое тело, потеряла свою славянскую душу...» [3. С. 582]. И наконец, нельзя не согласиться с мыслью о значимости Российского государства и его суверенности: «Мы можем... сосредоточить все наше внимание на России как на единственном независимом славянском государстве» [3. С. 596].

Панславизм не ушел в прошлое полностью. Причина этому – рост национального самосознания славян в XIX веке. Память о панславизме в современном сознании людей остается в виде цветовой символики на флагах ряда государств со славянским населением, в формах почитания равноапостольных Кирилла и Мефодия. Специалисты-слависты/славяноведы изучают языки, литературу, фольклор, историю славянских народов. Отмечается праздник – День славянской письменности.

Вновь обратимся к идеям нашего современника – Б. Андерсона. «В эпоху, когда прогрессивные, космополитические интеллектуалы так настаивают на едва ли не патологии национализма, видят его корни в страхе и ненависти к Другому, указывают на его сходство с расизмом, полезно напомнить, что нации вдохновляют на любовь и, зачастую – на глубоко самоотверженную любовь, – пишет Андерсон в «Воображаемых сообществах». – Культурные продукты национализма – поэзия, проза, музыка, пластические искусства – демонстрируют эту любовь очень ясно в тысячах различных форм и стилей» [1. С. 144]. Если говорить о национализме в таком ключе, то влияние славянской культуры, прежде всего через российский мир, безусловно, имеет позитивную коннотацию.

Теперь о пантюркизме. Есть ли влияние панславизма на пантюркизм? Как идеи единства и сохранения культуры – безусловно. Но при рассмотрении конкретных политических жизненных обстоятельств становится ясно, что идеи пантюркизма неслучайно вызывали резко негативную реакцию российской царской власти. В начале XX века под воздействием как внутренних, так и внешних обстоятельств в российской чиновничьей среде, прежде всего Министерства внутренних дел, родился «Большой миф панисламизма и пантюркизма», который впоследствии был использован в период политических

репрессий советского времени против мусульман. Пантюркизм был заклеен властью как чуждая идеология, как мелкобуржуазное проявление, враг в информационном поле.

Возникновению внимания к пантюркизму способствовали действия, предпринятые российским просветителем и издателем Исмаилом Гаспринским (1851–1914). Российские тюрки поддержали обновленческие идеи и действия И. Гаспринского, отвергнутые царизмом.

Идеи пантюркизма в современных условиях вызывают различного рода ассоциации в увязке с историей Турции. Поэтому мы не будем утверждать, что указанные измы (пантюркизм и панисламизм) умерли безвозвратно. С международной точки зрения ситуация осложняется тем, что в пантюркистский сюжет вплетается армянский вопрос (армянское жизненное пространство разделяет территории возможного, по мысли некоторых тюркистов, государства Туран).

В качестве заключения скажем о том, что человечество живет в меняющемся мире и всеобщая история может выходить на новые витки своего развития. Поэтому нельзя утверждать, что панславизм и тем более пантюркизм канули в Лету. Нам необходимо иметь это в виду при прогнозировании процессов, могущих привести к трансформации мира. На изменение мира возможно влияние разных пан-измов, в том числе и рассмотренных нами. Что касается панславизма и пантюркизма, то исторически они шли на параллелях, время от времени пересекаясь.

Литература:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Баньковская С. П. Воображаемые сообщества как социологический феномен // Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. С. 5–27.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
4. Демистификация мифа: сколько на самом деле славян осталось в мире? [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.anyquestion.info/a/demistifikatsiya-mifa-skolko-na-samom-dele-slavyan-ostalos-v-mire> (дата обращения: 10.03.2023).
5. Крижанич Ю. Политика. М.: Новый свет, 1997. 574 с.
6. Пушкарев Л. Н. Юрий Крижанич – певец славянского единства // Славянский альманах: 1996. М.: Индрик, 1997. С. 174–176.
7. Тюрков в мире становится все больше [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Y76T-gqh7RBCDiiZ#:~:text=В%20наше%20время%20одной%20из,тюрков%20составит%20279%20млн%20человек> (дата обращения: 10.02.2023).

**К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ АРХИТЕКТУРЫ РАННИХ СЕЛЕВКИДОВ)**

Н. Ю. Сивкина

Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,
Славяно-греко-латинский кабинет
Приволжского федерального округа при НГЛУ,
Нижний Новгород
E-mail: natalia-sivkina@yandex.ru

А. С. Гусева

Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород
E-mail: anast.gusewa2018@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема культурной интеграции в правление ранних Селевкидов. Авторы считают, что Селевк I и его сын Антиох проводили планомерную политику развития не только центра империи, но и отдаленных провинций. А храмовое строительство периода ранних Селевкидов свидетельствует о наличии культурного синтеза в архитектурных стилях. Культурная интеграция стала результатом религиозной политики царей.

Ключевые слова: культурная интеграция, Селевк, Антиох, держава Селевкидов, храмовое строительство, религиозная политика.

**ON THE ISSUE OF CULTURAL INTEGRATION (ON THE EXAMPLE
OF THE ARCHITECTURE OF THE EARLY SELEUCIDS)**

Natalia Yu. Sivkina

National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod,
Slavic-Greek-Latin Cabinet
Volga Federal District at LUNN,
Nizhny Novgorod
E-mail: natalia-sivkina@yandex.ru

Anastasia S. Guseva
National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod
E-mail: anast.gusewa2018@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of cultural integration in the rule of the early Seleucids. The authors believe that Seleucus I and his son Antiochus pursued a systematic policy of developing not only the center of the empire, but also remote provinces. And the temple construction of the early Seleucid period testifies to the presence of cultural synthesis in architectural styles. Cultural integration was the result of the religious policy of the kings.

Keywords: cultural integration, Seleucus, Antiochus, Seleucid empire, temple construction, religious policy.

В современном мире интеграционные проблемы обсуждаются на разных уровнях: в образовании, политике, экономике. Прошлое и настоящее России показывает, что культурная интеграция возможна и является одной из ценностей в воспитании подрастающего поколения. Она предполагает, что индивид отождествляет себя как со старой, так и с новой культурой. При этом новые элементы не теряют своей культурной значимости, но служат общим целям данной культуры. Естественно, культурный вклад тех или иных ареалов в масштабе того или иного государства неодинаков, а роль отдельных центров и национальных образований в сфере культуры исторически изменчива. Если говорить о европейской культуре, то периодически вспыхивающий интерес к Востоку на Западе был обоснован, как правило, поисками нового творческого потенциала [7. С. 82]. Едва ли уместно в такой ситуации говорить о культурной интеграции народов.

Кроме того, в древности классическим способом аккультурации была ассимиляция одного народа другим, а культурная интеграция воспринималась скорее как идеал или как приобщение к культуре и цивилизации народов, стоявших ниже в культурном отношении. Примером может служить Британия после римского завоевания. Кельты быстро романизировались, под влиянием римлян росли города, организованные по римским канонам, школы, бани, литература и искусство [6]. Но с вторжением англов и саксов римские города и виллы пришли в упадок. Позднее, в колониальные времена, уже британцы провозглашали, что несут культуру и просвещение другим народам. Реальной же культурной интеграции не происходило.

Эпоха эллинизма предоставила широкие возможности для культурной интеграции. Основы ее заложил Александр Македонский, целью его политики было унифицирование массы подданных [12. С. 290]. Следуя так называемой политике слияния народов, Александр поощрял браки своих солдат с восточными женщинами, строил города в восточной части своей новой державы, привлекал на службу представителей местного населения и даже (Diod. XVIII. 4. 4). Диодохи впоследствии отбросили многие планы Александра, его взгляды не нашли реальной поддержки среди сподвижников, поэтому после смерти великого завоевателя его идеи на некоторое время были забыты. Но через несколько лет в образовавшихся на руинах империи Александра эллинистических государствах объективные процессы и политика правителей привели к попыткам реализации разных интеграционных государственных моделей, в которых культурная интеграция играла важную роль.

Так, например, Птолемеи в Египте активно поддерживали культ Сераписа, который должен был сблизить население на почве поклонения этому богу и способствовать укреплению центральной власти [9]. Но оказалось, что политика объединения разных этносов только на основе религиозного фактора была обречена на провал.

Государство Селевкидов, в отличие от Египта, занимало огромные территории, населенные многочисленными восточными народами, которые отличались друг от друга языком, религией, культурой и были соединены вместе в рамках одного государства силой оружия. Перед Селевком I, как и перед другими диадохами, стоял вопрос укрепления своей власти. Поскольку греко-македонское население находилось в меньшинстве по отношению к местным народам, угроза восстания, свержения или приглашения иного претендента на трон была реальной.

Несмотря на это обстоятельство, правление Селевка и его сына Антиоха является одним из самых стабильных за всю историю державы Селевкидов. Вероятно, это было следствием продуманной внутренней политики первых царей, и культурной интеграции в частности. В историографии вопросы управления, градостроительства, особенностей взаимодействия центра и периферии поднимались неоднократно [4; 5; 10; 11; 14; 19; 20], оставаясь дискуссионными и актуальными до сих пор.

Известно, что Селевк I Никатор проводил активную градостроительную политику, являясь основателем 75 городов, которые должны были стать центрами взаимодействия европейской и восточной сфер культуры. Чтобы понять, продолжил ли Селевк политику Александра Македонского по слиянию народов, исследователи обычно сравнивают города, основанные ими, а также

существовавшую в них обстановку, выясняя возможные варианты интеграции. Считается, что политика Селевка в отношении городов достаточно сильно отличалась от замысла Александра. Для диадоха основание новых городов было связано с задачей колонизации обширных пространств и консолидации государства [2. С. 76] в стремлении воссоздать империю [13. Р. 125]. Допускается также, что целью градостроительства было желание не столько эллинизировать местное население, сколько привлечь эллинов в эти земли. Подобную политику использовал еще Филипп II в Македонии [8. С. 158], его сын Александр лишь продолжил начинания отца, а Селевкиды стали успешными преемниками. Действительно, города были разбросаны по всему государству, но наибольшее их скопление наблюдалось в Сирии и Малой Азии. Есть предположения, что строительство городов шло и в Бактрии – сатрапии, наиболее склонной к сепаратизму [1. С. 33]. В целом Селевк, хотя и создавал по всему государству новые города, как и Александр Македонский, больше ориентировался в своей политике на греческое население. Даже жрецы местных религий утратили свои позиции и были заменены другими людьми [3. С. 221 слл.]. Однако, кроме нарративных данных и теоретических построений позднейших исследователей, интерес представляет изучение особенностей храмовой архитектуры ранних Селевкидов, позволяющее иначе взглянуть на проблему интеграции населения державы.

Селевк I оказывал покровительство греческим храмам и храмовым общинам, что засвидетельствовано в его декретах (OGIS 213; 214; 215). В отношении же восточных народов религиозная политика определялась двумя важными принципами: внешним уважением и невмешательством. Жречество само обеспечивало свои нужды, о чем свидетельствуют храмовые декреты вавилонской общины (P305851; P296744). При этом Селевку оказывалось подчеркнутое уважение – жрецы именовали его царем Вавилона (King List 6), хотя формально до 306 г. до н. э. он являлся лишь изгнанным сатрапом.

Примечательно, что столь уважительное отношение к старинным постройкам, не только сакрального назначения, прослеживается и за пределами Вавилона. Примерами тому являются театры в Вавилоне и Ай-Хануме, которые в архитектурном отношении были сооружениями чисто греческого типа, но крыши окружающих театр зданий были плоскими, что характерно только для персидской архитектуры. Вавилонский театр и вовсе был частью городской архитектуры, как и сооружение в Дура-Европосе, и использовался как для религиозных празднеств вавилонян, так и для греческих спектаклей [15. Р. 8].

Антиох Сотер, сын Селевка, по праву может считаться «реставратором» – не только старых вавилонских храмов, но и старых порядков. Он оказывал финансовую поддержку храмам, о чем свидетельствуют храмовые декреты

(P502942; P502944), выполнял религиозные обряды (BCHP 5), именовался преемником ассиро-вавилонских царей (Antiochus Cylinder) и «Великим царем» (King List 6). Важно понимать, что, проводя данную политику, он едва ли противоречил решениям своего отца: Селевк, видимо, заложил основы взаимодействия, а Антиох углубил эти взаимоотношения, исходя из конкретной политической обстановки.

В современных исследованиях выделены четыре типа храмовых сооружений, относящихся к правлению ранних Селевкидов. В первом типе ключевым элементом является лестница на крышу, характерная для месопотамской и сирийской архитектуры. Поэтому храмы данного типа называют ассирийскими, но часто в этом типе встречаются и греческие элементы. В этом контексте рассматриваются два эллинистических храма в Умм-эль-Амеде, построенные в конце III в. до н. э. Для них характерны колонны с ионическими капителями и аттические ионические базы, ассирийский элемент – расположение лестницы с северной стороны – и расположение храма в центре обнесенного двора, что является западносемитской чертой. При этом все элементы сочетаются с вытянутым прямоугольным фундаментом, характерным для греческой архитектуры [16. Р. 138–140].

Вторая группа отличается остроконечными дверями, которые восходят к классическому храму Артемиды Эфесской.

Третья группа – так называемый вавилонский тип – имеет ионические колонны, в основании которых находятся колокола, характерные для дворцов Персеполя и Суз. Храмы в Ай-Хануме и Дура-Европосе обладают этой чертой, но они расположены за пределами города, в отличие от храмов Суз и Вавилона. Культовый центр храма – наос, преддверие и боковые помещения – был изолирован от более крупного дворового комплекса вавилонской традиции. Однако культовые помещения не стоят свободно во дворе, а прочно связаны с узким двором перед ними. Греческий элемент, напротив, представляет собой строгую осевую симметрию [17. Р. 156–157].

С храмами иранского типа (четвертой группой) ситуация обстоит гораздо сложнее. Общим для всех храмов этой группы является не только иранский (т-образный) план, но и его сочетание с элементами греческого происхождения [18. Р. 66].

Все четыре типа храмов (храмы ассирийского типа, храмы с остроконечными дверями, храмы вавилонского типа и храмы иранского типа) распространены по всей территории империи Селевкидов [18. Р. 65]. Этот факт можно объяснить только целенаправленной политикой Селевка Никатора, сформированной при его дворе с целью продемонстрировать его авторитет и силу, сокращая при этом влияние местных культур, но не стирая их полностью.

При этом Селевкиды не являлись первопроходцами в этом строительстве. Они опирались на предшествующий опыт, на ахеменидское придворное искусство, что объединило элементы вавилонской, ассирийской, египетской, греко-ионийской и иранской традиций. Такое смешение стилей было необходимо для подкрепления власти персидских царей и демонстрации формального единства разных народов империи через принятие их достижений в са크ральной архитектуре. Однако отличие заключается в том, что подобная строительная деятельность персидских царей ограничивалась лишь царскими дворцами Пасаргад, Персеполя, Суз и Экбатан [18. Р. 77], в отличие от первых Селевкидов, распространивших эту практику на всю державу.

Селевку I и его потомкам пришлось искать свою модель взаимодействия с восточными народами, которая отличалась от политики ахеменидских царей, поскольку способствовала развитию не только центра империи, но и отдаленных провинций. При этом Селевкиды не стремились, как Александр, создать государство с однородным по этническому составу населением. Тем не менее интеграция в культурной и религиозной сфере не просто имела место, а была следствием целенаправленной политики ранних Селевкидов.

Литература:

1. Аминов И. И. Развитие государственности в Центрально-Азиатском регионе в эллинистический период (IV–III вв. до н. э.) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 10. С. 28–35.
2. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма / Пер. с нем., предисл. Э. Д. Фролова. М.: Наука, 1982. 394 с.
3. Бикерман Э. Государство Селевкидов / Пер. с франц. Л. М. Глуской. М.: Наука, 1985. 264 с.
4. Журавлева Н. В. Царский культ в государстве Селевкидов: от Селевка I до Антиоха III: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 228 с.
5. Кривошекова Е. В., Сивкина Н. Ю. Особенности имперского правления раннеселевкидских царей // Клио. 2021. № 2 (170). С. 22–29.
6. Кубанев Н. А., Сизова О. В. Формирование английской нации в результате культурной интеграции // Общество: философия, история, культура. 2016. № 7. С. 92–95.
7. Светлов И. Е. Тенденции и возможности европейской культурной интеграции // Современная Европа. 2002. № 1 (9). С. 78–84.
8. Сивкина Н. Ю. Эллинизация Македонии в IV–III вв. до н. э.: к вопросу о политическом аспекте объективного процесса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 157–167.
9. Сивкина Н. Ю., Можеровцева А. Д. Культ Сараписа в эллинистиче-

ском Египте как продолжение политики «слияния народов» // *Genesis: исторические исследования*. 2023. № 1. С. 76–84.

10. Смирнов С. В. Государство Селевка I: политика, экономика, общество. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 344 с.

11. Смирнов С. В. Доминирующий этнокласс в государстве Селевкидов при Селевке и Антиохе I: основные проблемы // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2012: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. С. 317–330.

12. Шахермайр Ф. Александр Македонский / Пер. с нем. М. Н. Ботвинника. М.: Наука, 1984. 384 с.

13. Austin M. The Seleukids and Asia // *A Companion to the Hellenistic World*. Blackwell Publishing Ltd, 2005. P. 121–133.

14. Erickson K. G. *The Early Seleucids, Their Gods and Their Coins*. Exeter: University of Exeter Press, 2009. 337 p.

15. Ghanbari A. Seleucid Amphitheaters and their Theatrical Heritage in Parthian Iran [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/38142012/Seleucid_Amphitheaters_and_their_Theatrical_Heritage_in_Parthian_Iran_pdf (дата обращения: 30.12.2022).

16. Held W. Seleukidische Tempel assyrischer Art in Umm el-‘Amed und Palmyra // *Von der Kunst, ein Bauwerk zu verstehen. Perspektiven der Bau- und Stadtbaugeschichte von der Antike bis zur Gegenwart*. Brandenburg: Oppenheim, 2020. S. 137–144.

17. Held W. Seleukidische Tempel babylonischen Typs // *MarbWPr*. 2014. S. 147–166.

18. Held W. Seleukidische Tempel iranischen Typs / Joachim Ganzert und Inge Nielsen (Hrsg.) // *Herrschaftsverhältnisse und Herrschaftslegitimation. Bau- und gartenkultur als historische quellengattung hinsichtlich manifrstation und legitimation von herrschaft*. Berlin – Wien: LIT Verlag, 2016. S. 65–79.

19. Kosmin P. Seeing Double in Seleucid Babylonia: Rereading the Borsippa Cylinder of Antiochus I // *Patterns of the Past: Epitēdeumata in the Greek Tradition*. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 173–198.

20. Kuhrt A., Shervin-White S. Aspects Of Seleucid Royal Ideology: The Cylinder Of Antiochus I From Borsippa // *The Journal of Hellenic Studies*. 1991. Vol. 111. P. 71–86.

**ОТРАЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В КНИГЕ З. ПРИЛЕПИНА «ШОЛОХОВ. НЕЗАКОННЫЙ»**

С. В. Устинкин

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород
E-mail: ustin@lunn.ru

Аннотация. В статье рассматривается отражение событий Гражданской войны в России в книге Захара Прилепина «Шолохов. Незаконный», анализируются судьба казачества в переломный момент истории, причины антибольшевистского движения казачества: психология, проблематика землевладения и социального статуса казаков.

Ключевые слова: Шолохов, казачество, Гражданская война, большевики.

**REFLECTION OF THE CIVIL WAR
IN THE BOOK OF Z. PRILEPIN “SHOLOKHOV. NOT LEGAL”**

Sergey V. Ustinkin

Linguistics University of Nizhny Novgorod
E-mail: ustin@lunn.ru

Abstract. The article considers the reflection of the events of the Civil War in Russia in the book by Zakhar Prilepin “Sholokhov. Not legitimate”, analyzes the fate of the Cossacks at a turning point in history, the causes of the anti-Bolshevik movement of the Cossacks: psychology, problems of land ownership and the social status of the Cossacks

Keywords: Sholokhov, the Cossacks, the Civil War, the Bolsheviks.

Книга З. Прилепина о Шолохове – это не только политическая и либерально-художественная биография великого русского писателя, но и солидный, правдивый труд по советской истории XX века.

«Для Шолохова не было запрещенных тем, – пишет З. Прилепин. – Не было языковых табу. Герои Шолохова матерятся, грешат, убивают, страдают – живут, ищут правду и справедливость». Любимый миллионами читателей

во всем мире, он был «чужим» для партийных руководителей, советских литературно-художественных групп попутчиков, литературной богемы, в среде которых и родилась до сих пор не изжитая версия о том, что самый знаменитый шолоховский роман «Тихий Дон» написан не им, а другим автором [7].

З. Прилепин в своей биографии Шолохова «бесспорно и триумфально демонстрируют абсурдность и просто невозможность малейших сомнений в авторстве “Тихого Дона”, он выносит к чертовой матери все эти потуги найти другого автора великой книги», – справедливо считает Евгений Фатеев [10].

В силу понятных причин значительное внимание в книге З. Прилепина о Шолохове занимает осмысление событий Гражданской войны, судьба казачества в переломный момент российской истории.

З. Прилепин, шаг за шагом проходя вместе с героем его жизненный и творческий путь, убедительно доказывает, что Шолохов не только автор «Тихого Дона», он и его персонаж [9. С. 148].

Сам Шолохов был плоть от плоти российского казачества, сам он не разорвал эту связь до конца своей славной жизни, много сделал для своих земляков. Знающий и понимающий, глубоко сочувствующий и любящий казачество, уклад его жизни и глубоко прочувствовавший трагедию гражданской войны на Дону, когда казачья семья сплошь и рядом «оказывалась разломана пополам и в смертельной вражде оказываются то отец с сыном, то брат с братом» [9. С. 198].

Казачество является одной из разновидностей русского крестьянства, особым военным сословием, имевшим свой неповторимый уклад жизни, с такой художественной выразительностью описанный М. А. Шолоховым.

Как известно, в условиях разгоравшейся Гражданской войны в России В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Я. М. Свердлов и другие видные большевики «главным врагом социализма» считали «мелкобуржуазную стихию». А основным ее сосредоточением – крестьянское хозяйство.

Более половины потреблявшегося городами в мае 1918 г. хлеба давал черный рынок, «мешочники». Острота ситуации, предубеждения против рынка, стремление приблизить бестоварный социализм подтолкнули большевиков к ужесточению хлебной монополии и введению продовольственной диктатуры, проведению политики военного коммунизма [13. С. 99].

Крестьяне обязывались сдавать государству все излишки хлеба сверх установленной минимальной нормы. Для изъятия хлеба у крестьян Наркомпрод получил чрезвычайные полномочия и 80-тысячную продовольственную армию. Чтобы политически обосновать насильственное изъятие хлеба у крестьян, а заодно ликвидировать кулачество, был взят курс на всемирное разжигание классово-борьбы, а по существу – гражданской войны в деревне.

Созданные согласно декрету ВЦЧК от 11 июня 1918 г. комбеды не только изымали хлеб у крестьян, но и осуществили земельный передел, отняв у казаков до 50 млн десятин, то есть больше, чем у помещиков после Октября 1917 г.

В результате весной и летом 1918 г. по 20 губерниям центральной России, находящимся под контролем большевиков, прокатилась волна крестьянских выступлений и восстаний [8. С. 129].

Большевики не учли в своей аграрной политике в должной мере и особенности казачества: его свободолюбие, сплоченность, традиции самоуправления, личную обеспеченность землей, навыки военной службы. Практика большевиков по отношению к крестьянству была перенесена на казачество, отсюда негативные последствия [9. С. 110–112].

24 января 1919 г. оргбюро ВКП(б), возглавляемое Я. М. Свердловым, направило секретное циркулярное письмо большевистским организациям Дона и Приуралья с идеями начать массовый террор против казаков, вошедший в историю под названием «разказачивание» [9. С. 145–154].

Последствиями этой политики стали негативные настроения среди казачества, его отрицательное отношение к советской власти. Политическая ориентация разных групп казачества представлена в Таблице 1. Она была составлена для В. И. Ленина членом ВКП(б) З. Сакирко [4. С. 114].

Таблица 1

№	Политическая ориентация казаков	Проценты
1	Сторонники советской власти	20 %
2	Белогвардейцы	20 %
3	Безразличное отношение к белым и красным	10 %
4	Обманутые белой пропагандой	50 %
5	Из них обмануты безнадежно	20 %

Что же заставило большую часть казаков служить белым?

В 1917 г. в Донском казачьем войске числилось 1487 тыс. человек (43 % населения области, в 122 станицах проживали русские, в 13 станицах до 30 тыс. калмыков); в Кубанском – 1339 тыс. человек (45,5 % населения области); в Терском – 251 тыс. человек (около 20 % населения области). Терская область разделялась на 4 казачьих отдела и 6 национальных округов: Владикавказский (осетины), Назрановский (ингуши), Нальчикский (кабардинцы и балкарцы), Хасавюртовский (калмыки), Грозненский и Веденский (чеченцы). Из общей земельной площади области (6,6 млн десятин) терскому казачеству принадлежало 1,9 млн десятин. Душевой надел составлял 8-23 десятины

(у крестьян Чечни – 1,2 десятины, Кабарды и Ингушетии – 0,3 десятины, горной Осетии – 0,4 десятины). Терское казачество владело рыбными промыслами на побережье Каспийского моря, на реках Терек, Унжа, Малка, а также соляными промыслами, каменоломнями, нефтеносными участками, аренда которых давала войсковой казне ежегодно 2 млн рублей дохода [1. С. 199].

Положение «О поземельном устройстве казачьих войск» от 21 февраля 1869 г. устанавливало уравнительное землепользование среди казаков. Учитывая самостоятельное снаряжение казаков на военную службу, Положение определяло размер казачьего пая не менее 30 десятин [2. С. 18]. В. И. Ленин, отмечая обилие земли, находящейся в руках казачества, подчеркивал, что это слой землевладельцев «самых зажиточных»: казаки в среднем имеют по 52 десятины на двор, крестьяне – по 11 десятин [6. С. 315]. Действительно, в казачьих областях в 1917 г. наблюдалась значительная диспропорция в земельном обеспечении казаков и крестьян, особенно иногородних. Так, терскому казачеству, составлявшему 19,5 % населения области, принадлежало около 30 % всех земель, а если взять земли, наиболее удобные для обработки, то более 50 % их принадлежало казакам. Донское казачество, составлявшее 42,3 % населения Донской области, владело 80,2 % всей земли, а крестьянство – 10 %. На Кубани 42,8 % казачьего населения принадлежало 78,8 % земли, а крестьянам – 2,8 % [2. С. 19].

Казачья верхушка: генералы, офицеры и чиновники – получали от правительства, кроме пая из станичных земель и земель войскового запаса, дополнительные крупные участки, сначала в пожизненное, а с 1875 г. – в потомственное пользование. Размер потомственного пользования определялся следующим образом: генералам от 1200 до 3000 десятин, штаб-офицерам от 150 до 430 десятин [12. С. 18]. В руках 143 семей Донской казачьей верхушки находилось более 750 тыс. десятин земли. Так, полковнику Орлову-Денисову принадлежало 29 тыс. десятин земли; генерал-майорам Митрофанову, Кутейникову, Кульгачеву и полковнику Чернозубову – почти по 15 тыс. десятин каждому. На Кубани офицерские и жалованные участки составляли 1 млн десятин земли [2. С. 21–22]. Накануне Октября 1917 г. в землепользовании казачества преобладала еще феодальная собственность на землю, но в условиях капиталистического хозяйствования земельная община постепенно разрушалась. В то же время дифференциация казачества отличалась от крестьянской. Так, в России среди крестьян 64 % составляла беднота, 20 % – середняки и 15 % – кулаки. Имущественное расслоение донских и кубанских казачьих хозяйств представлено в Таблице 2 [4. С. 114]:

Таблица 2

Хозяйства	Дон	Кубань
Кулацкие	30 %	26,2 %
Средняцкие	35 %	39,4 %
Бедняцкие	35 %	34,4 %

Подобное соотношение социальных групп было и в Терском казачьем войске [5. С. 14].

Будучи зажиточнее середняка Центральной России, казачество в целом с большим опасением относилось к перспективе революционных преобразований, особенно в землевладении [2. С. 24].

Серьезнейшее воздействие на поведение казачьих масс в годы Гражданской войны оказали укоренившиеся в общественном сознании представления о том, что казачество в силу своих исторических заслуг по праву стоит выше остального крестьянства, что земля казачьих областей принадлежит исключительно казакам и что интересы всего казачества едины [4. С. 113]. И, надо сказать, что эти суждения не были беспочвенны с точки зрения сословного устройства российского общества. До революции быть казаком в России считалось честью. Возведение в казачье сословие расценивалось как высокая награда. Носить погоны казачьего офицера означало войти в элиту русского офицерского корпуса. Именно поэтому казачество вбирало в себя самые здоровые, жизнеспособные, интеллектуально развитые слои народов, с которыми соседствовало: калмыков на Дону, горцев на Кубани и Тереке, башкир на Волге, якутов в Сибири.

Принадлежностью к казачеству гордилась и российская знать: бывший кавказский горный князь С. Г. Улагай, чей род за верное служение России был причислен к казачеству, именовал себя только кубанским казаком и предпочел служить в казачьих войсках, хотя имел возможность добиться назначения в конную гвардию. Барон П. Н. Врангель, принимавший участие добровольцем в Русско-японской войне, состоял на службе именно в казачьих частях, считая службу в обыкновенной кавалерии ниже своего достоинства. Связав свою судьбу с казачеством, он до последних дней жизни не расставался с черкеской и гордился тем, что в 1918 г. был выбран почетным атаманом кубанской станицы Петропавловской [11. С. 72–73].

Зажиточность, сословные привилегии, острое чувство собственности на политую кровь и потом землю и выращенный на ней хлеб стихийно порождали неприятие «коммуны», протест против продразверстки и репрессий [3. С. 5]. Отвергались, разумеется, и требования иногородних крестьян

о земельном переделе и уравнении в правах с казаками. Отвергались требования ингушей, чеченцев, добивающихся возвращения отобранных у них царским правительством и отданных терским казакам земель. Местные органы советской власти не сумели решить земельную проблему, не задев интересы среднего казачества, и тем толкнули его к союзу с контрреволюцией.

Таким образом, З. Прилепин убедительно доказал, что М. А. Шолохов в своем романе «Тихий Дон» весьма объективно отразил особенности Гражданской войны в казачьих областях России. И что сделать это он смог потому, что вырос в казачьей среде, во многом разделял особенности казачьей психологии и вместе с основной массой трудового казачества воспринял в конечном итоге «правду народную».

Литература:

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / Гл. ред. С. С. Хромов. М.: Сов. энцикл., 1983. 703 с.

2. Ермолин А. П. Революция и казачество (1917–1920 гг.). М.: Мысль, 1982. 224 с.

3. Калинин И. М. Под знаменем Врангеля: заметки бывшего военного прокурора. Краснодар: Традиция, 2012. 462 с.

4. Кильсеев Е. И. Опыт РКП(б) по развертыванию агитационно-пропагандистской работы в период борьбы с Деникиным: июль 1919 – март 1920 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Горький, 1982. 236 с.

5. Коренев Д. З. Революция на Тереке. 1917–1918 гг. / Сев.-Осет. науч.-исслед. ин-т. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967. 352 с.

6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 16. М.: Прогресс, 1979. 878 с.

7. Неклюдов А. Прилепин. Шолохов. Незаконный. Итоги [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2023/01/13/927> (дата обращения: 10.05.2023).

8. О революции и контрреволюции. 1975. Ярославль: Изд-во Ярославского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института имени К. Д. Ушинского. 150 с.

9. Прилепин З. Шолохов. Незаконный / 2-е изд. испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2023. 1088 с.

10. Фатеев Е. Сложный Шолохов: о книге Захара Прилепина «Незаконный» [Электронный ресурс] // Завтра.ру, 30.01.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/slozhnij_sholohov (дата обращения: 20.06.2023).

11. Серба А. Порадеть за державу! // Сборник. Военно-политический альманах. Вып. 1. М.: Воениздат, 1991. С. 61–80.

12. Суров А. Материальное положение офицеров казачьих войск // Военный сборник. 1900. № 3. С. 146–156.

13. Устинкин С. В. Трагедия белой гвардии. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1995 (1996). 402 с.

**РИМСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЕ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XVII В. ПРИ ЦАРЕ АЛЕКСЕЕ МИХАЙЛОВИЧЕ**

М. П. Самойлова

Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н. А. Добролюбова,

Нижний Новгород

E-mail: msamoilova@lunn.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние античной, преимущественно римской, политической культуры и идеологии на политические идеи и практику управления во второй половине XVII века в Московском государстве времен царя Алексея Михайловича. Также анализируются новые тенденции в культуре России, возникшие в результате внедрения культурных новаций.

Ключевые слова: античное наследие, официальная идеология, политическое развитие.

**ROMAN HERITAGE IN THE POLITICAL AND IDEOLOGICAL
CULTURE OF THE MOSCOW KINGDOM IN THE SECOND HALF
OF THE XVII CENTURY. UNDER TSAR ALEXEI MIKHAILOVICH**

Maria P. Samoylova

Linguistics University of Nizhny Novgorod,

Nizhny Novgorod

E-mail: msamoilova@lunn.ru

Abstract. The article examines the influence of ancient, mainly Roman political culture and ideology on political ideas and management practices in the second half of the XVII century in the Moscow state of the time of Tsar Alexei Mikhailovich. It also analyzes new trends in Russian culture that have arisen as a result of the introduction of cultural innovations.

Keywords: ancient heritage, official ideology, political development.

XVI–XVII века – период интенсивного включения античного наследия в культуру России. В этот период среди образованных сословий распространялись

познания о Греции и Риме, росло количество явлений русской культуры, имеющих греческие и римские корни. Обозначенный период – время притока новой литературы, в России на русском языке появлялись новые переводные и оригинальные сочинения.

Эти новые тенденции в отечественной культуре были вызваны потребностями развития Московского государства, сформировавшегося еще в эпоху Ивана III. Оно обращалось к наследию прошлого для идеологического обоснования централизации и становления самодержавия. Для этих целей уже использовалась христианская концепция «Москва – Третий Рим», однако в XVI–XVII веках ее было уже недостаточно, существовала необходимость в новой светской, политической идее. Поэтому в дальнейшем для обоснования идей централизации власти стали использовать политические идеи Античности, они переосмысливались, взаимодействовали с жизнью и культурой страны, так как заимствование античного наследия было связано прежде всего с потребностями и логикой развития собственной, русской национальной культуры. Таким образом, античное наследие становилось составной частью процессов развития отечественной культуры, с другой стороны, оно воздействовало на общий ход этого развития.

Наиболее отчетливо в государственно-политической сфере и в сфере идеологии наследие Античности проявилось во второй половине XVII века, в царствование Алексея Михайловича, при этом образованные люди и представители власти обращались прежде всего к римской Античности, поскольку политический и государственный опыт Рима в наибольшей степени соответствовал задачам становления самодержавной монархии. Историческим содержанием римского компонента русской культуры был Древний Рим. Указанная тенденция была характерна и для западноевропейских монархов в эпоху становления централизованных государств, так как опыт римских принцевов, строивших систему управления империей, состоявшей из разнородных племен и народов, имел для монархов России и Западной Европы значение примера, назидания и нормы. Таким образом, римская Античность выполняла для правящих кругов России роль эталона, образца, на этом было основано воздействие римской Античности на отечественную культуру.

Россия во второй половине XV века превратилась в крупнейшее централизованное государство и должна была занять свое место среди мировых держав – стран Западной Европы и Византии. Культура Византии и культура Западной Европы испытала значительное влияние античного наследия. Однако Византия с середины XV века уже не существовала как самостоятельное государство. Страны западной и средней Европы были ориентированы на традицию Рима как центра католицизма и европейской государственности.

Рим также играл для Европы роль эталона в государственной, политической, идеологической сферах. Духовная культура Византии уходила корнями в большей степени к традициям Эллады. В этой ситуации при выходе на мировую арену Россия должна была осваивать античное наследие в существовавших тогда его проявлениях и определять свое отношение к каждой из его разновидностей: римской западной и византийской восточной.

Однако между византийским и римским наследием обнаруживалось коренное различие: древнегреческое наследие, воспринятое через Византию, рассматривалось главным образом в связи с внутренней проблематикой православия или как своеобразный противовес католическому влиянию в официальной идеологии и жизни двора.

Наследие Древнего Рима воспринималось в России в нераздельной связи с государственно-политическим развитием стран Западной Европы и с католицизмом, сливаясь с ними в единое представление о «латинстве». К «латинству» отношение в России было двойственным. С одной стороны, оно отождествлялось с экспансией католицизма на славянские государства, с военной мощью западных стран, препятствовавших продвижению России к Балтийскому и Северному морям, то есть римско-католическое начало воспринималось как чуждое, враждебное русским традиционным ценностям.

С другой стороны, западный опыт государственной централизации, успешное экономическое развитие, успехи в борьбе с еретиками обладали для царской власти и для Русской православной церкви большой привлекательностью. Ценность западного опыта государственного строительства и управления усиливалась также по причине осознания необходимости подготовки кадров, готовых и способных обслуживать местное и центральное управление, как светское, так и церковное [14. С. 41]. Для окончательного преодоления последствий Смутного времени царь и правительство считали необходимым внедрять передовые европейские формы военной организации и ведения хозяйства, а это, в свою очередь, требовало освоения античного наследия, присутствовавшего в идеологии и политической культуре Запада.

Царь Алексей Михайлович и его двор много делали для преодоления идеологического кризиса путем сохранения и актуализации старинных порядков и нравов. Об этом свидетельствует ряд моментов дворцового этикета, который подчеркивал старинное равенство царя и его феодальных партнеров по власти – бояр. Делами царь занимался почти исключительно в присутствии бояр и дьяков. В думе бояре рассаживались по родовитости, которая оказывалась выше должности, то есть царского назначения. В облике царя подчеркивалось соответствие идеальному типу византийского императора, который считался типом самодержавной, ничем не ограниченной власти, типом

высокого сана, доступ к которому сопровождался торжественностью, блеском и великолепием [4. С. 44]. В то же время наиболее активными и влиятельными в окружении царя оказывались люди не самые родовитые, а энергичные и деятельные (например, начальник Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин или его преемник А. С. Матвеев), что несколько нарушало все это «старинное великолепие». В связи с этим идеологический и управленческий кризис XVII века не мог быть преодолен на основе идей и ценностей предшествующего периода. С этими утверждениями вполне соотносятся выводы таких исследователей, как А. С. Лаппо-Данилевский [9. С. 229] и А. М. Панченко [10. С. 39].

В этих условиях царь и правительство в большей мере обращаются в поисках выхода из кризиса к промышленному, финансовому, административному и культурному опыту Западной Европы и ищут возможности использовать его в России [7. С. 116]. В 1630 г. иностранные офицеры были приглашены на русскую службу для перевода русской армии на регулярный строй [2]. Для разведки полезных ископаемых и устройства заводов приглашаются англичане, немцы, шведы. Вместе с приглашенными в Москву прибыли их семьи и обслуживающие лица. Все это привело к концентрации в Москве, в Немецкой слободе, значительного числа иностранцев. Уже в 30-е гг. XVII века, по свидетельству немецкого путешественника Олеария в его «Описании путешествия в Московию», их было около тысячи человек [14. С. 46]. В России появились новые виды быта, искусства и образованности, которые предполагали, в частности, освоение эталонного для западной культуры той поры римского духовного наследия и латинского языка.

Представители знати начинают учить своих детей латинскому языку. Для этого нанимают из Киева и Польши многочисленных преподавателей-латинистов [1. С. 56]. Необходимость формулировки новой политической теории и выражения новой геополитической миссии Российского государства вызвала приток новой литературы, при этом большая часть переводов осуществлялась с латинского [15. С. 32]. Например, на русский язык в XVII веке были переведены произведения, имеющие отношение к античности. Среди них «О четырех великих монархиях» (*De quattor summis monarchiis*) Иоанна Слейдана [13], писателя XVI века, чье произведение было переведено в России в XVII веке. В 1665 г. по повелению Алексея Михайловича на русский язык был переведен «Хронограф», автором которого считается Дорофей, митрополит Монемвасийский (конец XVI – начало XVII века) [16]. Книга была составлена на новогреческом языке и кратко повествовала о важнейших событиях «от сотворения мира», в том числе и о событиях античной истории. Был также переведен «Хрисмологион» (толкование пророчеств)

Паисия Лигарида, митрополита Газы [5]. На русский язык эта книга была переведена Николаем Спафарием-Милеску, переводчиком в Посольском приказе, в 1673 г. Книга посвящена теме «о четырех монархиях», содержала толкования ветхозаветного пророчества Даниила и обзор соответствующих монархов – халдейских, персидских и греческих царей, римских и византийских императоров, а также кесарей римляно-немецких (то есть германских императоров) [15. С. 34–35].

В этот же период на русский язык переводились также и произведения античных авторов, среди них произведения Помпония Мелы «О положении земли» (*De chorographia*), Иосифа Флавия «История иудейской войны», Аристотеля «Экономика» в 1676 г. и другие [15. С. 35].

В общем, именно в XVII веке знания русских людей об античном мире стали намного полнее и глубже, в этом отношении примечательны обращения русских авторов к произведениям Античности и попытки использовать античное наследие в современной политической публицистике.

Отношение властей и самого царя к этому процессу было двойственным. С одной стороны, они охотно принимали инокультурные влияния и поддерживали их распространение в высшем обществе. Во внутренней политике Алексея Михайловича одновременно прослеживаются две линии политического поведения, на которое оказывал влияние антично-римский канон: содействие распространению западных начал и ценностей и ограничение их влияния во имя сохранения связи с народом на основе верности национальной традиции [6. С. 320–331]. С разрешения своего духовника царь Алексей Михайлович посещал спектакли в театре в Немецкой слободе, появлялся на людях в немецком платье, такое поведение царя служило объектом подражания для знати. С другой стороны, цель политики допущения иностранцев состояла в использовании того, что они могли дать для развития собственного национального государства, для преодоления кризиса.

Одним из слагаемых этой политики было укрепление православия путем возрождения его исконных начал. Взоры были обращены к греческим источникам и греческому богословию. Однако примечательно, что реставрация основ православия предполагалась путем использования успехов филологической критики, то есть путем просвещения, что характерно было в то время для латинско-западной традиции. В 1649 г. для перевода греческой Библии на «славянскую речь» в Москву был приглашен Елифаний Славянецкий [12], который вскоре сошелся с членами кружка, образовавшегося во круг царского духовника Стефана Вонифатьева. Эта группа людей стала носителем эллинофильских взглядов, которые выражали стремление к соблюдению чистоты православия и его преемственности по отношению

к греческим отцам. Эллинофильство этого толка рассматривалось его сторонниками как система взглядов чисто охранительная, направленная против всякой образованности, которая не была бы санкционирована церковными властями. Пафос всей этой деятельности был сосредоточен на недопущении на Русь богословия философского толка, а также выходцев из Литвы и Польши, опиравшихся на антично-римское наследие.

Другим направлением идеологических усилий властей была политика привлечения иностранцев в Россию, в результате возник новый культурный комплекс, который современники называли «латиной». Эта идеология осуществлялась и продвигалась приглашенными специалистами-филологами в ходе обучения латинскому языку. Обучение предполагало освоение образцов античной римской литературы. Рим и латинский язык обладали для московского общества тех лет знаковым смыслом и были связаны с Западом, просвещением и обновлением. Во второй половине XVII века обобщенным термином «латина» стали именовать всех сторонников западной ориентации, даже когда ей сочувствовали люди вполне русские и православные.

Римски окрашенные элементы русской культуры с самого начала были связаны с правительственной средой, с официальным западничеством и основанным на нем и насаждаемым сверху просвещением. Поскольку латинство насаждалось двором, оно пропагандировалось и усваивалось людьми прямо или косвенно с ним связанными, в основном выходцами из Киева и Польши. Одним из них был приглашенный в 60-х гг. XVII века в Москву Симеон Полоцкий, ставший наставником царских детей и вскоре возглавивший «латинскую партию». Под его влиянием находились будущий царь Федор Алексеевич, царевна Софья. Ближайший соратник Софьи князь В. В. Голицын бегло говорил по-латыни и по-польски, имел множество польских и латинских книг в своей библиотеке. Латынью владел Ордин-Нащокин и обучил ей своего сына. Артамон Матвеев также обучал латинскому и греческому своего сына. Во время русско-польской войны 1654–1667 гг. русские полководцы захватывали в Польше «библиотеки и книги костельные», многие из них переводились на русский язык [15. С. 36]. Все это делалось с ведома и поощрения царя, которого патриарх Никон однажды назвал в сердцах «латиномудренником» [8. С. 95].

Симеон Полоцкий был в числе тех людей, которые осуществляли общие установки официального западничества на практике. Так, в основе его рассуждений об этике лежит учение о добродетели как высшем благе. Политическая философия Полоцкого в определенной степени также навеяна Аристотелем. Так, например, Полоцкий большое внимание уделял популярным в XVII веке рассуждениям о всевластии монарха. Свои мысли Симеон Полоцкий

облекал не только в ученые формулировки, но и в вирши. Вслед за Аристотелем Полоцкий подчеркивает, например, различие между тираном и мудрым царем в стихотворении «Разнствие».

Кто есть царь и кто тиран, хочещи ли знати,
Аристотеля книги потщися читати.
Он разнствие обою сие полагает:
Царь подданным прибытков ищет и желает,
Тиран пако прижитий всяко ищет себе,
О гражданстей ни мало печален потребе [11. С. 15].

Ученик Полоцкого Сильвестр Медведев, тоже ученый монах и публицист, также хорошо знал политические сочинения Платона и Аристотеля.

Распространенные в XVII веке ученые рассуждения многих авторов о всевластии монарха над подданными и об ответственности его перед Богом варьировали античную альтернативу *Optimus princeps – Dominus et Deus*, сама же эта альтернатива носила общеантичный характер, в ней сконцентрирован политический опыт эллинистических монархий и ранней Римской империи, пережившей эволюцию от первого из указанных принципов ко второму. Идейными опорами власти римских принцепсов, согласно неписаной конституции, были понятия *primus inter pares* и *optimus princeps*. Первое означало, что император лишь первое лицо среди первых лиц государства; он ими окружен, на них опирается, советуется, действует от имени коллективного руководства страной. Второе – что его власть непрекаема не по природе, а в силу соответствия ее естественному ходу мироздания и универсальному нравственному закону, отклонение же от одного и от другого лишает власть моральной и как бы космической, естественной санкции, превращает правителя из государя в тирана и освобождает подданных от обязанности выполнять его распоряжения. Вполне очевидно, что не эти принципы (особенно после второй половины II века н. э.) определяли реальную политическую практику римского государства, но столь же очевидно, что они сохраняли на всем протяжении принципата (то есть эпохи «Августа-кесаря») значение моральной, мировоззренческой, а в значительной мере и юридической нормы.

На основе античных культурных ценностей, сознательно внедряемых правительством в культуру России во второй половине XVII века, складывается новая система ценностей, возникает новый тип отношения к действительности. Сюда относится прежде всего так называемый агональный принцип: оценка человека по его месту в социальной иерархии постоянно дополняется и корректируется оценкой по результатам его соревнования

с другими. Из этого принципа происходили бесчисленные древнегреческие празднества, программа которых включала состязания в борьбе, кулачном бое, конских ристаниях и т. д., а также поэтические, музыкальные соревнования и т. п. В эпоху Римской империи последние были перенесены в Рим и получили там значительное распространение. В одах Пиндара или в V песни «Энеиды» Вергилия содержатся описания такого рода агонов, из которых явствует, что этот принцип не исчерпывался только спортивной сферой и распространялся также на область этики и общие представления о человеке и его достоинствах.

В этой связи следует указать на распространение в Москве XVII века разного рода соревнований-диспутов, обычно посвященных богословским вопросам, но подчас принимавших характер импровизаций. В них испытывались и оценивались находчивость и ум человека, его знания. Так, например, А. М. Панченко в своем исследовании русской культуры в канун Петровских реформ указывает на то, что на Руси существовал особый жанр «*прения*» [10. С. 162]. Симеон Полоцкий состязался с заключенным Аввакумом: «...был от царя с философом с Симеоном чернцом, и зело было состязание много, разошлись яко пьяни, не могли и поесть после крику» [3. С. 331]. Самым известным и трагичным было знаменитое «прение о вере» в Грановитой палате, где Никита Добрынин Пустосвят пытался посрамить в споре патриарха Иоакима и царевну Софью, а через шесть дней диспутант сложил голову на Лобном месте. Античная традиция, конечно, прошла здесь через европейскую ренессансную и барочную, но ее греко-римские корни не исчезли из сознания современников.

Под влиянием нового культурного комплекса в России предпетровской эпохи происходит изменение отношения к письменному слову и к книге как его носителю. На смену старинному убеждению, что чтение необходимо как способ укрепления веры, поэтому его круг должен быть ограничен священными текстами [10. С. 57], приходит убеждение, опирающееся на антично-гуманистический опыт, согласно которому духовный потенциал человека реализуется прежде всего в широте познаний, образованности. Путь к ним заключен в книге – главном источнике знаний. В этой связи примечательны упоминания о ввозе книг. Уже в XVI веке библиотека московских государей стала одним из крупнейших книжных собраний в мире [15. С. 31]. Личные библиотеки имели и другие лица, приближенные к власти. Признание ценности книжного слова постепенно становится чертой не только какого-то лагеря («латинского»), но приметой времени. Исходя из этого, Епифаний Славинецкий пишет свое «Гражданство обычаев детских», а Симеон Полоцкий – «Ветроград

многоцветный», дипломат Николай Спафарий – «Арифмологию» и «Ифику», а монах Карион Истомирин – «Букварь».

Происходит изменение отношения к книге. Для новаторов книга была уже не духовным наставником, но ученым собеседником, она воспринималась как интеллектуальный феномен, средоточие знания как такового. Поэтому писание и чтение книг было для них не актом духовного наставничества, но актом свободного творчества.

В беллетристике того времени изменяется образ писателя. Из духовного учителя писатель превращается в выразителя определенной идеологии, определенного строя мыслей, а не вечных истин.

Реализация программы официального западничества требовала людей, открытых новой системе ценностей. Еще в начале XVII века это были люди только вельможные и придворные, вроде наставника царя Алексея Михайловича В. И. Морозова, фаворита царевны Софьи В. В. Голицына, руководителя внешней политики А. Л. Ордина-Нащокина. Этот круг, однако, быстро расширялся. К нему примыкали выписанные из-за границы «новые учителя» древних языков, риторики и философии, лица, направлявшиеся для обучения за границу, и неуклонно разраставшийся слой не столько родовитого, сколько служилого дворянства. Среди людей этого круга были не только ученые иностранцы, как, например, Николай Спафарий-Милеску, но и русские православные люди, например стольник Андрей Иванович Лызлов, составивший в конце XVII века большой труд под названием «Скифская история». В качестве авторитетов этот автор упоминает Диодора Сицилийского, Юстина, Курция Руфа, Геродота. Упоминается также «Омир во Илиадах и Вергилий во Энеидах своих» [15. С. 35].

Ценности и нормы, разделявшиеся этим кругом людей, были западного происхождения, резко отличались от тех, что утверждались ранее русской православно-церковной традицией: первые были ориентированы на независимость личности, ее право на самостоятельность мысли и саморазвитие, вторые – на подчинение самого человека традиции и канону. Этот слой западно ориентированных людей также обнаруживает внутреннюю связь с наследием Античности. Смысл жизни и деятельности этих людей заключался в освоении и внесении в русскую жизнь культуры и просвещения – всей совокупности знаний, накопленных к этому времени не только в России, но и за ее пределами.

В целом включение в процесс развития русской культуры антично-римского наследия представляет собой пример синтеза исконно национальных начал и мирового духовного опыта. В России под влиянием антично-римского наследия, воспринятого через культуру Европы, формировалось

новое мировоззрение, выходявшее за рамки веры и авторитета, новый тип отношения к действительности. Инициатором внедрения в русскую культуру античных начал было правительство и лица с ним связанные. Антично-римское наследие оказывало в этой ситуации влияние и на общий характер культурных процессов этой эпохи в качестве эталона, примера и назидания. Общее направление усилий правительства по внедрению по-римски окрашенных элементов культуры в национальную культуру имело целью включение России в западноевропейскую культурную традицию. В заключение уместно привести мнение историка XIX века В. Я. Уланова о том, что «вторжение в русскую стихию антично-римских начал... помогли русскому человеку через противопоставление своего чужому открыть глаза на свое, заметить в нем недостойное и взять из чужого потребное» [14. С. 76].

Литература:

1. Валькастелли М. Латинский язык в истории формирования русской интеллектуальной лексики с конца XVI в. по XVIII в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 149 с.
2. Выписка из дел посольского приказа о приехавших иностранных офицерах на службу в Россию и о жаловании им за въезд: микрофотокопия // Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 495. Дело 1.
3. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 478 с.
4. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Книга первая: Государев двор, или дворец. М.: Институт русской цивилизации, 1990. 1056 с.
5. Исаченко Т. А. Русский перевод «Хрисмологиона» с дополнениями Николая Спафария, преподнесенный московскому царю в 1673 г. // Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России: Сборник научных статей. Сер. «Книга и литература». Новосибирск: Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН Сибирского отделения Российской академии наук, 2018. С. 327–360.
6. Ключевский В. О. Сочинения. М.: Мысль 1957. Т. 3. 414 с.
7. Кнабе Г. С. Римская тема в русской культуре и в творчестве Ф. И. Тютчева // Античное наследие в русской культуре. М.: РНИИ культур. и природ. наследия, 1996. 260 с.
8. Кнабе Г. С. Русская античность. СПб.: РГГУ, 2000. 240 с.
9. Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII веков. М.: Наука, 1990. 290 с.

10. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. М.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. 205 с.
11. Полоцкий Симеон. Избранные сочинения. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 296 с.
12. Сборник переводов Епифания Славинецкого: Григорий Богослов, Василий Великий, Афанасий Александрийский, Иоанн Дамаскин. Москва: Печатный двор, 1665.
13. Слейдан И. О четырех великих монархиях [Электронный ресурс] // Корпус русский переводов. URL: <https://krp.dhi-moskau.org/ru/translations/yoanna-sleidana-o-chetyreh-monarhiiah> (дата обращения: 14.08.2023).
14. Уланов В. Я. Западное влияние в московском государстве // Три века. Том второй. М.: ГИС, 1991. С. 39–77.
15. Фролов Э. Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб.: Гуманитарная акад., 1999. 604 с.
16. Хронограф Дорофея Монеувасийского с дополнительными статьями [рукопись]. 1731 г. 356 л.

**СОБОР СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ
АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ЖИЗНИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА**

А. И. Воробьева

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород
E-mail: linavorobeva2005@mail.ru

М. П. Самойлова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород
E-mail: msamoilova@lunn.ru

Аннотация. В статье рассматривается история строительства собора во имя святого благоверного князя Александра Невского, его судьба в советское время. Уделено внимание процессу реставрации собора в конце XX – начале XXI века, раскрыто значение собора в жизни Нижнего Новгорода.

Ключевые слова: собор, Александр Невский, строительство, Стрелка, реставрация.

**CATHEDRAL OF THE HOLY PRINCE
ALEXANDER NEVSKY IN THE LIFE OF NIZHNY NOVGOROD**

Angelina I. Vorobeva

Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod
E-mail: linavorobeva2005@mail.ru

Maria P. Samoylova

Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod
E-mail: msamoilova@lunn.ru

Abstract. The article deals with the history of the construction of the Cathedral of St. Prince Alexander Nevsky, its fate in Soviet times. Attention is paid to the process

of restoration of the cathedral in the late 20th and early 21st century, the importance of the cathedral in the life of Nizhny Novgorod is revealed.

Keywords: cathedral, Alexander Nevsky, construction, Strelka, restoration.

Собор во имя святого благоверного князя Александра Невского по праву считается одним из наиболее известных и красивых православных храмов Нижнего Новгорода. Величественно возвышающийся над стрелкой Волги и Оки, он является архитектурной жемчужиной нашего города. Второе его название – Александро-Невский Новоярмарочный собор. За время своего существования он пережил разное: активная деятельность в 1880–1929 гг.; запустение и разруха в советское время; пожар в 1940-х гг., уничтоживший интерьер и роспись на потолке и стенах; реставрация и возрождение в постперестроечное время.

Сегодня храм окружает благоустроенная территория, которая была приведена в порядок к 800-летию Нижнего Новгорода. Собор живет активной жизнью: здесь идет работа по просвещению и детей, и взрослых, мастера-иконописцы трудятся над созданием икон, в храме находятся библиотека и школа звонарей. Внешняя красота собора притягивает взоры ценителей архитектурных шедевров.

Первый ярмарочный собор (Спасский Староярмарочный собор) был построен в 1818–1822 гг. в связи с переносом ярмарки, возникшей в XVII веке у Макарьевского монастыря, в Нижний Новгород. Во второй половине XIX века Нижегородская ярмарка бурно развивается, в отдельные годы на нее съезжается до 200 тысяч человек [7. С. 56]. Количество гостей ярмарки иногда в разы превышает численность населения города. Так, в 1897 г. в Нижнем Новгороде проживало 90 тысяч человек [7. С. 25].

Спасский собор не справляется с таким наплывом прихожан. Особенно остро эта проблема встает во время праздников. Также сыграл роль тот факт, что большая часть ярмарочного купечества была сосредоточена на «сибирской» стороне (Стрелка и выше по Волге), то есть на значительном расстоянии от Спасского собора. По этой причине ярмарочное купечество решает обратиться с прошением к епископу Нижегородскому о необходимости строительства еще одного храма на территории ярмарки [3. С. 12].

Изначально было предложено построить однопрестольную церковь, но ситуация меняется после приезда в Нижний Новгород в 1858 г. Александра II с императрицей Марией Александровной и дочерью, великой княжной Марией Александровной [8. С. 5]. Нижегородское купечество решает соорудить не просто храм, который будет удовлетворять религиозной потребности посетителей ярмарки, а величественный собор с целью увековечить память

о преданности православию и престолу. Поэтому решено было устроить в новой церкви три престола – во имя святых, носящих те же имена, что и члены императорской семьи. Одним из святых был выбран Александр Невский. Это решение было одобрено императором, он же и указал место для будущего храма – на Стрелке, там, где сливаются Волга и Ока. В те времена это место было частью порта, куда прибывали грузы для торговли на ярмарке [2. С. 232].

Возведение собора заняло около 14 лет. Сложности возникали при согласовании проектов и оплате работ. Был открыт сбор пожертвований на строительство храма, однако собранной суммы оказалось недостаточно, поэтому в августе 1869 г. был введен десятипроцентный полавочный и поземельный сбор с торгующих на ярмарке купцов, от которого были освобождены мусульмане. В то или иное время работами по строительству руководили губернский архитектор Роберт Яковлевич Килевейн и архитектор Лев Владимирович Даль (сын автора толкового словаря) [1. С. 54].

8 сентября 1864 г. состоялась символическая закладка камня в основание будущего храма, однако строительство началось не сразу. Проект Р. Я. Килевейна пришлось переработать из-за недостаточной прочности конструкции и дороговизны. Новый проект, предложенный молодым архитектором Л. В. Далем, тоже не утвердили. Авторство проекта, который в итоге был утвержден правительством в 1965 г., до сих пор точно не установлено. Строительство началось 18 августа 1868 г. и было закончено в 1880 г., внутренняя отделка продолжалась до 1881 г. [3. С. 19]

При строительстве собора использовались прогрессивные для того времени инженерные технологии. Уникальная особенность заключается в том, что это единственный в мире храм, который не имеет традиционного основания в виде свай, а расположен на огромном деревянном плоту. Для строительства собора было выбрано не самое простое с точки зрения геологии место: близость двух рек, неглубокое залегание грунтовых вод, уровень которых подвержен колебаниям. Постройкой здания руководил губернский архитектор Р. Я. Килевейн, им и было принято решение отказаться от традиционных свай и использовать в качестве основания собора деревянный дубовый плот. На деревянном плоту, который был сооружен из 1 214 дубовых бревен, расположена сплошная каменная плита трехметровой толщины. Эта двухслойная конструкция обеспечила долговечность основания и равномерную осадку: поскольку плот находится в воде, то постепенно происходит морение дуба и повышение его прочности. Мореный дуб по прочности приближается к железу [5].

Внешний облик храма заслуживает отдельного внимания. Собор Александра Невского – третий по высоте среди храмов России после храма Христа

Спасителя в Москве и Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, его высота составляет 87 метров. В завершённом виде собор представлял собой пятишатровое кирпичное сооружение с центричной композицией, нарушенной выступающим западным притвором. В этом притворе располагалась теплая церковь. Основное помещение храма использовалось только во время ярмарки и не отапливалось.

Крестово-купольная структура храма, тройное византийское окно западного притвора, чисто русские детали фасадов, такие как шатры, луковичные главы, восьмигранные барабаны, украшенные кокошниками, отражали официальное понимание русской национальной культовой архитектуры, соответствовавшее общественно-политическому идеалу России середины XIX века. Стоит отметить, что собор Александра Невского не является чистым образцом так называемого русско-византийского стиля, потому что в архитектуре здания достаточно вольно сочетаются элементы декора, заимствованные из разных периодов зодчества. Собор Александра Невского – типичный пример архитектуры культовых сооружений середины – второй половины XIX века. Общий облик сооружения, удачно найденные габариты и силуэт, масштабность основных пропорций ставят его на одно из первых мест по значению для архитектуры Нижнего Новгорода, делают памятник немаловажной частью его речного фасада [6. С. 259–260]. До разорения храма в нем был невероятной красоты иконостас высотой чуть ниже девятиэтажного дома – 25 метров.

20 июля 1881 г. состоялось торжественное освящение главного престола храма – во имя святого благоверного князя Александра Невского. На освящении присутствовали император Александр III с супругой Марией Федоровной и цесаревичем Николаем. Храм становится местом встречи почетных гостей города – царской семьи, иерархов православной церкви [8. С. 24].

В 1880 г. священником храма был назначен Иоанн Алексеевич Доброзраков, переведенный из погоста Катунки Балахнинского уезда. Иоанн Алексеевич занимал эту должность до 1883 г., до своей смерти в 55-летнем возрасте. На смену Доброзракову пришел молодой выпускник Нижегородской семинарии Иоанн Васильевич Яхонтов, который был священником собора вплоть до его закрытия. Дьяконом храма все эти годы служил отец Александр Иванович Снежницкий, он же оставался дьяконом даже после возведения его в 1902 г. в сан иерея. Дьякон Михаил Алексеевич Вознесенский, послушник Благовещенского монастыря, с 1881 по 1883 г. исполнял должность псаломщика. Когда Вознесенского перевели в Кафедральный Спасо-Преображенский собор, обязанности псаломщика в храме на Нижегородской ярмарке исполнялись разными лицами, как правило, учащимися Нижегородской

семинарии. Старостой собора в 1881–1890 гг. был активный участник его строительства – нижегородский купец Измаил Иванович Вяхирев. После смерти Измаила Ивановича его сменил племянник, Алексей Семенович Вяхирев, который успешно трудился на благо Церкви до закрытия собора после революции 1917 г. [2. С. 307].

После Октябрьской революции многие храмы на территории образованного СССР были закрыты. Не избежал этой участи и собор Александра Невского, который был закрыт в конце 1920-х гг. По проекту реконструкции бывшей ярмарочной территории здание собора предполагалось снести, а на его месте построить маяк с памятником Ленину. Но по каким-то причинам проект не был осуществлен, дело закончилось разборкой шатров храма. В советские годы здание собора использовалось под склады и под жилье. К собору были пристроены подсобные помещения, где размещались конторы и другие хозяйственные объекты. По свидетельствам местных жителей, интерьер собора окончательно уничтожил пожар в 1940-х гг. [7. С. 57]

В столь плачевном состоянии собор находился до реставрации, проект которой был разработан архитекторами Горьковской специальной научной реставрационной производственной мастерской О. Е. Сундиевой и И. С. Агафоновой в 1984 г. К 2006 г. было восстановлено здание собора и началась роспись внутренних сводов, храм был восстановлен в первоначальном виде. 12 сентября 2009 г. Святейший Патриарх Кирилл провозгласил собор кафедральным [1. С. 65].

В настоящее время собор Александра Невского является значимым объектом в жизни Нижнего Новгорода [4]. Это действующий православный храм, в котором регулярно проходят службы. Здесь идет работа по просвещению и детей (открыта воскресная школа), и взрослых, мастера-иконописцы трудятся над созданием икон, в храме находятся библиотека и школа звонарей. Также он стал одним из центров культурной жизни: здесь регулярно проходят хоровые соборы, в которых принимают участие лучшие хоровые коллективы Нижнего Новгорода и других городов России.

Литература:

1. Агафонова И. С., Давыдов А. И. Собор Александра Невского в городе Горьком – памятник архитектуры второй половины XIX века / Памятники археологии и этнографии Верхнего Поволжья. Горький: ГГУ, 1989. С. 53–65.

2. Давыдов А. И. К истории проектирования собора Александра Невского на Нижегородской ярмарке (источниковедческий аспект) // Лествица:

Материалы научной конференции по проблемам источниковедения и историографии памяти профессора В. П. Макарихина. Н. Новгород: Тип. «Вектор ТиС», 2005. С. 292–307.

3. Кафедральный собор во имя святого благоверного князя Александра Невского / [редакторский коллектив: протоиер. Сергей Матвеев и др.]. Н. Новгород: Деком, 2020. 139 с.

4. Кафедральный собор во имя святого благоверного князя Александра Невского: официальный сайт. URL: <https://nevskiy-nne.ru/istoriya-sobora/> (дата обращения: 01.11.2023).

5. Кондратьева С. А. Плотина из мореного дуба – как основание собора // Материалы IX Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017034471> (дата обращения: 01.11.2023).

6. Лисовский В. Г. Архитектура России XVIII – начала XX века. Поиски национального стиля. М.: Белый город, 2009. 567 с.

7. Мельников А. П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки, 1817–1917: к 200-летию Нижегородской ярмарки. Н. Новгород: Кварц, 2017. 238 с.

8. Снежницкий А. Н. Нижегородский ярмарочный Александроневский собор / Сост. диак. А. Снежницкий. М.: тип. О-ва распространения полезн. кн. аренд. И. К. Солнцевым, 1899. 51 с.

УДК 1(091)
ГРНТИ 02.91.09

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПОНЯТИЯ «ТРУД»
В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ**

О. Н. Багаева

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород
E-mail: olga_bagaeva1@yahoo.com

Аннотация. В статье анализируются основные понятия, смыслы русской философии, которые раскрывают метафизический смысл труда, творчества и хозяйственной деятельности человека. При этом рассматриваются положительные и возможные отрицательные черты труда и созидания. Большое внимание уделяется русской философской мысли конца XIX – начала XX века и взглядам Ивана Ильина и Сергея Булгакова на исследуемую проблему. Актуализируется вопрос о формировании хозяйственной и трудовой этики в нашей стране, а также религиозной, теургической мотивации труда. Определяется аксиологическая ценность труда, созидания, творения для русского человека, раскрывается метафизическое значение труда в национальной картине мира.

Ключевые слова: русская философия, Иван Ильин, Сергей Булгаков, философия труда.

**SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT OF THE CONCEPT “LABOR”
IN RUSSIAN PHILOSOPHY**

Olga N. Bagaeva

Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod
E-mail: olga_bagaeva1@yahoo.com

Abstract. This article analyzes the basic concepts, meanings of Russian philosophy, which reveal the metaphysical meaning of labor, creativity and human economic

activity. At the same time, positive and possible negative features of labor and creation are shown. Much attention is paid to Russian philosophical thought of the late 19th century and the beginning of the 20th century and the views of Ivan Ilyin and Sergei Bulgakov on this problem. The issue of the formation of economic and labor ethics in our country, as well as the religious, theurgical motivation of labor, is being updated. The axiological value of labor, creation, creation for a Russian person is determined, the metaphysical significance of labor in the national picture of the world is revealed.

Keywords: Russian philosophy, Ivan Ilyin, Sergei Bulgakov, labor philosophy.

Внимание философов к работе и труду, по-видимому, возрастает, когда условия труда или ценности меняются. Например, в последние годы наблюдается снижение количества философских исследований труда. Возможно, это частично обусловлено тем, что трудовой процесс находится в кризисе или переживает непростой период: экономическое неравенство в обществе, ориентированность на занятость, технологическая автоматизация, отчуждение от процесса труда. В статье предпринимается попытка внести систематичность в существующую философскую литературу о труде путем рассмотрения концептуальных вопросов философии труда.

У человека с давних времен существует «голубая мечта», приятная мифологема о сказочном месте, где в кисельных берегах несут свои воды молочные реки, где время идет неспешно, но самое главное – человеку не приходится работать. Все происходит (строится, создается, генерируется) как будто бы само собой, сам индивид не прилагает к этому никаких усилий – телесных, физических, духовных. Стоит только загадать желание или поставить цель, как желаемое воплощается в реальность без усилий со стороны индивида. Люди проводят жизнь в полном удовольствии, лени, бездействии, наслаждении фантазиями, предаются своим желаниям. Эта инфантильная мечта человечества не изжита и по сей день, может быть, молодежь современности питает надежду на праздное существование даже более, чем в прошлые времена.

Жизненный идеал обитателя этой сказочной страны сводится к обеспеченному образу жизни, но при этом сопрягается с приятным ничегонеделанием. У всех жителей единое призвание – приятное времяпрепровождение, естественное накопление жизненных сил, мечтание об активных видах деятельности, но без реализации в действительности, без ощущения радости от труда. «Бессмысленное прозябание и растрата жизни без любви и служения» [3. С. 48]. Философ Ильин называет эту мечту тунеядством вселенского

масштаба, внутренним оскудением от внешнего изобилия вещного мира, пассивным убиением времени без наличия творческого горения, огня вдохновения. Происходит подмена истинной радости неглубоким наслажденчеством. Человеческий индивид как будто бы погружен в сон полуживотного, изменил активному, созидающему, животворящему духу. По мнению Ивана Ильина, происходит отречение от собственного духовного достоинства, от Бога.

Мыслитель полагает, что человеческому обществу следует отказаться от этой приятной фантазии потому, что жизнь человеческого существа без трудовой деятельности является лишенной смысла, никчемной. Осуществление трудовой деятельности, работа есть, по Ильину, половина счастья. А полное счастье – это вдохновляющий, созидательный труд, любимая работа. За всю историю своего существования человечество накопило опыт безработицы или отчуждения от труда. Ощущение человеком собственной ненужности, бесполезности для общества делает его несчастным, несостоятельным. Обычному здоровому человеку труд нужен как воздух, как уважение к самому себе, как ощущение радости, как творение молитвы. Человеку от природы свойственна здоровая потребность быть чем-то, «что-то весить на весах бытия» [3. С. 50], пользоваться уважением и признанием со стороны других людей. Это желание естественно и непредвзято, если не носит чрезмерный характер, не превращается в назойливое тщеславие. Каждый индивид желает оправдаться своими достижениями, показать себя с лучшей стороны, «занять соответствующее место в ноосфере» [4. С. 9].

Ильин утверждает, что для благого существования возможен только один путь – путь труда, созидания чего-то нужного и нового. С точки зрения философа, именно в этом заключается суть жизненного испытания, именно так индивид способен оправдать свой жизненный замысел, свое земное существование. При этом мыслитель негативно относится к творению слов, называет их пустыми, бессмысленными. Нужно облекать слова в дела, превращать энергию в акт творения, созидания. Индивид должен уметь прокормить себя и членов своей семьи; в этом случае у него появляется чувство самоуважения, что впоследствии станет неотъемлемой частью личного духовного роста и «внутренне-подлинного» [3. С. 51] достоинства. «Он инвестирует свою силу, свою волю, свою мысль, свою любовь, свое воображение – в свой клочок земли, в свой ткацкий станок, в свою книгу и тогда уже не чувствует себя в мире ни тунеядцем, ни приживальщиком» [3. С. 52].

По мнению Ивана Ильина, счастье труда не ограничивается только самоощущением индивида, это не является конечной целью созидания. Всякий труд есть расширение человеческого горизонта и глубокий процесс исследования. Человек трудящийся связан с миром через процесс труда, получает

новые задания от него, несет в себе мессианскую цель. Человек труда является частью «Божией ткани» [3. С. 53], приближается к Божьей Идее. В состоянии вдохновения путь к Богу обретается легко и приближает индивида к пониманию божественной сущности, но надо стараться находить этот путь и в рутинной, повседневной работе. В этом случае человеку требуется мудрость тысячелетий, знание и владение традициями предков, опыт отцов и дедов, личная ответственность и активность. Тогда индивид пользуется всем добытым предыдущими поколениями опытом, наследством как великим вспомогательным инструментом и чувствует себя вдохновенным. «Человеческое творчество, труд – в знании, хозяйстве, культуре – софийно» [6. С. 212].

Радость труда человек ощущает также в каждом творческом достижении. «Все переживает подъем и полет; все ищет и созерцает, предчувствует и взывает; все всматривается в приближающуюся даль и напряженно ждет в надежде» [3. С. 53]. Дух уже знает что-то такое, что еще не постиг сам человек. Индивид ощущает себя частью высших сил, испытывает одновременно огромный восторг, ликование, но и страх, так как он боится сделать неверный шаг. После окончания акта труда человек счастлив, радостен, но и смущен, так как именно он создал нечто новое, самобытное, доселе не существовавшее, но при этом это что-то новое, созданное тобою, не является самоличным. Индивид понимает, что благодаря акту труда становится возможным увековечиться, не умирать, не исчезнуть бесследно, но, наоборот, вплестись, врасти в ткань мироздания, которая питает и укрепляет созидателя, делает его счастливым. Эта мысль является «работоспособной, эффективной национальной идеей» [2. С. 24].

С точки зрения Ивана Ильина, тот, кто трудится, участвует в создании, творении Божественной ткани мира, содействует ее постижению, развитию и расцвету. Человек, участвующий в этом великом деле, помышляющий не только о пропитании, находит здоровье, творческую радость, земное счастье и оправдание перед Богом за сам факт своего существования, становится «художником Царства Божия» [3. С. 55].

Сергей Булгаков представляет несколько иную трактовку сущности труда для человеческой личности. Человеку изначально был дан облегченный способ существования – вкушение плодов с древа познания. При этом он должен был приглядывать за садом, то есть индивид не был обречен на праздный способ жизнедеятельности, трудовая деятельность его имела не подневольный, а вдохновенный, любовно-творческий характер. Но после грехопадения он превратился в некоторой степени в существо несвободное от труда, от факта его необходимости. «Хозяйственное, то есть активно-трудовое воздействие человека на природу основано на центральном его

положении в мироздании, не утраченном и после грехопадения» [1. С. 481]. Любая трудовая деятельность имеет хозяйственные, утилитарные задачи, преследует практически ориентированные цели, то есть ограничивается интересами земного бытия.

Все хозяйственные задачи труда, какими бы широкими они ни были, находятся в плоскости этого мира, мира земного. Поэтому, по мнению Булгакова, все его результаты, достижения, имея животворительную основу в творческих силах бытия, «в области эстетической деятельности личности» [5. С. 46], несут на себе очевидную, неизгладимую печать мира земного. Так, результаты трудовой деятельности находятся во власти временности, иными словами, конечности. С одной стороны, в хозяйственной, трудовой деятельности есть элемент творчества, с другой стороны, в труде присутствует элемент необходимости, нужды, что является несовместимым с творческим вдохновением. Тем не менее Сергей Булгаков очарован феноменом труда, он пишет: «Хозяйственный труд есть мощь, магия этого мира» [1. С. 482]. Хозяйство активно воздействует на мир, преобразует его, киркой и мотыгой перепахивает землю бытия. С помощью труда создается цивилизация с ее промышленностью, производством, активным творением нового мира, изменением материи мира.

Сама суть хозяйственной деятельности в какой-то момент своего развития начинает как будто стыдиться исключительно своего утилитарного характера как стигмы рабской природы и начинает сознательно стремиться к эстетизации. Философ отмечает, что труд не может ограничиться только утилитарными, практическими задачами, поэтому при их решении стремится к обретению красоты или красоты.

Хозяйственная деятельность хочет перерасти себя, стать чем-то большим, чем просто одна из сторон жизнедеятельности человека, не хочет иметь над собой какой-то внешнехозяйственной задачи. В этом, по мнению Булгакова, может скрываться опасность хозяйственной деятельности – когда только хозяйственный инстинкт закладывается в основу жизни общества или человеческой личности. Это есть проявление эгоистической природы человека, «метафизического эгоизма твари» [1. С. 487]. Такой хозяйственный эгоизм может стать разрушительной силой, которую необходимо регулировать как снаружи, так и изнутри, например в своеобразной духовной аскезе и стремлении к красоте. Хозяйственный труд является для человека наказанием за согрешение, человек должен принимать его с послушанием, как обязательство для всего человеческого сообщества. Буржуазная безразличность к трудовой деятельности является ошибкой, человек должен воспринимать труд как духовное преодоление, возвышение, шаг на пути к совершенствованию.

Но хозяйственное понимание жизни не должно стать самодовлеющим, тем более не должно стать смыслом обогащения. Хозяйственная трудовая деятельность, с точки зрения Булгакова, должна сохранять значение только как средство для достойной жизни, при этом основным ее мерилom является наличие духа в этом процессе.

Анализируя трудовую деятельность, оба мыслителя приходят к необходимости размышления над феноменом творчества. Булгаков пишет, что содержание творческой деятельности сопровождается подчас практической незаинтересованностью, бескорыстием; оно не имеет дела с утилитарными модусами бытия, так как очаровано красотой другого мира, мира нумерального. Голос творчества, возможность его осуществления является зовом из другого мира, поэтому творчество пытается сделать этот глас более осязаемым в мире земном.

Литература:

1. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Директ-Медиа, 2014. 564 с.

2. Гречушкина Н. В. Национальная идея в трудах русских религиозных мыслителей, военно-исторической прозе русского зарубежья и романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». 3-е изд., доп. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. 207 с.

3. Ильин И. А. Путь к очевидности / Под ред. Л. М. Сурис. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 194 с.

4. Ларионов И. К. Человек и труд в системе многоуровневого общественного воспроизводства. 2-е изд. М.: Дашков и К°, 2019. 390 с.

5. Мокшин В. К., Шипелик О. В. Труд и личность в истории общества: от зарождения до цифровации. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный университет, 2020. 109 с.

6. Русская философия в текстах: хрестоматия / Е. А. Антонов, Л. И. Пахарь, Т. А. Евсеева [и др.]; ред. Л. И. Пахарь; Орловский государственный университет. СПб.: Алетейя, 2012. 527 с.

**КОНЦЕПЦИЯ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ»:
ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

А. Н. Лушин

Нижегородская академия МВД России,
Нижний Новгород
E-mail: aleksr.lushin@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – проанализировать возможности использования концепции «Москва – Третий Рим» для формирования современной российской идеологии на основе идеи всемирно-исторической миссии России. Эта миссия, по мысли автора статьи, состоит в утверждении российских традиционных духовно-нравственных и общественно-культурных ценностей, которые находятся под защитой российской государственности, а с другой стороны, придают государству устойчивость и силу. Все это позволяет автору обоснованно утверждать неизменный духовный характер отечественной государственности как важный фактор ее цивилизационного развития.

Ключевые слова: «Москва – Третий Рим», идеология, Русский мир.

**THE CONCEPT OF “MOSCOW – THE THIRD ROME”:
THE EXPERIENCE OF MODERN UNDERSTANDING**

Alexander N. Lushin

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod
E-mail: aleksr.lushin@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the possibilities of using the concept of “Moscow – the third Rome” for the formation of modern Russian ideology. Based on the idea of Russia’s world-historical mission. This mission, according to the author of the article, is to affirm Russian traditional spiritual, moral and socio-cultural values, which are under the protection of the Russian state, and, on the other hand, give the state stability and strength. All this allows the author to reasonably assert the unchangeable spiritual character of domestic statehood as an important factor in its civilizational development.

Keywords: “Moscow – the Third Rome”, ideology, Russian world.

В условиях современного противостояния России крайне агрессивным вызовам западного мира вполне логичным представляется, что государственно-политическая концепция «Москва – Третий Рим», обоснованно возникшая еще в период интенсивного формирования единого централизованного Русского государства, обретает несомненно важное геополитическое и духовно-нравственное значение. Мы не будем погружаться в глубины отечественной истории, откуда берет начало данная концепция, поскольку существует значительное количество научных исследований, среди которых особо выделим вышедшую в 1998 г. обстоятельную монографию профессора Н. В. Сеницыной «Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)» [4]. Несомненный практический интерес также представляет диссертационное исследование А. Н. Клименко «Влияние идеи “Москва – третий Рим” на российскую геополитику XIX–XX вв.» [1].

Задача, которую мы поставили перед собой, заключается в попытке осмысления современного понимания данной государственно-политической концепции, которая в нашем Отечестве на протяжении нескольких веков, независимо от политического строя, оставалась определенным крепким духовным стержнем российского патриотизма и жертвенного служения национальным интересам. Примечательно, что даже западный историк А. Дж. Тойнби признавал, что концепция «Москва – Третий Рим» в ее традиционно-религиозном понимании в России не только не исчезла, но обрела «новое выражение в терминах идеологии вестернизирующего мира» [5. С. 507–510]. Историк имел в виду имперский (самодержавный) период, когда идея «Третьего Рима» оставалась не сюжетом из древней отечественной истории, но в несколько модернизированном виде продолжала выполнять идеологическую миссию. Впрочем, и в «советской империи» эта концепция под другим названием и в другом политическом формате оказалась вполне востребованной в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время. В известной формуле «Восток – Запад» мы всегда ощущаем определенное противостояние западной идеологии меркантилизма и индивидуализма российским традиционным духовно-нравственным и общественно-культурным ценностям, что позволяет нам обоснованно утверждаться в неизменном духовном характере отечественной государственности как важным факторе в ее историческом развитии.

Падение духовно-нравственного образа государственного правления и в целом общественной жизни Древнего Рима как империи и Константинополя, то есть Византийской империи, послужили важными причинами безвозвратного исчезновения данных империй. На мировоззренческий фактор осознания и признания современной России как духовного центра современного

христианского мира в противовес губительной глобализации обращает внимание М. В. Назаров, подчеркивая особое предназначение России в плане ее высокой исторической миссии [2. С. 5]. Россия сегодня твердо выступает за сохранение в мире истинных духовно-нравственных ценностей, опираясь на христианскую историческую традицию.

Ключевые события последних лет убедительно показали, что в процессе роста национального самосознания названная концепция действительно получила особое развитие как определенный стимул в геополитическом содержании. Историко-сравнительный подход позволяет сделать вывод о том, что происходит органичный процесс преемственности духовного значения не только столиц мирового уровня, но также главнейших священных христианских центров, что свидетельствует о проекции концепции «Москва – Третий Рим» в настоящее и, безусловно, в будущее. В русле понимания высокого духовного предназначения России как надежного оплота Русского мира само возвращение Крыма в Русский дом следует рассматривать как одну из самых сильных сторон реализации концепции. Наверное, именно в таком же геополитическом контексте мы можем обоснованно признавать и возвращение (категорически не присоединение!) ряда территорий, которые в историческом понимании ассоциируются с событиями 1654 г., когда в состав Русского государства вернулись исконные исторические земли.

Следует обратить внимание на то, что часто звучащее сегодня понятие «Русский мир» органично связано с концепцией «Москва – Третий Рим», известной со времени единого централизованного Русского государства (Великого княжества Московского) и до настоящего времени являющейся одной из важнейших в геополитическом смысле. Историк В. А. Ракунов отмечает, что обращение государства к данной концепции в плане защиты русских людей, оказавшихся после распада СССР за рубежом, может иметь сегодня особое значение [3]. Представляется, что именно «Третий Рим» не только в хронологическом порядке, но и в завершающей этот порядок стадии развития христианского мира («а четвертому не бывать») неизменно выполняет особую духовную миссию вселенского масштаба.

Конечно, традиционный идеал Святой Руси, неразрывно сочетавшийся с православной концепцией российской государственности, в XX веке был на долгое время утрачен и лукаво заменен в соответствии с официальной советской идеологией, что к началу XXI века привело к естественному усилению и нарастанию западных антироссийских сил (вестернизации). В настоящее время, бесспорно, мы являемся свидетелями и участниками последовательного возвращения христианских основ в государственно-политическую и духовно-нравственную области российской общественной жизни. Конечно,

наше государство является светским, но мы ощущаем благотворное воздействие совместной деятельности государственной власти и Русской православной церкви на последовательное укрепление духовных основ российской государственности на христианских принципах с учетом исторического многовекового опыта.

Воссоздание Русского мира в его полноте на основе концепции «Москва – Третий Рим» может позволить постепенно разработать образец (модель) оптимальных дипломатических отношений на международном уровне и тем самым повлиять на ослабление власти антироссийских западных сил над подчиненными им в настоящее время странами. Исторический отечественный государственно-правовой опыт, в том числе имперский, сегодня следует внимательно учитывать, чтобы конкретно определить политическую ситуацию и последовательно развивать влияние России на христианский мир, который абсолютно не вступает в противоречие с понятием Русского мира, поскольку последний несет в себе непосредственное христианское (православное) выражение.

Политические претензии нынешних киевских церковных властей несколько не умаляют значения концепции «Москва – Третий Рим» и даже, скорее, своими раскольничьими действиями усиливают внимание не только христианского мира к миролюбивой политике современной России, укрепляющей в настоящее время свое взаимодействие с теми государствами, которые осознали существенные различия в моделях построения отношений с западными партнерами (с явными целями эгоистического властвования и распределения земных благ исключительно в свою пользу) и Россией (совместное построение мира на гуманистических началах).

В образовательном и просветительском плане нам представляется возможным в современных условиях проведение круглого стола о неизменном духовном значении концепции «Москва – Третий Рим» с приглашением профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений и учителей истории школ, гимназий, лицеев и колледжей. Данная концепция в русле активного патриотического воспитания подрастающего поколения может быть сегодня обоснованно востребована и логично включена в разработку авторских образовательных программ.

Литература:

1. Клименко А. Н. Влияние идеи «Москва – третий Рим» на российскую геополитику XIX–XX вв.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. 24 с.

2. Назаров М. В. Третий Рим: о духовном смысле российской государственности // Десятина: газета православных мирян. 2002. № 4 (67).
3. Ракунов В. А. Доктрина «Москва – третий Рим» и вызовы современной геополитической ситуации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Вып. 6 (87). Т. 12. С. 1937–1944.
4. Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
5. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. М.: Рольф, 2001. 730 с.

Паломническо-туристический кластер «Арзамас – Дивеево – Саров»

УДК 908
ГРНТИ 13.11.25

АРЗАМАС. ВОЗРОЖДЕНИЕ

Т. М. Ильченко

директор департамента культуры г. Арзамаса
E-mail: kultura@goradm.arz.nnov.ru

Аннотация. В статье освещены основные направления и мероприятия, нацеленные на преобразование и реконструкцию исторической части города Арзамаса в рамках паломническо-туристического кластера «Арзамас – Дивеево – Саров». Описаны этапы развития Арзамаса и его историческая и территориальная значимость.

Ключевые слова: Арзамас, историческое поселение, кластер «Арзамас – Дивеево – Саров».

ARZAMAS. REVIVAL

Tatyana M. Pchenko

Arzamas
E-mail: kultura@goradm.arz.nnov.ru

Abstract. The article highlights the main directions and activities aimed at the transformation and reconstruction of the historical part of the city of Arzamas within the framework of the pilgrimage and tourist cluster “Arzamas-Diveevo-Sarov”. The stages of Arzamas development and its historical and territorial significance are described.

Keywords: Arzamas, historical settlement, cluster “Arzamas-Diveevo-Sarov”.

«И на счет всего города можно сказать: в редком губернском городе можно найти столько домов строящихся, столько движения и жизни!» – так говорил о городе Арзамасе в 1820 г. писатель П. П. Свиньин [8].

Эти слова можно с полным основанием отнести и к сегодняшним дням.

В городе идут масштабные работы по реконструкции и реставрации исторической части в рамках паломническо-туристического кластера «Арзамас – Дивеево – Саров». Включение Арзамаса в кластер дало новый импульс для возрождения города.

Город Арзамас – историческое поселение федерального значения [6]. Исторические поселения – населенные пункты, в границах территории которых расположены объекты культурного наследия: памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также иные культурные ценности, созданные в прошлом, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую, научную или социально-культурную ценность, имеющие важное значение для сохранения самобытности народов Российской Федерации, их вклада в мировую цивилизацию.

Территория в границах исторического поселения в Арзамасе занимает 410,3 гектара (около 10 % территории города).

Согласно Приказу Министерства культуры Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 1810 «Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения федерального значения город Арзамас Нижегородской области» (с изменениями, утвержденными Приказом Минкультуры России от 29.11.2019 № 1870), в границах исторического поселения находится 1489 объектов [7].

Предмет охраны включает 91 объект культурного наследия: федеральных – 17, региональных – 74. Исторически ценных градоформирующих объектов – 600 [4].

Городу более четырех веков, на протяжении которых были созданы удивительные памятники зодчества. И сегодня многие уголки Арзамаса сохранили дух старорусской провинции, что дало основание для его включения в список исторических поселений федерального значения.

Идентичность Арзамаса ярко прослеживается в градостроительстве и архитектуре.

В XVII веке градостроительная композиция Арзамаса была обусловлена наличием крепости, реки и холмистостью рельефа. Застройка города в то время была сплошь деревянной, дома располагались хаотично. Дороги, подходившие к крепости, постепенно превращались в улицы. Улицы были шириной 8 метров. Планировка подчинялась традиционным русским градостроительным приемам.

Важным этапом в развитии Арзамаса стали XVIII – середина XIX века. Этот период сопряжен с коренными преобразованиями, происходившими почти во всех сферах русской действительности, в том числе и в градостроительстве. Развитие торговых связей между центром и окраинами

России оказало исключительно большое влияние на дальнейшую судьбу Арзамаса. Город становится крупным торгово-транспортным центром страны [2. С. 75]. Через него проходило до десятка важнейших трактов: Московский, Саратовский, Симбирский, «большая дорога» на Макарьев, почтовый тракт в Нижний Новгород и др. В этот период, получивший название «золотого века», происходит бурное развитие города – растет число его жителей, увеличивается торговый оборот, развивается промышленность.

С начала XVIII века начали предъявлять ряд новых требований к массовой городской застройке. Основными из них были повышенные требования к противопожарной безопасности, композиционному решению фасадов и размещению домов по красным линиям, согласно предварительно составленному проекту планировки.

Единственным средством обеспечить регулярную застройку в условиях нехватки архитекторов, строителей и материалов было создание системы типового проектирования.

Важным средством ускорения застройки по новым регулярным планам и стало применение типового, то есть «образцового» строительства. Для этого в 1762 г. была создана Комиссия о каменном строении С.-Петербурга и Москвы, а Екатерина II издала указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо» [2. С. 108].

История первых проектов перепланировки Арзамаса связана с открытием Нижегородского наместничества, а самый ранний план города подписан генералом-поручиком А. А. Ступишиным в 1779 г. Этот первый регулярный план очень удачно согласован с исторической структурой Арзамаса, ставшего к тому времени административным центром. Но этот план не учел сложную топографию города и поэтому не мог быть реализован [2. С. 110].

Неосуществленный план послужил основой для разработки другого, утвержденного Екатериной II 6 марта 1781 г. Им были внесены поправки в расположение кварталов и организацию главной площади. Но из-за расхождений с топографией города он также не был реализован.

Работы над составлением приемлемого для города плана были продолжены 1782–1784 гг. под руководством нижегородского губернатора И. Ребиндера. Разработанный план, в котором были учтены ошибки предыдущих, явился основой регулярной планировки города Арзамаса. Этот план был реализован в конце XVIII – начале XIX века, хотя император Александр I утвердил его лишь 16 февраля 1804 г.

Одна из конструктивных идей этого плана – наличие двух трехлучевых перспектив – реализована потому, что их расположение было согласовано с рельефом, чему способствовало проведение Генерального межевания г. Арзамаса и окрестностей [2. С. 121].

По этому плану от обширной базарной площади, монастырей и церквей, занявших место крепости, веером развернулись улицы верхней части города, дополненные по другую сторону реки Сороки кварталами правильной формы, ориентированными на нижегородскую дорогу. Улицы нижней части города образовали встречный пучок лучей, сходящихся к Владимирской церкви.

Архитектурный облик города был весьма выразителен благодаря расположению церквей в нагорной части. Оно подчинялось закономерностям русского градостроительства, свободного и живописного. Большинство церквей города стояло на бровке мыса. Сохранялась древнерусская традиция ставить недалеко друг от друга зимнее и летнее здания церквей иногда с одной, а часто и двумя самостоятельными колокольнями. В результате образовались живописные, не повторяющие друг друга по композиции группы, концентрация которых на наиболее выгодной в видовом отношении полосе создавала впечатление об их преобладании в застройке. Особенно ярким было это впечатление при подъезде к Арзамасу:

«Город прекрасный между Российскими уездными городами, вид его от Нижнего обольстителен. Церквей и каменных строений не чрезвычайно много, но все они в приближении к городу кажутся как будто собранными в одну точку и представляют картину величественную...» – писал И. М. Долгорукий [5. С. 6].

Строительство храмов в Арзамасе длилось в течение трехсот лет. За это время церковные здания не раз перестраивались, деревянные заменялись каменными. Богатое арзамасское купечество на свои средства строило храмы, ставшие главной местной достопримечательностью.

«В отношении церковной архитектуры Арзамас является городом, где в XVIII–XIX веках воздвигались сооружения чисто столичного масштаба, перед которыми даже московские церкви этого периода кажутся провинциальными», – отмечал в отчете 1926 г. известный архитектор-реставратор Н. Н. Померанцев [5. С. 15].

К началу XIX столетия в городе было возведено свыше 20 церквей. Улицы были ориентированы на храмы и подчеркивали их главенствующее место в городе и его архитектуре.

Церкви Арзамаса распределялись по девяти приходам. Почти в каждом из них стояло по два храма – теплый для службы зимой и холодный для летнего богослужения. Часто пару храмов дополняла колокольня, строившаяся порой как отдельное сооружение.

Расцвет храмостроительства в Арзамасе был ознаменован сооружением Воскресенского собора в честь победы русского народа в Отечественной войне 1812 г.

Проект собора выполнил М. П. Коринфский (1788–1851), местный уроженец, выдающийся мастер классицизма, ученик известного в России архитектора А. Н. Воронихина. Чувство национальной гордости, стремление поднять достоинство своего народа и показать его историческую роль всегда являлись идейным содержанием его искусства.

Величественный храм – главное украшение города – стоит на высоком холме, завершая ансамбль главной площади. В панорамах с дальних точек белый куб и пятиглавие собора безраздельно господствуют над застройкой, подчиняя себе все многообразие храмовых зданий города.

Воскресенский собор заложен на месте старого деревянного клетского храма Воскресения с шатровым покрытием и папертями на стрелах. Деревянный храм впоследствии был перенесен в с. Водоватово, а в 1916 г. – в с. Костылиха, где находится по сей день. Вместо него в 1742 г. сооружен каменный пятиглавый собор, который в 1814 г. как архитектурно не соответствующий облику Соборной площади был разобран.

В феврале 1814 г. состоялось всесословное собрание горожан, на котором «составлен приговор о воздвижении собора во имя Воскресения» [4. С. 6].

В величии форм Воскресенского собора, в великолепии внутреннего убранства арзамасцы решили воплотить свои патриотические чувства, а также увековечить народный подвиг в Отечественной войне 1812 г., славу русского воинства и вместе с тем украсить родной город.

Строительство, начавшееся в 1814 г. и продолжавшееся 28 лет, было самым грандиозным в старом Арзамасе. В течение первых двух лет (1814–1815) на основание и цоколь израсходовали 2617 руб. 62 коп., кирпича – 1 159 000 штук, бутового камня и щебня – 505 куб. сажень, а на все здание потребовалось 5 500 000 кирпича и 10 000 пудов железа.

Здание имеет форму греческого креста, положенного на квадрат. Длина и ширина здания равны и имеют по 30 сажень (63 м 90 см), а высота до среднего креста – 22 сажени (46 м 86 см).

Из-за недостатка средств работы по строительству несколько раз приостанавливались. Храм в основном был возведен к 1840 г., но полностью его строительство и отделка завершены в 1842 г.

Крестово-купольный пятиглавый храм поставлен на высокий стилобат. Здание расположено по скату горы, поэтому цоколь имеет разную высоту. С четырех сторон собора расположены 12-колонные ионические портики. Барабан большого купола украшен 12 окнами и 12 пилястрами с ионическими капителями. В малых куполах по 8 окон. Большое массивное здание, окруженное 48 колоннами и завершенное 5 световыми куполами, обрело

стройность и изящную легкость. При этом оно не утратило монументальности, и движение масс кверху преисполнено торжественной величавости.

На фронтонах собора расположены большие фрески на библейские сюжеты: «Воскресение Христа» (восточный фронтон), «Явление Св. Троицы Аврааму» (южный), «Собор Всех Святых» (западный), «Покров Пр. Богородицы» (северный) [4. С. 25].

Стены собора выбелены по штукатурке, а крыша и купола выкрашены зеленой медянкой. Пол во всем соборе деревянный, из сосновых брусьев и протесей, настлан в елку, окрашен темно-желтой краской. Двери с севера и запада двойные, снаружи железные, внутри дубовые.

Внутренний вид собора – это удивительное сочетание света, пространства и легкости здания. Такое впечатление достигается расположением по углам 24 окон, имеющих откосы.

Роспись храма выполнена учениками А. В. Ступина – Осипом Семеновичем Серебряковым и его сыном Александром. Им помогал Егор Федоров.

Собор расписан в технике альфреско способом *en grissail* (по сырой штукатурке тушью).

Все картины на сводах и стенах храма изображают земную жизнь Христа. Палитра фресок удивительно благородна и придает величественность собору.

В простенках между окнами главного купола изображены фигуры 12 апостолов. В парусах, под куполом, – 4 евангелиста (Матфей, Марк, Лука и Иоанн) с их эмблематическими животными, то есть знаками, которые указывают на особенности написанных ими Евангелий.

В конхах расположены самые большие фрески. Над главным алтарем – «Тайная вечеря», на южной – «Поклонение пастырей рождающемуся Христу», на северной – «Дары волхвов», на западной – «Вход Господень в Иерусалим».

Купол и своды храма в отдельных местах убраны лепными украшениями. Тонкие лепные работы выполнил житель д. Пушкарки – мастер Петрушкин. Карнизы расписаны тушью *en grissail* с таким искусством, что живопись можно принять за лепнину.

Богатый резной иконостас сделан артелью резчиков во главе с братьями Василием Алексеевичем и Климом Алексеевичем Ломакиными. Иконостас выполнен в стиле позднего ампира 40-х гг. XIX столетия и позолочен на средства арзамасского купца Алексея Александровича Студенцова. В 1835–1850 гг. для Воскресенского собора трудились позолотчики Филипп Алексеев, Пафнутий Соколов, Руф Барабанов, Василий Язычков.

Иконостас вызолочен сплошь с колоннами, капителями, пилястрами, карнизами, украшен изящной резьбой с сияньем над Царскими вратами и представляет величественное зрелище как по изяществу работы, так и по богатству.

Киоты золотил Филипп Крылов. В 1849 г. ему был вручен Похвальный лист от выставочного комитета Нижегородской ярмарки «за резную и золоченую работу для царских дверей».

Чеканка риз из серебра – работа золотых дел мастера В. В. Язычкова.

Каменщики, плотники, штукатуры, столяры-краснодеревщики – мастера из соседних сел.

«По общему облику и прекрасным пропорциям Арзамасский Воскресенский собор не имеет себе равного среди классических церквей Москвы и может идти в сравнение лишь с Петербургскими соборами Стасова», – писал Н. Н. Померанцев [5. С. 23].

В рамках мероприятий паломническо-туристического кластера «Арзамас – Дивеево – Саров» Воскресенский кафедральный собор, объект культурного наследия федерального значения, пережил полномасштабное возрождение.

Работы по реставрации Воскресенского кафедрального собора начались в октябре 2019 г. [3]. 20 сентября 2020 г. завершился первый этап работ – были восстановлены кровля и купола. Второй этап включал в себя восстановление фасадов, живописи фронтонов, внутрихрамовой росписи и лепного декора, икон и иконостасов, замену оконных блоков, установку систем отопления и другие работы. Мастера восстановили архитектурно-лепной декор и сложную резьбу иконостасов, живопись на фронтонах и 162 иконы.

Реставрация собора и фресок по заказу управляющей компании по развитию Саровско-Дивеевского кластера осуществили специалисты Ярославской художественной мастерской «Реставратор» [1. С. 24].

Кровля, купола, внутреннее убранство и фасады – все было приведено в порядок. Кроме того, появилась система отопления (теперь богослужения будут проходить круглогодично), водоснабжения, электроосвещения, открывания окон, пожаротушения, водоотведения, заменены оконные блоки, установлены датчики температуры и влажности воздуха, тепловые завесы на входах в храм.

Отремонтированы покрытия всех крылец, лестниц (в том числе доломитовой лестницы – единственной сохранившейся со времени постройки собора), подклета с восстановлением исторической кирпичной кладки стен и сводов, проведением отсечной гидроизоляции стен, заменой полов и столярных заполнений окон. В подклете расположился Музей русского патриаршества.

Реставрационные работы проводились с научным сопровождением в рамках развития паломническо-туристического кластера «Арзамас – Дивеево – Саров».

В связи с завершением масштабных реставрационных работ 30 июля 2023 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил чин великого освящения Воскресенского кафедрального собора города Арзамаса.

Литература:

1. Антология добрых дел: материалы конкурса «Волонтер преподобного Серафима Саровского – 2020» / Фонд преподобного Серафима Саровского; составитель Е. Е. Решетова. Н. Новгород: Логос, 2021. 55 с.
2. История Арзамаса: прошлое и настоящее: коллективная монография / А. Л. Егошин, А. С. Кудряшова, В. И. Грубов [и др.]; под общей редакцией О. В. Ефимова и Г. И. Родиной; Администрация городского округа город Арзамас, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас: Арзамасский фил. ННГУ; Саров: Интерконтакт, 2019. 427 с.
3. Ларин Д. В., Миронычева В. Ф. Исторические памятники города Арзамаса в жизни общественности и создании кластера «Арзамас – Дивеево – Саров» // Современные проблемы и перспективы развития туризма и гостеприимства в России и за рубежом: Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. / Науч. ред. С. П. Акутина, Т. Т. Щелина, отв. ред. Ю.Е. Болотин. Арзамас, 2022. С. 167–170.
4. Нижегородская старина. 2019. № 3-4 (61–62). 160 с.
5. Петр Еремеев. «Арзамас-городок»: предметно-именной указатель / Центральная городская б-ка им. А. М. Горького; [сост. Е. В. Ямщикова; ред. Т. В. Захарова]. Арзамас: ЦГБ им. А. М. Горького, 2005. 32 с.
6. Приказ Министерства культуры Российской Федерации, Министерства регионального развития Российской Федерации от 29 июля 2010 г. № 418/339 «Об утверждении перечня исторических поселений» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. URL: https://culture.gov.ru/documents/ob_utverzhdanii_perechnya_istorich354287/ (дата обращения: 23.08.2023).
7. Приказ Министерства культуры РФ от 26.10.2017 № 1810 «Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения федерального значения город Арзамас Нижегородской области». Зарегистрировано в Минюсте РФ 23.11.2017 N 48983) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/37453> (дата обращения: 23.08.2023).
8. Свиньин Павел Петрович (1787 – 1839) [Электронный ресурс] // Арзамасский филиал ННГУ. URL: <https://arz.unn.ru/2016-05-11-10-09-08/1104-2016-05-17-06-28-49> (дата обращения: 23.08.2023).

УДК 379.81
ГРНТИ 13.21.08

**ТЕАТРАЛИЗОВАННЫЙ МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ КОНЦЕРТ
КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ МАССОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
И ПРАЗДНИКОВ НА ПРИМЕРЕ ГАЛА-КОНЦЕРТА ФЕСТИВАЛЯ
«АРЗАМАССКИЕ КУПОЛА 2023»**

О. Ю. Полякова
Нижегородская государственная консерватория им. М. И. Глинки,
Нижний Новгород
E-mail: olenka-polykova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена организации проведения гала-концерта международного фестиваля-конкурса православной и патриотической песни «Арзамасские купола» в городе Арзамасе Нижегородской области.

Ключевые слова: фестиваль, праздничная индустрия, театрализованный концерт.

**THEATRICAL MULTIMEDIA CONCERT
AS ONE OF THE TYPES OF MASS PERFORMANCES
AND CELEBRATIONS ON THE EXAMPLE OF THE GALA CONCERT
OF THE “ARZAMAS DOMES 2023” FESTIVAL**

Olga Yu. Polyakova
Nizhny Novgorod State Conservatory named after M. I. Glinka,
Nizhny Novgorod
E-mail: olenka-polykova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the organization of the international festival-competition of the Orthodox and patriotic song “Arzamas domes” in the city of Arzamas, Nizhny Novgorod region.

Keywords: festival, holiday industry, theatrical concert.

Ни одно знаковое культурно-массовое событие в нашей стране не обходится без праздничных мероприятий. Фестиваль православной и патриотической песни «Арзамасские купола» не исключение. В 2023 г. он проходил уже в 12-й раз и объединил более 2500 человек из разных уголков нашей страны, а также Белоруссии и Казахстана. Авторы и исполнители православной и патриотической песни, туристы и поклонники русской культуры стекаются

в жемчужину России – златокупольный Арзамас – ежегодно. Культурная программа должна соответствовать уровню международного мероприятия. Таким образом, возникла необходимость за короткий промежуток времени познакомить участников и зрителей фестиваля не только с городом, но и с его интереснейшей многовековой историей, художественными промыслами, фольклором и промышленностью. Решить эту задачу должен был спектакль, который стал бы визитной карточкой города. За часовое мероприятие организаторам предстояло объять несколько веков истории, от становления города и его развития до наших дней, затронуть трагические страницы истории России: войну 1812 г., Великую Отечественную войну, тему СВО, а также раскрыть тему утверждения культуры русского мира в новых реалиях. Проведение фестиваля приурочено ко Дню Крещения Руси, дню перенесения мощей преподобного Серафима Саровского и дню окончания полномасштабных реставрационно-ремонтных работ в Воскресенском соборе Арзамаса. Основная задача гала-концерта – погрузить зрителя в самобытный мир, используя новейшие технологии.

На фоне быстро развивающейся праздничной индустрии и формирования огромного количества жанров и форм подачи праздничного материала понятие театрализации до сих пор имеет разное толкование [1. С. 5–7.] Одни подразумевают под ним наличие ведущих, другие – наличие сценок-интермедий, отрывков из спектаклей, третьи сходятся на том, что действие должно развиваться по театральным законам: завязка, развитие действия, кульминация и финал. Но все сходятся на том, что театрализация – это творческий метод создания представления, имеющего единый художественный образ и конкретную актуальную тему. Для создания образа в театрализованном концерте используются выразительные средства: сюжетный ход, ролевая персонификация ведущих, сценография, костюмы, грим, сценическая атмосфера. Содержание же должно раскрывать тему, связанную с определенным событием.

Номера разных жанров присущими им средствами (словом, пением, танцем, музыкой и др.) с разных сторон должны освещать заданную тему. Театральная атмосфера создается с помощью света, звука мультимедийных экранов, оформления сцены и других средств выразительности. В этой статье попробуем рассмотреть основные особенности работы в жанре мультимедийного концерта, остановившись на методе театрализации как основном принципе работы.

Активное развитие индустрии развлечений и включение в этот процесс огромного количества человеческих ресурсов к началу XXI века привели к хаотичному появлению всевозможных *event*-агентств, не всегда отличающихся профессионализмом и выполняющих свои обязательства перед заказчиками качественно. В результате в эту индустрию стали стекаться люди,

не имеющие отношения к праздничной индустрии: декораторы, видеографы и фотографы, стилисты, визажисты и медиахудожники, образуя своеобразный «плавильный котел». А тем временем с развитием технологий у режиссеров появилось огромное разнообразие инструментов для постановки всевозможных представлений и шоу. Все чаще в праздничных мероприятиях прибегают к технике театрализации, и мы можем предположить, что это отнюдь не исключает связь с активным развитием технической оснащённости сценических площадок. Так всевозможные светодиодные экраны, лазерные и световые установки становятся помощниками в режиссерской и актерской работе. На первый взгляд, вовлечение зрителя в происходящее становится не такой уж сложной задачей: захватывая его внимание и переключая с одного действия на другое, его погружают в особый мир театра и иллюзий, однако это предъявляет высокие профессиональные требования к режиссеру и его команде [3].

Синтез искусств, слияние мультимедийных технологий при объединенности одной тематической линией рождает новый жанр – театрализованный мультимедийный концерт, в котором действие может происходить параллельно на нескольких площадках. Являясь сильнейшим средством воздействия на человека, этот жанр завоевывает все большее внимание режиссеров.

Что же такое театрализация? О. Д. Дашковская дает следующее толкование: «...организация единого действия на основе драматургического сценария и режиссерского замысла, подчиняющего себе все составляющие происходящего события» [2]. Суть этого метода заключается в создании зрелищно активной ситуации, в которой зритель является также и участником. Театрализация имеет глубокие корни не только в профессиональном искусстве, но и в народном, истоки которого кроются в обрядовых действиях.

Исследователь С. К. Борисов в труде «Основы драматургии театрализованного действия» выделяет две стороны театрализации:

1. Сценарная театрализация – творческий способ превращения документального материала в художественный.
2. Режиссерская театрализация – творческий способ приведения сценария к художественно образной форме представления через систему изобразительных, выразительных и иносказательных средств [1. С. 71].

Но существует еще и третий вид работы с материалом, именно он использовался при разработке сценария гала-концерта фестиваля «Арзамасские купола 2023». Третий вид – театрализация смешанного вида, то есть использование первого и второго метода, – включает компиляцию и создание нового. Построена по принципу тематического отбора и сведения двух видов театрализации в композицию с помощью сквозного сценарно-режиссерского хода и привнесения в эту основу своего оригинального авторского видения и решения.

Так, сквозным сценарным ходом были главные герои спектакля – учитель и ученики, на глазах у которых происходят эпохальные события прошлого. Они являются и свидетелям происходящего, и основными действующими лицами, меняющими ход спектакля. Эти герои выбраны неслучайно, ведь 2023 г. указом президента Российской Федерации объявлен Годом педагога и наставника.

Как в основе любого спектакля лежит идея, которая чаще всего оформлена в письменный текст, так и в театрализованном концерте разрабатывается литературный сценарий, который в дальнейшем наполняется музыкой, хореографией, живописью, фрагментами художественных и документальных фильмов, оригинальными жанрами (пантомима, фланкировка, акробатика, цирковые номера: жонглирование, эквилибристика, клоунада), костюмами, бутафорией, декорациями, светом, машинерией, пиротехникой. В сценарии концерта особое внимание было уделено подбору литературного материала, ведь он нес не только развлекательную функцию, но также образовательную и воспитательную, был призван пробудить патриотические чувства зрителей. Тщательно продуманная речевая характеристика главных героев – Ивана Грозного, епископа Моисея, Сергия Страгородского – создана на основе документальных источников. В спектакле прозвучали стихи Пушкина, Есенина, Тютчева, а также стихи Расула Гамзатова «Нас двадцать миллионов», призванные почтить память воинов Великой Отечественной войны. Выбор последнего автора неслучаен, ведь в 2023 г. празднуется 100 лет со дня рождения поэта. Кульминацией спектакля стало стихотворение «Русский мир», написанное Н. В. Суздальцевой и исполненное учениками Арзамасской православной гимназии.

Особое внимание уделялось и подбору музыкального сопровождения. Основным музыкальным фоном стала музыка двух великих русских композиторов – Петра Ильича Чайковского и Сергея Васильевича Рахманинова (в 2023 г. отмечалось 150-летие со дня его рождения). Симфонические фантазии С. В. Рахманинова «Утес» и «Вокализ» явились связующим звеном театрализованного концерта и стали лейтмотивом всех исторических картин. Торжественная увертюра «1812 год» П. И. Чайковского стала апофеозом всего фестиваля.

Музыкальные произведения, прозвучавшие на гала-концерте, отбирались с учетом тематической канвы: русские народные, плясовые, казачьи песни, композиции, посвященные войне 1812 г. и Великой Отечественной войне. В финале концерта прозвучала песня сопредседателя жюри конкурса, композитора, заслуженного работника культуры Донецкой Народной Республики, члена Союза композиторов Евразии Михаила Николаевича Хохлова «Молитва за Донбасс».

Форма проведения современных культурно-массовых мероприятий весьма разнообразна. Существует огромное количество выразительных

средств, в выборе которых режиссер-постановщик абсолютно свободен. Стремление удивить зрителя, завладеть его вниманием и оставить неизгладимые впечатления способствует привлечению в театрализованный концерт всевозможных мультимедийных инструментов.

Мультимедиа – это контент, или содержание, который одновременно передается в разных формах: звук, анимированная компьютерная графика, видеоряд.

Использование 3D-проекций, теле- и киноэпизодов, сложной световой и лазерной аппаратуры становится неотъемлемой частью любого театрализованного представления. Все чаще это не просто техническое сопровождение мероприятия, выполняющее функцию «обоев», а самостоятельные тщательно разработанные линии, которые требуют особого внимания со стороны режиссера-постановщика.

Для удобства в работе на мобильных площадках, чтобы свести к минимуму человеческий фактор, звук, свет, экран линейно прописывают, тщательно синхронизируют между собой (вымеряют тайминг) и соотносят со сценическим действием. С одной стороны, облегчая тем самым задачу звуко-режиссерам и техническим службам, с другой – увеличивая ответственность актеров во время выступлений. Мультимедийный контент представлен в записи, что исключает возможность форс-мажорных обстоятельств во время выступления актеров.

Музыкально-звуковое оформление – одна из самых важных составляющих мультимедийных театрализованных концертов. Включение и выключение микрофонов, динамика музыкального сопровождения и звуковых спецэффектов часто являются проблемой и могут нанести огромный урон всему представлению. Внимание режиссера-постановщика должно быть акцентировано именно на качестве звука, так как недочеты будут иметь непоправимые последствия. В студии звукозаписи тщательно прописывались и выверялись интонации актеров, просчитывалось время на смену мизансцен, сводились ансамбли и накладывались спецэффекты, подбирались качественные фонограммы и удобные тональности.

Машинерия, пиротехника и лазерные установки тоже стали неотъемлемой частью всевозможных представлений и шоу. Как и на любом мероприятии, необходимо помнить о безопасности как актеров, так и зрителей, тщательно рассчитывать мощности используемой техники.

Отметим, что развитие технических возможностей в постановке праздничных мероприятий лишь усложнило работу режиссера-постановщика, возросла его ответственность за качество используемых приемов и методов. Так, в гала-концерте были использованы серпантинные фонтаны, спайк-фонтаны,

бутафорские пушки с шумовыми зарядами и мультимедийная лазерная проекция на фасаде Воскресенского собора.

С расширением мультимедийных приемов работы усложнилась и работа актера. Отвлекая внимание зрителя на спецэффекты, мы ставим актера в рамки не проживания роли, а скорее в заранее отработанные режиссерские штампы, выверенные мизансцены и действия. В спектакле было задействовано более 70 артистов разных жанров и более 200 костюмов. Танцевальный коллектив «Мозаика», ансамбль песни и пляски «Казачий хутор», солисты Нижегородского государственного академического театра оперы и балета им. А. С. Пушкина, воспитанники Арзамасской православной гимназии, работающие одновременно на двух площадках, слаженно и выверенно выполняли поставленные режиссером задачи. Поскольку спектакль собирается непосредственно на площадке, вовлеченность в процесс, максимальная активизация внимания и высокий профессионализм требовались от каждого артиста. Несмотря на механическую отточенность при грамотной режиссерской работе, подобные представления оставляют незабываемые впечатления у зрителя.

Успех конечного продукта зависит от качественной проработки на каждом этапе постановки спектакля, начиная от разработки идейно-тематического замысла и заканчивая концертным выступлением, но сколько же остается за кадром: разработка сценарного плана и литературного сценария, режиссерско-постановочного проекта и монтажного листа, звуковая и световая партитуры и мастеринг, план организации, график репетиций, подбор артистов и партнеров, художественное оформление сцены, костюмов, декорации и реквизита, и все это невозможно без профессиональной команды сценаристов и режиссеров, балетмейстеров, звукорежиссеров, бутафоров, гримеров и рабочих сцены. Несмотря на сложность работы в жанре театрализованного мультимедийного концерта, жанр остается самым интересным и востребованным для зрителя и не менее привлекательным для творческой команды, позволяет импровизировать с выбором методов и инструментария, привлекая все новые формы работы и синтезируя разные виды искусств.

Литература:

1. Борисов С. К. Основы драматургии театрализованного действия: Уч. пос. Челябинск: Челябинская гос. академия культуры и искусств, 2011. 207 с.
2. Дашковская О. Д. Организация досуговой деятельности: Лекции. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 75 с.
3. Туманов И. М. Режиссура массового праздника и театрализованного концерта. М.: Просвещение, 1976. 88 с.

БОРИСЕВИЧ ИГОРЬ ЛЬВОВИЧ

член Российского союза писателей,
Чита

Когда вернетесь вы с войны

*Когда вернетесь вы с войны –
Не знаю точно этой даты,
Но знаю, что вернетесь вы,
России верные солдаты.*

*Вернетесь к детям и жене,
Пройдя сквозь смерть, пройдя сквозь беды...
Не раз вы видели во сне,
Как возвращаетесь с Победой.*

*Война на плечи вам легла
Невыносимой, тяжелой ношей...
Но защищает вас от зла
Молитва той, кто всех дороже.*

*И вы идете по войне,
Молитвой этою хранимы,
И потому вы на земле
Для всех врагов – непобедимы.*

*Ни перед кем и никогда
Вы не вставали на колени,
И это будет так всегда,
Где русский дух – не быть измене.*

*И верю я, вернетесь вы
Домой, когда-нибудь, с Победой,
Как возвращались в дни весны
С войны Великой – ваши деды.*

Я пройду по полю русскому

*Я пройду по полю русскому,
По нескошенной траве,
Я тебя, Россия, чувствую,
Мы давно с тобой в родстве.*

*И душой и сердцем радуюсь
Прозвеневшему дождю,
Разноцветной в небе радуге
Я улыбку подарю.*

*Ты моя, Россия добрая,
Ты за все меня прости,
Красотою бесподобною,
Словно счастьем, напои.*

*Подари мне осень яркую,
Зиму белую в снегу,
Лето солнечное, жаркое,
Ночку нежную в стогу.*

*Я за жизнь, мне Богом данную,
Небеса благодарю,
За любовь уже нежданную
Им спасибо говорю.*

*Я пройду по полю русскому,
В небо чистое взгляну,
Я тебя, Россия, чувствую,
И в душе своей храню.*

Я люблю тебя, Родина!

*Я люблю тебя, Родина!
Я люблю тебя, Русь!
Зазвучала мелодия,
В ней послышалась грусть.*

*В ней послышалась вечная
Тайна русской души,
Над землей бесконечною,
В первозданной тиши.*

*Над озерами синими,
Над зеленой тайгой
С переливами дивными
Голос слышится твой.*

*Над полями широкими
И над руслами рек,
Над горами высокими –
Эта песня навек.*

*Ты любимая самая,
Нет на свете другой,
Как девчонка упрямая
С золотистой косой.*

*Для врагов непокорная,
Ты не шла на поклон,
Русь моя чудотворная,
Слышу в небе твой звон.*

Скажи, зачем тебе Россия?

*Скажи, зачем тебе Россия?
Какая в ней тебе нужда?
Отвечу, что без этой сини
Не буду счастлив никогда.*

*Небес таких высоких, ясных
На белом свете больше нет,
Они мне дарят свой прекрасный,
Неповторимый, чистый свет.*

*Таких просторов необъятных
Не встречу больше я нигде,
Красот таких невероятных,
Где травы моются в дожде.*

*Нигде такой раздольной воли
Я в целом мире не найду,
До счастья полного, до боли
Тебя, Россиюшка, люблю.*

*А если вдруг беда случится,
Придет на землю нашу враг,
Мы за Россию будем биться,
За дом родимый, за очаг.*

*За ту березу за окошком,
Что мне дарила красоту,
За одуванчик у порожка,
За детства светлую мечту.*

*В окладах старые иконы,
Под ними свеч дрожащий свет,
Колоколов печальных звоны
По тем, кого уж с нами нет.*

*Скажи, зачем тебе Россия?
За что так жизнью рисковать?
Отвечу: в ней – любовь и сила!
Она для нас – родная мать!*

ЕЛИСОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

заслуженный учитель России,
Кулебаки, Нижегородская область

Евангельские места на Святой земле

В Кане Галилейской

*Случайный взгляд на канское окно –
И ты на свадьбе в Галилейском море.
Преображение воды в вино –
Предвестник света на горе Фаворе.
И тот сосуд, наполненный Христом
Вином любви Божественным, – тот самый.
Теперь на нем стоит святой престол
В ограде неба, как подножье храма.
Из этой чаши пили, как нектар,
Росу Небес народы и столетья.
Течет вино, как вечная вода,
До сей поры из Каны Галилейской.*

*Но я пришел сюда не за вином
И не на свадьбу гостем самозванным.
Я шел всю жизнь за Небом, за Христом
С виной за грех, но все-таки желанным.*

Вифсаида

*О Вифсаида – город в Галилее,
Ищу тебя, как древнюю мечту.
Я на земле апостола Андрея,
Что первым обратился ко Христу.*

*Но где же ты, рыбацкая столица,
Где эта весь, где Первозванный жил?
Пустое место вместо Вифсаиды,
И даже нет ни зданий, ни могил.*

*Сплошные камни как напоминанье,
Что нет ни стен, ни вечных городов.
Они как притчи, как напоминанья
Звучат для нас, весомей всяких слов.*

*Есть пища Неба, есть Творец той пищи,
Источник жизни и любых даров.
Ее получит и мытарь, и нищий
На месте умножения хлебов.*

*С Ним можно жить, имея лишь две рыбы,
Пять сухарей на тысячи людей.
Небесный город выше Вифсаиды.
К нему пришел апостол наш Андрей.*

*И будет Русь крещеная веками
Нести свой крест апостольских церквей,
Граничить с Вифсаидой, с Небесами,
Как завещал рыбак по имени Андрей.*

Благовещенский источник

*Назаретский источник – как в вечность река.
Не коснулись его беспокойные годы.
А ручей все журчит, несмотря на века,
Отдавая свою благовестную воду.*

*Как когда-то собой он поил Назарет.
До сих пор он хранит родниковую силу.
К этим водам Мария пришла на заре
И с зарею в душе приняла Гавриила.*

*Сам архангел принес ей желанную весть
О грядущем рождении Сына-Младенца,
А источник журчал в неземной синеве,
И стучали в Марии от счастья два сердца.*

*И узнала земля про источник святой,
Что впадает поныне и в души, и в Небо,
Как Мария девицей пришла за водой,
А вернулась домой Богоизбранной Девой.*

*Вот и я к тишине прикоснуться хочу
Этих вод, что мне силы свои подарили.
Предо мной Божий храм словно чудо из чуд,
Благовещенский дух и колодец Марии.*

Иордан

*Теченье вод земных так быстротечно.
Года текут, как вешняя вода.
Река Христа, впадающая в вечность,
Прими меня в Небесный Иордан.
На берег Неба много Богом званный,
На остров рая, как паломный гость,
И вот я здесь, крещенный Иорданом,
Омою сердце водами его.
Как благостна была к тебе дорога
Через всю жизнь, стихии и стихи.
Река спасенья, что вместила Бога,
Вмести меня и смой мои грехи.
Я не могу теперь уж жить как прежде,
Прошу одно: «Господь, преобрази!»
И вот вхожу с молитвою крещенской
В источник духа, святости и сил.
Кем выйду я из этих вод Небесных,
Что донесу я сердцем неспроста?
Омой мне душу, Господи, чудесно,
Чтоб в каждом встречном видеть лик Христа.
И пусть Твой голубь надо мной летает.
Питай мой дух, священная вода.
Христос со мной, и Он меня встречает.
Войди в меня, как входят в Иордан.*

Гора искушений

*Евангельский голос в молчанье Христа
Взывает к Небесным вершинам.
Гора искушений, где дьявол застал
Молящимся Божьего Сына.*

*Иисус с Иордана поднялся сюда
В молитве за будущим словом.
А дьявол ему говорил о хлебах
И камнях от царства земного.*

*Лукавые речи и черное зло
Манили за суетной славой.
Весь мир предлагал за один лишь поклон
Творец клеветы и соблазнов.*

*И горы услышали четкий ответ
На все нападения, проклятья:
«Служить нужно Богу, как учит Завет,
И только Ему поклоняться».*

*И снова молчанье впитала гора,
А камень – дыханье молитвы.
О чем Он молился с утра до утра?
Слезами те камни политы.*

*И так сорок суток один за весь мир
Среди раскаленной пустыни.
Потом Он пойдет со словами любви
Свершать по земле литургию.*

*Закончился пост в иерихонской жаре.
Христос победителем вышел.
Я не был ни разу на этой горе,
Но голос лукавого слышал.*

На горе искушений

*Здесь путник не встретит пустынного ветра.
Горячее солнце и огненный зной.
Гора искушений, четыреста метров
Наверх, чтобы спорить с самим сатаной.*

*Постом и молитвой сдвигаются камни
Не ради чудес, но во имя любви.
У этой горы есть особая память,
Она как свидетель Христовых молитв.*

*Когда ты взбираешься медленно в небо,
Оттуда увидишь, что всё суета.
Что может быть лучшего духовного хлеба,
Что может быть выше любви и Христа?*

*Не царство страстей, не богатства и яства
Способны насытить душевный покой.
Христос указал на иные пространства,
Когда был испытан самим сатаной.*

*И Он победил окаянную нечисть,
За все заплатив Своей кровью сполна.
А я покидал монастырь Искушенья
С крестом, что мне дал одинокий монах.*

У Галилейского моря

*Тишина на библейских просторах.
Вот и пристань Иисуса Христа.
Подойду к Галилейскому морю,
Как апостолы к рыбным местам.*

*Вот по этой воде невесомой
Сам Господь, как посуху, ходил,
Пробуждая уснувшую совесть,
Хлебом мудрости души кормил.*

*Здесь Он рыбу в апостольский невод
Посылал по молитвам Своим,
И хватало и рыбы, и хлеба
Тем, кто шел по пути рядом с Ним.*

*Здесь взывал Он к Небесной Отчизне,
Обращая к нам притчи Свои.
Не судом встретил блудного сына,
А слезами отцовской любви.*

*Свет несметных богатств вечных истин
Он дарил Божьей славой Своей.*

*Здесь Он сыпал евангельский бисер
В прокаженные души людей.*

*В этих волнах времен быстротечных
Среди горных пород и камней
Он молился, а бесов, как нечисть,
Отправлял их стадами в свиней.*

*Пусть житейское море не вечно,
Ныне здесь ты, а завтра таков –
Бог за каждой заблудшей овечкой
На Голгофу подняться готов.*

*Горизонты Небесных просторов
Открывают богатства свои.
Колыбель Галилейского моря,
Где когда-то Христос проходил.*

Гора блаженств

*Сад заповедный, рай моей мечты,
Поляна света и оазис жизни.
Здесь на горе блаженств растут цветы
Корнями в Небо, к неземной Отчизне.
Слова и камни радостно сжились,
И говорят Евангелием горы,
И я стою под куполом любви,
Где Ты зовешь меня в Свой вечный город.
Дойду ли я, неведомо еще,
Но путь один единственный и верный:
С ключом любви – крестом, а не мечом.
Моя опора – крест Твой заповедный.*

Храм встречи Марфы и Марии

*Вифанский сад стоит среди пустыни,
Благоухает ароматом роз.
Здесь раньше был дом Марфы и Марии,
Где отдыхал на камне Сам Христос.
На нем Он вел спасительные речи,
Кормив духовным хлебом двух сестер.
Он подарил им с Небесами встречу
Так, что Мария забывала обо всем.
А Марфа больше помнила о яствах*

*Тех, что питают тело, а не дух.
Прошли века, сменились государства,
Что изменилось в городском саду?
Затихли споры, разные наречья,
И опадала всякий раз листва,
Но это место стало храмом встречи.
Свидетель – камень, слышавший Христа.
На нем свершалась Божья литургия,
И проступали слезы, как роса.
В моей душе есть Марфа и Мария,
Пока живу, их слышу голоса.*

Гробница Лазаря

*Вифания – дом праведных плодов,
Земля души апостольского века.
Как много здесь евангельских следов
На месте воскресенья человека.
Ступеньки вниз, в пещеру тишины,
Где упокоен был в гробнице местной
Набесный Лазарь – христианский сын.
Его поднял Христос из смертной бездны.*

*Чтоб вышел он из гробной пелены
И показал знаменье из знамений
Для всех, кто смотрит в жизнь из глубины,
Для тех, кто ищет вечность и спасенье.*

*Узка пещера, двадцать семь ступеней вниз,
Но вверх шагал здесь Лазарь воскрешенный.
Иду во гроб, чтобы осмыслить жизнь,
Чтоб выйти вновь на землю обновленным.*

*Молюсь и плачу над своим житьем.
Живу в объятьях у греха в утробе.
А рядом смерть – сокровище мое.
Но оживаю в Лазоревом гробе.*

Мамврийский дуб

*Мамврийский дуб, Хевронская долина,
А рядом храм как мачты корабля,
Столица веры и царя Давида,
А корни – как кресты и якоря.*

*Ты пережил эпохи и столетья,
Лукавый мир не смог тебя сломать,
И ты стоял, проникнутый бессмертьем,
Корнями в вечность, чтоб весь мир держать.*

*Ты будешь видеть и кончину света,
Как видел Духа, Сына и Отца.
В твоих ветвях дорога к двум Заветам
От сотворенья мира до конца.*

*И вот стою перед тобою, старче,
Перед твоим молчаньем всех эпох,
Но в тишине веков ты горько плачешь,
Засохший дуб, но дух твой не засох.*

*Еще растут отростки для дубравы,
А значит, миру подается шанс.
Тобой торгуют – желудем и славой –
От сотворенья мира до конца.*

*И нет конца той страсти беззаветной.
Довольно нам испытывать судьбу,
Когда конец у жизни, мира, света?
Я спрашивал – молчит Мамврийский дуб.*

Фавор

*Есть на земле гора – подобье рая.
Фавор – утес небесной глубины.
Душа поет, а сердце замирает
От созерцанья света тишины.*

*Стою на камне веры и спасенья,
А воздух дышит горной чистотой.
Прошу одно – пошли Преображенья
Моей души фаворской красотой.*

*А солнце ходит рядом с облаками,
И первый дождик хочется принять.
Слова молитвы льются ручейками
Ко всем святым, что смотрят на меня.*

*И льются слезы не от ран душевных,
Не от греховных тягостных тревог,
А просто Бог коснулся, как волшебник,
И подарил увядаемый цветок.*

*Здесь у иконы в благодатном свитке,
На этом камне, где ученикам
Преобразился Сам Господь при жизни,
Чтоб вознести нас к новым Небесам.*

*Стою на небе рядом с облаками
Со мной преображенная весна.
Ты, как паломник, ходишь рядом с нами
Здесь на Фаворе, я Тебя узнал.*

Крест на Фаворе

*Знак покаянья, символ совершенства
Не затерялся в прожитых веках,
А на Фаворе крест Преображенский
Из облаков был явлен свысока.*

*Такой же крест в дивеевских просторах
Увидел я в душевной тишине.
И вот он мне явился на Фаворе
И прикоснулся облаком ко мне.*

*Куда бы я ни двигался по свету,
Он, как икона вечности, со мной,
Христос его оставил мне как метку –
Ориентир Небесный и земной.*

*Вот он в стене, я вижу отпечаток
Его страданий с крестного пути.
Вот под ногами, слившийся с брусчаткой,
Перед Голгофой в камне проступил.*

*Иду за ним, хоть часто и плутаю,
Чтоб он опорой моей жизни стал.
Других крестов себе не выбираю
И уповаю только на Христа.*

**КАСПРАНСКИЙ РАВИЛЬ РУХУЛБАЯНОВИЧ –
ОСНОВАТЕЛЬ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ
«ЯЗЫКОВАЯ НОРМА. ВАРЬИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ»**

Р. Р. Каспранский (1926–1990) – крупный отечественный специалист в области разговорной речи, ученый-лингвист, специалист в области немецкого языка, признанный академическим сообществом как видный профессионал. Любовь всей его жизни – лингвистика.

Изучив ряд языков (он владел немецким, английским, русским, татарским, башкирским, польским, казахским, балкарским, узбекским и др.) и тем самым став полиглотом, он перешел к серьезному, на научном теоретическом уровне, изучению языкознания.

Не менее важно подчеркнуть и то, что Равиль Рухулбаянович был участником Великой Отечественной войны, тем самым подтвердил свою твердую гражданскую позицию. В боевых действиях он участвовал с 1944 г., после окончания средней школы (место призыва – Горьковский областной военкомат), а Великую Победу встретил в звании младшего сержанта Рабоче-крестьянской Красной армии. Воспроизведем описание подвига воздушного стрелка-радиста Р. Р. Каспранского языком документа: «Тов. Каспранский участвуя в боях против фашистских захватчиков, умело держал радиосвязь между экипажами в воздухе и наземными радиостанциями. Участвовал в 2-х воздушных боях, при которых отражал атаки истребителей противника». Демобилизован в 1948 г.

Награжден медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», «За доблестный труд», «40 лет Вооруженный сил».

С 1948 по 1951 г. Равиль Рухулбаянович работал учителем немецкого и русского языка в школах Башкирии.

В 1955 г. окончил факультет иностранных языков Башкирского государственного педагогического института имени К. А. Тимирязева. Выпускник был определен на должность ассистента кафедры немецкого языка, а с 1960 по 1963 г. учился в аспирантуре Первого Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза. В январе 1964 г. именно там он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Спектральный анализ носовых согласных немецкого языка». С 1963 по 1964 г. – старший преподаватель кафедры немецкого языка Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября.

В 1965 г. был приглашен на работу в Горьковский государственный педагогический институт иностранных языков и сразу активно включился в деятельность коллектива, в 1966 г. возглавил филологическое объединение института. С 1979 по 1979 г. исполнял обязанности декана факультета немецкого языка.

Впервые в истории ГГПИИЯ коллектив под руководством Р. Р. Каспранского и при всецелой поддержке ректора К. В. Сизова основательно занялся экспериментальной фонетикой. В 1968 г. начала функционировать экспериментальная лаборатория акустики речи (ЭЛАР). Равиль Рухулбаянович вкладывал свою душу в научную работу, возглавляя

деятельность коллектива лаборатории. Но его работа не сводилась только к этому виду деятельности. Каспранский вел занятия по истории немецкого языка, теоретической фонетике, общему языкознанию. С 1975 г.

был заведующим кафедрой немецкой филологии, ее доцентом, а с 1983 г. – профессором. Получил звание «Отличник народного просвещения СССР».

В рамках ЭЛАР проводились исследования сегментных и супraseгментных средств немецкого, английского и французского языков. На первых порах работа лаборатории велась в тесном сотрудничестве с Институтом языкознания АН СССР, Киевским институтом иностранных языков, Московским лингвистическим университетом.

ЭЛАР создала возможности проведения научно-теоретических и прикладных исследований по темам одной докторской диссертации (Р. Р. Каспранский. «Реализация фонологической системы в речи». Защищена в 1982 г.) и нескольких кандидатских (Э. Г. Курятникова, В. М. Бухаров, С. Е. Говердовская, В. Л. Успенский и др.). Всего под руководством Р. Р. Каспранского было написано и защищено 11 кандидатских и докторских диссертаций. В рамках проблематики, разрабатываемой ЭЛАР, было опубликовано более 10 сборников научных трудов. Свою докторскую диссертацию Равиль Рухулбаянович успешно защитил в Институте языкознания АН СССР.

Труды доктора филологических наук, профессора Р. Р. Каспранского «Теоретическая фонетика», «Очерк теоретической и нормативной фонетики (немецкого и русского языков)» и ряд других (всего более 100) во многом способствовали дальнейшему развитию лингвистического научного знания в стране. Действительным подтверждением мировой научной значимости и известности школы Р. Р. Каспранского служат факты его выступлений на международных конгрессах и конференциях в Германии, Венгрии, Дании. В 1974 г. он был приглашен в Англию для выступления с докладом на VIII Всемирном конгрессе по фонетическим знаниям (город Лидс), а в 1979-м заведующий кафедрой немецкой филологии, доцент Каспранский был рекомендован делегатом на IX Международный конгресс фонетистов в Данию (Копенгаген).

Такие люди, как Равиль Рухулбаянович Каспранский, составляют гордость Нижегородского государственного лингвистического университета. Материалы о нем хранятся в Музее НГЛУ.

О. Н. Сеньюткина

Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н. А. Добролюбова,

Нижний Новгород

E-mail: senutkina@mail.ru

ДОБРОТА: ПАМЯТИ ИРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ВОЩИНИНОЙ

Кафедра иностранных языков МГТУ им. Н. Э. Баумана – одна из старейших в нашей стране. Преподавание иностранных языков (французского, немецкого и латыни) началось еще в XVIII столетии в Воспитательном доме, на базе которого в 1830 г. возникло Московское ремесленное учебное заведение для мальчиков. Постепенно РУЗ трансформировалось в Императорское Московское техническое училище. До революции преподавателями иностранных языков (немецкого, французского, английского) в ИМТУ были только мужчины. В училище имели право вести занятия по иностранному языку не только те, кто закончил курс в высших учебных заведениях, но и действительные или бывшие студенты университетов. Например, преподаватель английского языка Владимир Александрович Смирнов был студентом университета, а Александр Николаевич Фон-Гартман – бывшим студентом Дармштадского университета. С 1930 г. – с официального основания кафедры по 1976 г. кафедрой возглавляла профессор Мария Станиславовна Красинская. Она была «красивая, с благородной осанкой, перед ней склонялись все мужчины» [1. С. 268–269].

Мария Станиславовна очень заботилась о здоровом климате коллектива. Она говорила, что знания можно дополучить, но важнее всего человеческие качества <...> поэтому на кафедре был такой коллектив единомышленников, с такой позитивной энергетикой, культурой отношений» [5]. При Красинской существовало негласное правило: мужчин на кафедру не брать. Не все женщины-преподаватели имели высшее образование, но все были, как сейчас принято говорить, «конфликтологически компетентными» [3. С. 155], то есть добрыми и хорошо воспитанными людьми. Преподаватели были женами известных ученых, военачальников, инженеров. Например, заместителем заведующей кафедрой была Ирма Адольфовна Головина, супруг которой принимал активное участие в создании Горьковского автомобильного завода, заведовал лабораториейковки в МВТУ, преподавал. Ирма Адольфовна познакомилась с ним, когда он учился в аспирантуре и принимал участие в составлении отраслевой антологии. Ирма Адольфовна относилась к своей работе очень серьезно. Она не имела высшего лингвистического образования, но имела «непререкаемый авторитет в грамматике английского языка» и «предъявляла самые высокие требования не только к работе, но и к внешнему виду преподавателя» [7]. Коллеги всегда стремились на нее равняться. В 1980 г.

она была награждена орденом Трудового Красного Знамени [11]. Несмотря на серьезность, «Ирма Адольфовна была очень простой в общении, интересовалась жизнью преподавателей и рассказывала о своей жизни» [5]. Так, она рассказывала, что в ее молодые годы в училище имелись комнаты отдыха и там даже были раскладушки, на которых можно было отдохнуть, так как были большие перерывы между занятиями. «...Модная, в шляпке с большими полями, всегда улыбающаяся, приветливая, несмотря на строгость в работе» старший преподаватель Ирина Александровна Воцинина. Она прожила 100 лет и скончалась в марте 2014 г. В Год педагога и наставника Ирине Александровне Воцининой исполнилось бы 110 лет, ее бывшие ученики до сих пор помнят о ней и приносят цветы не только на ее могилу, но и на могилу ее матери – Веры Михайловны Рот.

Весной 2021 г., когда вся страна оказалась в состоянии локдауна, Ирина Ивановна Донскова, заместитель декана по воспитательной работе лингвистического факультета МГОУ, предложила провести в дистанционном формате межвузовский конкурс студенческих работ «Наше наследие». В нем приняли участие и студенты-бауманцы. Студентами третьего курса факультета информатики и систем управления (ИУ) МГТУ им. Н. Э. Баумана был снят документально-игровой фильм об Ирине Александровне Воцининой. Фильм повествует о том, как переплелась история жизни этой женщины и членов ее семьи с историей нашей Родины, МГТУ им. Н. Э. Баумана и Бауманского района Москвы.

Ирина Александровна Воцинина (урожденная Рот, позднее Ротт) родилась 9 октября 1913 г. в Санкт-Петербурге в семье сына губернатора Киева Александра Рота и Веры Рот (урожденной Кондратьевой). Земельные угодья ее деда были довольно большими – равными по площади Тамбовской области в наши дни.

После революции наша героиня лишилась отца – он ушел с белой армией. Испанка не пощадила ее сестру-близнеца Веронику. Ее мама все время боялась ареста после того, как ее второго мужа, брата Александра, арестовали и расстреляли. Она изменила свою фамилию, добавив еще одну букву «о». Ирину фактически удочерили ее родная тетя и ее муж – прочнист, академик Николай Давиденков. В их семье, в доме на ул. Чайковского в Ленинграде она прожила до 19 лет.

В 1932 г. Ирина вышла замуж за Алексея Воцинина. Окончив Ленинградский институт точной механики и оптики, тот начал работать, а затем без отрыва от производства окончил еще и Кораблестроительный институт. Его научная и практическая деятельность с тех пор постоянно была связана с отраслями строительного и дорожного машиностроения. В 1941 г., работая

в Кораблестроительном институте, в возрасте 34 лет Алексей защитил кандидатскую диссертацию.

Когда Ленинград окружили немцы, встал вопрос об эвакуации технической и творческой интеллигенции. Алексей Воцинин был включен в один из первых списков. В это время Ирина Александровна начала работать в эвакуогоспитале. Она вспоминала, что Алексей Ильич ворвался домой поздно ночью и сказал, что есть приказ срочно собираться и вылетать в Челябинск. В это же время из блокадного Ленинграда в эвакуацию вылетала целая группа ленинградских литераторов, среди которых была и Анна Ахматова. С ней Ирине Александровне доводилось встречаться на кухне коммунальной квартиры, где жила ее первая учительница.

Брать с собой родственников было нельзя, поэтому мама Ирины Александровны и семья Давиденковых остались в Ленинграде и вели с ней активную переписку. Эти письма сохранились, были изданы отдельной книгой ее племянниками в 2019 г. и могут многое рассказать о жизни научно-технической интеллигенции в ту пору. «Леша вовремя уехал: после его отъезда на его работе погибло 5 человек» [6. С. 40], – писал академик Давиденков Ирине Воцининой 5 января 1942 г. 20 февраля 1942 г. он сообщает ей: «Получили твое письмо с Челябинского вокзала и горько переживали вместе с тобой все ужасы твоей поездки. Бедная наша дочурка! Постарайся меньше думать о нас и помириться с неизбежным. Знай, что, если бы вы остались, очень вероятно, что вас – а Леша уж наверное – не было бы в живых. Мы держимся только потому, что кое-какие крохи в доме остались» [6. С. 52]. Какие это крохи, становится ясно из его письма от 18 февраля 1942 г. (надо помнить, что все письма проверяла военная цензура, и никто не хотел давать ей лишнюю работу): «У нас недавно были В. В. и Н. А. Андерсоны, рассказали, как они питаются. Они едят так же, как и мы, – столярный клей. Варят сыромятные ремни и их едят. А самое забавное – геморроидальные свечи. Они их кипятят, потом дают застынуть, тогда наверх подплывает масло какао, и едят это самое какао-масло» [6. С. 50]. В такой обстановке академик похудел до 50 кг и стал падать в голодные обмороки. Поэтому было принято решение эвакуироваться. «Дорогая Ириночка! Сегодня и мы включились в эвакуационное настроение и хотим с тетенькой лететь в Москву на самолете Ак. Наук (берут только нас двоих)» [6. С. 72], – писал академик Давиденков 11 июля 1942 г. А 18 июля 1942 г. они улетели, о чем его внучка Марина писала: «Дорогая Иришечка! Сегодня у нас великое горе. Наши любимые Люба и Коля улетели от нас на самолете в Москву...» [6. С. 78]. После сыромятных ремней и столярного клея состояние академика и его жены было очень тяжелое. По прибытии в Москву они были направлены в санаторий на станции

Болшево, где им дали возможность отдохнуть и усиленно питаться. После санатория они жили сначала на ул. Щукина, д. 12. (сегодня это Большой Левшинский переулок, расположенный в пределах Садового кольца между метро «Смоленская» и «Парк культуры»), а в январе 1943 г. поселились «в 2-комнатной квартире по адресу: Москва, 64. Чкаловская ул. д. 21» от метро «Курская». Кроме академика Давиденкова в этом доме в разные годы жили многие выдающиеся ученые и инженеры, включая авиаконструктора П. О. Сухого, выпускника МГТУ им. Баумана.

Академик Давиденков начал работать во Всесоюзном институте авиационных материалов (ВИАМ), расположенном недалеко от Курского вокзала, на ул. Радио. 15 ноября 1942 г. академик Давиденков сообщает Ирине Воцининой: «Мы решили окончательно оставаться в Москве: Очень соблазняют меня в ВИАМе всеми благами – и по работе, и по быту; очень хотят меня у себя видеть. Идут на все условия и этим меня подкупают» [6. С. 94]. Его внучка Марина пишет Ирине через месяц, 13 декабря 1942 г.: «Коленька уже поступил работать в ВИАМ и очень доволен своей службой» [6. С. 99]. В июле 1943 г. Воцинины приехали из челябинской эвакуации в Москву, где временно остановились у двоюродной сестры Николая Давиденкова, а потом получили в подмосковном Реутове двухкомнатную квартиру. Алексей Воцинин возглавил лабораторию в ВНИИ Стройдормаш, а Ирину Александровну приняли на работу на кафедру иностранных языков МВТУ им. Н. Э. Баумана, и она навсегда связала свою жизнь с преподаванием. Ее великолепное владение немецким языком было обусловлено тем, что она была выпускницей старейшей немецкой школы Санкт-Петербурга – Анненшуле, образованной в 1736 г. В 20-е гг. XX века в этой школе вместе с Ириной учился отец известного советского киноактера Андрея Миронова – артист эстрады Александр Менакер. Позднее Ирина Воцинина познакомилась и с маленьким Андреем. Интересно, что в Санкт-Петербурге, как и в Москве, существовала Немецкая слобода, рядом с современным Литейным проспектом. Именно там, на Кирочной улице, и находилась Анненшуле. Когда отмечался 250-летний юбилей этой школы, Ирина Александровна получила официальное приглашение на встречу выпускников. Сегодня в стенах этого исторического здания располагается Президентский физико-математический лицей № 239 города Санкт-Петербурга, среди выдающихся выпускников которого числятся Людмила

А
л
е

Внесен Минюстом России в реестр физлиц, выполняющих функции иноагента.

с
е
е
р

российский математик, доказавший гипотезу Пуанкаре; Алиса Бруновна Фрейндлих, актриса театра и кино.

В Москве Николай Давиденков продолжал заниматься вопросами прочности материалов, а его племянница с головой ушла в преподавание, которым занималась практически до конца своей жизни. На четвертом этаже в южном крыле главного здания МГТУ долгие годы располагалась кафедра иностранных языков. Сейчас там находится факультет международных образовательных программ, аудитории которого оборудованы новейшими техническими средствами. А в далекие 40–50-е гг. студенты сидели в этих классах на скамейках за черными деревянными партами. В арсенале преподавателя были только учебник, мел, доска и личное обаяние. Ирине Воцининой его было не занимать. Оно передалось ей от ее «дяденьки», который всегда был необыкновенно вежлив, снисходителен к ошибкам студентов и никогда не злоупотреблял своим служебным положением. Алексей Воцинин также был очень демократичен в работе со своими аспирантами, предлагал им прислушаться к мнению своих товарищей, никогда не позволял им включать свое имя в список соавторов работ аспирантов.

Безусловно, главными принципами Ирины Александровны в работе со студентами были доброта и уважение. Бессменный руководитель университетского театра-студии «Голос» Татьяна Лисицкая, выпускница МГТУ им. Н. Э. Баумана середины 60-х гг., пришла к ней на первое занятие по немецкому языку десятки лет назад и осталась ее преданным другом на всю жизнь. Она подчеркивает, что доброта и забота были самым главным, что дарила Ирина Александровна своим ученикам: «Она, например, всегда спрашивала у студентов на уроке, как они себя сегодня чувствуют». Даже маленькая дочь Татьяны Лисицкой в первую встречу с Ириной Александровной Воцининой с удивлением сказала: «Какая же она добрая». Герман Реш отмечает, что Ирина Александровна по дореволюционной традиции (о ней упоминает в своих воспоминаниях ее племянница Л. П. Мясникова) приглашала своих учеников (том числе аспирантов) к себе домой для занятий, угощала их кофе или чаем и не столько объясняла им учебный материал, сколько просто беседовала с ними на немецком языке. Переступив порог ее дома, ученики должны были обязательно переходить на немецкий язык. В романе «Анна Каренина» Л. Н. Толстой описывает эту методику обучения иностранным языкам, существовавшую в дворянских семьях, и устами Константина Левина осуждает ее, несмотря на ее бесспорную эффективность, потому что она приучает детей к неискренности и притворству. «“И для чего она говорит по-французски с детьми? – подумал он. – Как это неестественно и фальшиво! И дети чувствуют это. Выучить по-французски и отучить от искренности”, – думал он

сам с собой, не зная того, что Дарья Александровна все это двадцать раз уже передумала и все-таки, хотя и в ущерб искренности, нашла необходимым учить этим путем своих детей» [8. С. 289–290]. С Толстым согласны британский историк О. Файджес и авторы одноименной киноадаптации романа, созданной в 2012 г., Том Стоппард и Дж. Райт. Они уверены, что «одержимость» французским языком и французской культурой привели к потере культурной и национальной идентичности русских аристократов. Но стоит учесть, что Ирина Александровна была наполовину немкой, поэтому разговаривать по-немецки для нее было вполне естественно. Ее личностные качества – необыкновенная красота, обаяние, доброта, интеллигентность и высокая культура – очаровывали всех, и гости не могли отказать себе в удовольствии побеседовать с ней хотя бы по-немецки. После смерти мужа в конце 60-х гг. Ирина Воцинина была окружена заботой учеников. Она была верующим человеком, и сын ее друзей Дмитрий Рост всегда помнил об этом и приносил ей к Рождеству живую ель. Ее венгерская ученица Эмма приглашала уже 80-летнюю Ирину Александровну к себе погостить. Другая ее ученица, как и Татьяна Лисицкая, привозила к ней своих маленьких детей: грудную дочку и трехлетнего сына, про которого Ирина Александровна в шутку говорила, что он стал ее последней любовью. Бывая в Санкт-Петербурге, ее ученица и поныне приходит на Северное кладбище возложить цветы на могилу ее мамы – Веры Михайловны Роот. В день рождения Ирины Александровны в гостиной ее дома весь ковер был заставлен вазами с цветами и засыпан поздравительными открытками. Звонки с поздравлениями не замолкали ни на минуту. Начиная с ее 75-летнего юбилея все ученики собирались у нее дома 9 октября. Традиция этих встреч не прервалась и после ее смерти: в день рождения Ирины Александровны ученики приходят к ней на могилу на Никольское кладбище.

Л. Н. Толстой писал: «Добро есть вечная, высшая цель нашей жизни. Как бы мы ни понимали добро, жизнь наша есть не что иное, как стремление к добру, то есть к богу.

Добро есть действительно понятие основное, метафизически составляющее сущность нашего сознания, понятие, не определяемое разумом.

Добро есть то, что никем не может быть определено, но что определяет все остальное» [9].

Его представление о добре совпадает с христианским пониманием любви, про которую апостол Павел говорил: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, на все надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся,

и языки умолкнут, и знание упразднится» [4]. В эпоху постмодерна, когда характерное для Нового времени позитивистское преклонение перед наукой и «знанием» ушло в небытие, ни «актерское мастерство», ни «риторика и ораторское искусство», ни «создание и продвижение личного бренда» квалификации для вузовских преподавателей, не помогут педагогу обрести уважение к ученикам, чувство «справедливости, такта», не научат его быть терпимым, то есть не «осуждать», не «требовать от других того, что сам соблюдать не в силах» [2]. Многочисленные компетенции не помогут педагогу достичь и десятой доли тех результатов, которых легко добиться любовью, добрым отношением к людям и личным примером. Ирина Александровна Воцинина прожила нелегкую жизнь: революция, Гражданская война, испанка, сталинские репрессии, ленинградская блокада. По воспоминаниям Германа Реша, она всю жизнь боялась, но, как ни странно, такого радостного и веселого голоса не было ни у кого из его знакомых. Страх не сжал ее горло, не сковал и не ожесточил ее сердце. Он заставил ее быть более милосердной и доброй. Она проявляла завидное долготерпение уже в очень преклонном возрасте, занимаясь, как отмечала Татьяна Лисицкая, «совершенно бесплатно» с девушкой, у которой был церебральный паралич и которая даже по-русски говорила с трудом, но очень хотела учить иностранный язык. В более ранние годы ее коллега вдруг почему-то стала ее избегать. Ирина Александровна не мыслила зла. Через много лет, когда они возобновили общение, Ирина Александровна узнала правду. Женщина, рискуя оказаться в сталинских лагерях, специально прервала с ней общение, чтобы не докладывать о ней «органам». Глубокое понимание человеческой природы и любовь к людям помогли Ирине Александровне высоко оценить этот поступок.

Говорят, злые люди долго не живут. Злость отнимает у них силы. Чтобы прожить до ста лет, нужна любовь и доброта.

Великомученица Ирина Македонская, в честь которой освящен храм рядом с МГТУ им. Н. Э. Баумана, согласно преданию, обратила в христианство 10 тысяч язычников. Немало женщин, названных в честь этой святой, преподавало в МГТУ им. Баумана, среди них – заведовавшая кафедрой ИНО Ирина Валентиновна Орловская, автор учебника для студентов 1-го и 2-го курса, или Ирина Николаевна Моторина, автор нового учебника для 1-го и 2-го курса. Ирина Александровна Воцинина не оставила после себя учебных пособий, но смогла привить любовь к немецкой культуре своим ученикам и, благодаря своей доброте, оставить память в сердцах профессоров, кандидатов наук, руководителя театра, преподавателя иностранных языков, инженеров, ученых в России, Эстонии, Венгрии, Германии, США и других странах.

Литература:

1. Александров А. и др. Научно-методический комплекс «Фундаментальные науки» – становление и развитие научных школ МГТУ им. Н. Э. Баумана. М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2019. 314 с.

2. Кодекс профессиональной этики педагога [Электронный ресурс].

U

HYPERLINK "https://tom1.yak-uo.ru/media/site_platform_media/2021/9/15/92kodeks-

и 3. Ляпунцова Е. В., Белозерова Ю. М., Дроздова И. И. [и др.] Высшая школа: традиции и инновации. Актуальные вопросы и задачи системы образования РФ: Монография. М.: РУСАЙНС. 2019. 296 с.

h
1 4. Первое послание к Коринфянам Святого Апостола Павла // Библия
t
Онлайн. 2003–2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibleonline.ru/bible/>
дата обращения: 05.09 2023).

у 5. Прозоровская Н. Н. Эссе Прозоровской Натальи Николаевны. 2015
[Электронный ресурс]. URL: <http://fn.bmstu.ru/postgraduates-fl-en/item/101->
(дата обращения: 05.09 2023).

Р
d 6. Романкова М. П., Романков Л. П., Мясникова Л. П. Прямая речь.
Письма блокадного времени. СПб.: Геликон Плюс. 2019. 146 с.

" 7. Скубриева А. И. Эссе Скубриевой Аллы Ивановны 13 марта 2015

[

Э

дата обращения: 05.09 2023).
д 8. Толстой Л. Н. Анна Каренина: Роман. СПб.: Азбука, АзбукаАттикус,
204. 864 с.

к 9. Толстой Л. Н. Что такое искусство? - VII. Собрание сочинений в
[https://ru.wikisource.org/wiki/Что_такое_искусство%3F_\(Толстой\)/VII](https://ru.wikisource.org/wiki/Что_такое_искусство%3F_(Толстой)/VII) (дата
обращения: 05.09.2023).

о

н 10. Федоров И. Б., Павлихин Г. П. Московский государственный техни-
ческий университет имени Н. Э. Баумана. 175 лет. (1830–2005). М.: Изд-во
МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2005. 352 с.

й 11. Vorotnikov S., Vukolov A., Saschenko D.V., Seccarelli M. Alexander
Alexandrovich Golovin (1939–2013) // Distinguished Figures in Mechanism and
Machine Science. P. 67–84 [Электронный ресурс] URL: <https://www.researchgate.net/>

р

и

б

р

т

е

У

HYPERLINK

"<http://fn.bmstu.ru/postgraduates-fl-en/item/100->

е

й

А

а

у

е

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВЕРКИНА Светлана Николаевна (Нижний Новгород), доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы и теории межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова.

БАГАЕВА Ольга Николаевна (Нижний Новгород), кандидат философских наук, доцент кафедры философии, общественных коммуникаций и туризма Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова.

БОРИСЕВИЧ Игорь Львович (Чита), поэт, лауреат в номинациях «Лучшая русская поэзия LITTErcon» (2021), «Лучшая мужская лирика LITTErcon» (2020), лауреат I степени поэтического марафона «Всемирный день поэзии LITTErcon», Paris (2020), лауреат III степени I тура Всемирного литературного конкурса «Ключ поэтической души» (2019), Париж.

ВОРОБЬЕВА Ангелина Игоревна (Нижний Новгород), студентка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

ВЯЗОВОВА Александра Николаевна (Арзамас, Нижегородская область), заместитель директора по воспитательной работе Арзамасской православной гимназии имени святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

ГВОЗДЕВА Инна Андреевна (Москва), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

ГУСЕВА Анастасия Сергеевна (Нижний Новгород), студентка ННГУ им. Н. И. Лобачевского

ГУРИНА Екатерина Петровна (Москва), старший преподаватель кафедры иностранных языков Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана.

ЕЛИСОВ Андрей Владимирович (Кулебаки, Нижегородская область), заслуженный учитель России.

ИЛЬЧЕНКО Татьяна Митрофановна (Арзамас, Нижегородская область), заслуженный работник культуры Российской Федерации, директор департамента культуры администрации г. Арзамаса.

ЛУШИН Александр Николаевич (Нижний Новгород), кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

НИКИШИН Владимир Олегович (Москва), кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

ПОЛЯКОВА Ольга Юрьевна (Нижний Новгород), старший преподаватель кафедры музыкального театра Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки.

РЯПОЛОВ Владимир Николаевич (Воронеж), кандидат исторических наук, заведующий сектором реставрации Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета.

САМОЙЛОВА Мария Павловна (Нижний Новгород), кандидат исторических наук, доцент, директор научно-образовательного центра «Славяно-греко-латинский кабинет» при Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова.

СЕНЮТКИНА Ольга Николаевна (Нижний Новгород), доктор исторических наук, профессор кафедры истории и мировой политики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. И. Добролюбова.

СИВКИНА Наталия Юрьевна (Нижний Новгород), доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Славяно-греко-латинский кабинет» при Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова.

ТРОФИМОВА Людмила Владимировна (Елабуга), кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии отделения иностранных языков Елабужского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета.

УСТИНКИН Сергей Васильевич (Нижний Новгород), доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. И. Добролюбова.

ЩЕЛИНА Тамара Тимофеевна (Арзамас, Нижегородская область), доктор педагогических наук, профессор, директор Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

АЛЬМАНАХ

Славяно-греко-латинского кабинета
Приволжского федерального округа

Thesaurus scientiarum et virtutum.
Сокровищница знаний и добродетелей

Выпуск 7

Ответственный за выпуск:
Самойлова Мария Павловна

Редакторы: Н. С. Чистякова
В. М. Цымбалова
Компьютерная верстка Л. В. Медведева

Подписано к печати 01.11.2023. Дата выхода в свет ...
Свободная цена. Формат 60×84/8.
Печать трафаретная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17,55.
Тираж 200 экз. Заказ № 11001.

Адрес редакции, издателя, типографии:
603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а